

"Семён Самсонов - По ту сторону"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

child_prose prose_military Семён Николаевич Самсонов По ту сторону

Приключенческая повесть о советских подростках, угнанных в Германию во время Великой Отечественной войны, об их борьбе с фашистами.

Повесть о советских подростках, которые в годы Великой Отечественной войны были увезены в фашистский концлагерь, а потом на рынке рабов «приобретены» немкой Эльзой Карловной. Об их жизни в качестве рабов и, всяких мелких пакостях проклятым фашистам рассказывается в этой книге.

Автор, участник Великой Отечественной войны, рассказывает о судьбе советских подростков, отправленных с оккупированной фашистами территории в рабство в Германию, об отважной борьбе юных патриотов с врагом. Повесть много раз издавалась в нашей стране и за рубежом. Адресуется школьникам среднего и старшего возраста.

1949 ru ru USER doc2fb, FictionBook Editor Release 2.6 2010-12-10 ECCE6B97-3B6C-48E2-A057-5D8501EB7746 3.0

V3.0 — дополнительная вычитка. 20101224 LT Nemo

Семён Николаевич Самсонов

(1912-1987)

По ту сторону

От автора

В июле 1943 года мне довелось побывать на станции Шахово, освобождённой нашими танковыми частями.

Немецкие автомашины с заведёнными моторами, повозки, на которых вместе с военным имуществом лежали одеяла, самовары, посуда, ковры и прочее награбленное добро, красноречиво говорили и о панике, и о моральных качествах противника.

Как только наши войска ворвались на станцию, мгновенно, точно из-под земли, стали появляться советские люди: женщины с детьми, старики, девушки и подростки. Они, радуясь освобождению, обнимали бойцов, смеялись и плакали от счастья.

Внимание наше привлёк подросток необычного вида. Худой, измождённый, с кудрявыми, но совершенно седыми волосами, он был похож на старика. Однако в овале изрезанного морщинами веснушчатого лица с болезненным румянцем, в больших зелёных глазах было что-то детское.

— Сколько тебе лет? — спросили мы.

— Пятнадцать, — ответил он надтреснутым, но юношеским голосом.

— Ты болен?

— Нет... — пожал он плечами. Лицо его чуть скривилось в горькой улыбке. Он потупился и, как бы оправдываясь, с трудом проговорил:

— Я был в фашистском концлагере.

Мальчика звали Костей. Он рассказал нам страшную историю.

В Германии, до своего побега, он жил и работал у помещицы, недалеко от города Заган. Вместе с ним находились ещё несколько подростков — мальчики и девочки. Я записал имена Костиных друзей и название города. Костя, прощаясь, настойчиво просил и меня и бойцов:

— Запишите, товарищ лейтенант! И вы, товарищи бойцы, запишите. Может быть, встретитесь с ними там...

В марте 1945 года, когда наше соединение шло на Берлин, в числе многих немецких городов, взятых нашими частями, оказался и город Заган.

Наступление наше развивалось стремительно, времени было мало, но всё же я пытался найти кого-нибудь из Костиных друзей. Поиски мои успехом не увенчались. Зато я встретил других советских ребят, освобождённых нашей армией из фашистского рабства, и многое узнал от них о том, как они жили и боролись, находясь в неволе.

Позднее, когда группа наших танков с боями вышла в район Тейплица и до Берлина оставалось сто шестьдесят семь километров, я случайно встретил одного из друзей Кости.

Он подробно рассказал о себе, о судьбе своих товарищей — пленников фашистской каторги. Там, в Тейплице, и родилась у меня мысль написать повесть о советских подростках, угнанных в фашистскую Германию.

Посвящаю эту книгу юным советским патриотам, которые на далёкой, ненавистной чужбине сохранили честь и достоинство советских людей, боролись и умирали с гордой верой в милую Родину, в свой народ, в неминуемую победу.

Часть первая

Поезд идёт на запад

На станции столпились провожающие. Когда подали состав и со скрежетом приоткрылись двери товарных вагонов, все притихли. Но вот вскрикнула какая-то женщина, за ней другая, и скоро горький плач детей и взрослых заглушил шумное дыхание паровоза.

— Родные вы наши, деточки...

— Милые вы мои, да куда же вас теперь...

— Посадка! Посадка началась! — выкрикнул кто-то тревожно.

— Ну, вы, скоты, шевелитесь! — Полицейский подталкивал девочек к деревянному трапу вагона.

Ребята, понурые и обессиленные от жары, с трудом влезали в тёмные, душные коробки. Взирались по очереди, подгоняемые немецкими солдатами и полицейскими. Каждый нёс узелок, чемоданчик или мешок, а то и просто свёрток с бельём и продуктами.

Один черноглазый, загорелый и крепкий мальчик был без вещей. Поднявшись в вагон, он не отошёл от двери, а встал сбоку и, высунув голову, принялся с любопытством рассматривать толпу провожающих. Его чёрные, похожие на крупные смородины глаза светились решимостью.

Черноглазого мальчика никто не провожал.

Другой, рослый, но, видно, сильно ослабевший паренёк неловко закинул ногу на лесенку, приставленную к вагону.

— Вова! — окрикнул его взволнованный женский голос.

Вова замешкался и, оступившись, упал, загородив дорогу.

Задержка рассердила полицейского. Он ударил мальчика кулаком:

— Шевелись, болван!

Черноглазый мальчик тотчас подал Вова руку, принял от него чемоданчик и, зло покосившись на полицейского, громко сказал:

— Ничего! Крепись друг!

У соседних вагонов шла посадка девочек. Здесь было ещё больше слёз.

— Люсенька, береги себя, — повторял пожилой железнодорожник, но видно было, что и сам он не знает, как это сможет сберечь себя его дочка там, куда её везут. — Ты смотри, Люся, пиши.

— И ты тоже пиши, — сквозь слёзы шептала белокурая голубоглазая девочка.

— Узелок-то, узелок возьми! — раздался растерянный голос.

— Береги себя, детка!

— Хлеба хватит ли?

— Вовочка! Сыночек! Будь здоров! Крепись! — терпеливо повторяла пожилая женщина. Слёзы не давали ей говорить.

— Не плачь, мама! Не надо, я вернусь, — сдвинув брови шептал ей сын. — Я сбегу, вот увидишь!..

Скрипя, одна за другой задвинулись широкие двери товарных вагонов. Плач и крики слились в один громкий протяжный стон. Паровоз засвистел, выбросил сизый фонтанчик пара, дрогнул, рванулся вперёд, и вагоны — красные, желтые, серые — медленно поплыли, мерно отсчитывая колёсами стыки рельсов.

Провожающие шли возле вагонов, всё ускоряя шаг, потом побежали, махая руками, платками, фуражками. Они плакали, кричали, ругались. Поезд уже миновал станцию, а толпа, окутанная дымкой серой пыли, всё ещё стремилась вслед за ним.

— Гра-зой-дись! — орал полицейский, размахивая резиновой дубинкой.

...Вдалеке замер гудок паровоза, и над линией железной дороги, там, где за семафором скрылся поезд, медленно поднималось в небо облако чёрного дыма.

Вова плакал, прислонившись к наваленным в углу мешкам и чемоданам. При матери он старался сдерживаться, а вот теперь плакал. Ему вспомнилось всё, что произошло за последнее время.

Когда началась война и нужно было эвакуироваться, Вова с матерью собрались ехать в Сибирь, к родным. За несколько дней до отъезда он заболел. Мать хотела всё-таки уехать, но её отговорили. Как ехать с больным ребёнком! Дороги забиты, фашисты бомбят их днём и ночью. А мальчик не в силах даже подняться на ноги. Разве мать сможет унести его на руках, если поезд будут бомбить!

Вова хорошо помнил, как пришли фашисты. Несколько дней ни он, ни его мама не выходили из дома дальше двора. И вдруг однажды утром прибежала перепуганная соседка и с порога крикнула матери:

— Мария Васильевна!.. В городе, в городе-то что делают, проклятые...

— Кто? — растерянно спросила мать.

— Фашисты.

— Ну, что ж! Дождёмся, когда они за всё получат сполна.

— Да... — с горечью протянула соседка. — Хорошо бы дождаться! Вы только посмотрите, что в городе делается! — торопливо говорила соседка. — Магазины разгромлены, всюду пьяные солдаты. Приказы появились: после восьми часов на улицу не выйди — расстрел. Я сама читала! За всё! — решительно за всё — расстрел.

Соседка ушла. Вова с матерью сели кушать. Вдруг раздался стук в дверь. Мать вышла в сени и вернулась в комнату бледная. Такой бледной Вова никогда ещё её не видел.

Вслед за ней вошли два немца в зелёных мундирах и русский в какой-то странной форме. Вова сразу узнал его: совсем недавно этот человек приходил к ним как монтёр из радиоузла.

Дерюгин появился в городе незадолго перед войной. Поговаривали, что он сын бывшего торговца и имел судимость. Устроился монтёром в радиоузел, а теперь появился в форме полицейского. Держался он уже совсем иначе. Вова даже поразился — как может измениться человек!

— Приятного аппетита! — развязно сказал Дерюгин, без приглашения пройдя в комнату.

— Спасибо, — сухо ответила мать, а Вова подумал: «Вот он какой, монтёр!»

— Мы, собственно, к вам по делу, так сказать, предупредить, — по-хозяйски оглядывая комнату, начал Дерюгин: — Господин комендант приказали выявить всех бывших работников районных организаций и предложить им встать на учёт.

— Я давно не работаю, отвыкла.

— Это не имеет значения. Вы, кажется, машинистка из райсовета?

— Была. Но сейчас сын у меня болен. Работать я не могу.

— Наше дело казённое, — вызывающе сказал Дерюгин. — Предупреждаю: завтра на регистрацию.

Немцы и полицейский ушли. Мать как стояла у стола, так и застыла.

— Мама... — позвал Вова.

Она вздрогнула, кинулась закрывать дверь, почему-то заперла её даже на большую задвижку, которой они никогда не пользовались. Потом вернулась в комнату, присела к столу и заплакала.

На другой день Мария Васильевна ушла в комендатуру и долго, очень долго не возвращалась. Вова так волновался, что собрался было идти за ней. Он уже встал, оделся, но вдруг решил, что дом оставлять без призора нельзя.

«Подожду ещё немножко. Если не вернётся, пойду искать», — решил Вова и присел на диван.

Мама вернулась только к обеду. Она обняла сына и обрадовалась так, словно они не виделись бог весть сколько времени.

— Мне, Вовочка, предложили работу машинистки в городской управе. А я работать на фашистов не хочу. Как ты думаешь?

Как ни взволнован был Вова, он с гордостью отметил про себя, что мама впервые советовалась с ним, как со взрослым.

— Не надо, мама, не ходи! — решительно заявил он.

— А если заставят?

— Не заставят, мама.

— А если силой?

— А ты им прямо скажи: «Не буду я на вас работать, проклятые», и всё!

Мать печально усмехнулась, ещё крепче обняла исхудавшего за время болезни сына и проговорила сквозь слёзы:

— Глупенький ты мой, ведь это фашисты...

Свернувшись калачиком на вещах в грязном углу теплушки, Вова вспоминал эти долгие, мрачные дни. Он изредка бывал на площади, на улицах, в саду. Видел гитлеровцев, шаривших по магазинам, ходивших по дворам и забиравших кур, яйца, молоко, ценные вещи. Однажды два немца ворвались в соседний двор. Вова увидел сквозь щель дощатого забора: рыжий долговязый солдат гонялся за поросёнком, а другой, помахивая автоматом перед носом хозяйки, выкрикивал тонким голоском:

— Яйки! Млеко! Пух-пух!

С каждым днём становилось всё хуже и хуже. Улицы опустели, мостовые превратились в сплошное болото грязи, перемешанной танками и машинами. И хотя лето было в полном

расцвете, но Вове казалось, будто почернели даже дома и сады. Редкие прохожие были угрюмы и молчаливы. На площади повесили старика, и труп висел целую неделю. Люди друг другу передавали, что это партизан, все жалели его, но похоронить не могли: на площади днём и ночью дежурили эсэсовцы.

Вскоре маму опять вызвали в городскую управу.

— Сын выздоровел? — спросил её бургомистр.

— Ещё не совсем.

— Работать можете?

— Нет, не могу.

— Что значит «не могу»? Мы дали вам возможность подумать, пока поправится ваш сын, а вы изволите говорить «нет». Завтра же на работу! — приказал бургомистр.

— Господин бургомистр, поймите же, не могу я работать, — уверяла мать. — Дом оставить не на кого, сын нездоров.

— Нам дела нет до ваших личных забот. Нам нужна машинистка, понимаете? — резко оборвал её бургомистр, подчеркивая слово «нам». — Если вы завтра не явитесь на работу, пеняйте на себя. Можете идти!

На работу мать всё-таки не пошла. Утром они с Вовой ушли к знакомым и вернулись только вечером. У калитки их ждала соседка.

— К вам три раза приходили, — испуганно предупредила она.

Ночью мать увели. Вова плакал навзрыд, чего с ним никогда раньше не случалось. Как хотелось ему найти Дерюгина и вцепиться ему в горло! Это он виноват.

Мать вернулась на другой день измученная, молчаливая, с синяками на лице. Эти синяки подействовали на Вову так, как будто его самого избили. Чем бы он ни занимался, всё время видел распухшее мамино лицо. Однако он ни о чём не спросил мать, и она не рассказала ему, что делали с ней в комендатуре. Только после этого они из дому не выходили совершенно. На рассвете шли в огород, работали. Вечером возвращались усталые, молчаливые. Мать готовила ужин, Вова сидел и читал или писал. Ещё засветло ложились спать, но Вова часто просыпался и видел, как мать сидела у стола, тяжело вздыхала и плакала.

Скоро по городу пронесся слух о мобилизации подростков на работу в Германию. Через несколько дней Вова был зарегистрирован как «рабочая сила» для «великой Германии»...

Открывая заплаканные глаза, мальчик видел полутёмный вагон, переполненный такими же, как он, ребятами. Он плотнее прижимался к стенке вагона и старался думать о том, как вернётся — всё равно вернется! — домой. А поезд полз и полз вперед, постукивая колёсами и поскрипывая сухими досками старых товарных вагонов, похожих на коробки. И как ни силился Вова думать о чём-нибудь другом, но никак не мог забыть, что с каждой минутой его увозят всё дальше и дальше от родного дома.

В неволе

Поезд ушёл на запад. Яркий свет летнего солнца еле пробивался через узкие решётки окон, точно в тюремную камеру. В вагонах, переполненных подростками, было тесно и душно. Днём от накалившихся железных крыш становилось невыносимо душно. Ехали уже вторые сутки.

— Вова, я так пить хочу... Нет ли у тебя водички? — вдруг заговорил Толя, школьный товарищ Вовы.

— Есть, наверно.

Он порылся у себя в узелке и достал литровую бутылку со сладким чаем, который мама приготовила ему в дорогу.

Вова точно окаменел. За прошедшие сутки он ни разу не покинул своего угла, не притронулся к еде. Сидел, закрыв лицо руками, и тревожно прислушивался к шёпоту спутников.

Нудный и монотонный перестук колёс мешал ему сосредоточиться и думать о том единственном, что его теперь волновало. Казалось, колёса сами выговаривают: «Как бежать? как бежать? как бежать?»

— Толя! — наконец заговорил Вова.

— Что?

— Сядь ближе... Ещё ближе... Ты знаешь, о чём я думаю? — прошептал Вова прямо в ухо товарищу.

— Не знаю.

— Только чтоб — никому!

— Честное пионерское! — торжественно прошептал Толя и прижался к Вове.

— Давай убежим!

— Давай!

— Как только откроют вагоны, мы и удерём.

— А если нас поймают?

— Надо, чтоб не поймали... Спрячемся, а, когда поезд уйдёт, побежим по линии назад, домой...

— А из вагона-то как выбраться? — допытывался Толя.

— Не знаю. Пока ещё не знаю, — почти сердито сказал Вова и замолчал.

Толя подумал, что уйти будет очень-очень трудно, но ничего не сказал, чтобы не расхолаживать товарища. В самом деле, о чём же им сейчас и думать, как не о побеге? Ловя взглядом солнечного зайчика, пробившегося сквозь решётку окна, Толя мечтал: «Хорошо бы, поезд остановился ночью где-нибудь в глухом месте, а ещё лучше, если бы произошло крушение. Тогда-то мы бы удрали...»

На остановке широкая дверь теплушки открылась, и перед ребятами предстал высокий и тонкий, как жердь, человек с рябым лицом.

— Дерюгин! Монтёр! — прошептал Вова и, покраснев от бессильного гнева, стиснул Толино плечо. — Это он за мамой приходил!

— Эй, заморыши! — крикнул Дерюгин. — Жратву получать!

Рядом с полицейским стояли немец-конвоир и трое ребят, принёсших оцинкованный бак с чёрной жидкостью и ящик с хлебом. Мухи облепили тонкие куски чёрного сырого хлеба.

«Как на помойке!» — с отвращением подумал Вова.

Дети, измученные жаждой, зазвенели кружками, котелками, бутылками. Полицейский черпал полулитровой меркой мутную жижу и выдавал каждому по куску хлеба. Жижица называлась «кофе». Тёплая, с каким-то непонятным запахом, горьковатая, она вызывала тошноту.

— Я не хочу кофе! — вызывающе сказал Вова, когда очередь дошла до него.

— Следующий, — гаркнул полицейский и вылил порцию Вовы другому мальчику.

Получив свою порцию, Толя озлобленно буркнул:

— Собак лучше кормят...

— И собака такое есть не будет, — откликнулся кто-то в другом углу вагона.

— Гады! — произнёс третий тихим, но твёрдым голосом.

Вова положил ломтик хлеба на узелок и вернулся к двери.

Ласково светило солнце. Совсем близко зеленели высокие ветвистые липы. Вдали расстился ярко-зелёный, приветливый ковёр полей. Вова по-настоящему ощутил дыхание тёплого, душистого воздуха. Ему мучительно захотелось сейчас же, сию минуту, выпрыгнуть из вагона и убежать в поле.

— Вова, — тихо произнёс Толя, притрагиваясь к его плечу, — смотри, как там хорошо, в степи.

— Хорошо... — грустно подтвердил Вова.

— Можно сходить до ветру? — вдруг спросил Вова у полицейского, подошедшего к вагону.

— Куда? — нахмурился тот.

— До ветру, понимаете? — повторил он, и голос его дрогнул.

Конечно же, Дерюгин прекрасно понимает Вову, но просто издевается, переспрашивая.

— Сидеть! — рявкнул полицейский.

— У меня живот болит! — солгал Вова.

— Сидеть! Сказано сидеть — и сиди! — Дерюгин кричал, хотя Вова стоял рядом с ним. Все поняли, что полицейский хочет выслужиться перед конвоиром.

Но конвоир равнодушно покуривал, ни на что не обращая внимания. Он ни разу не взглянул ни на ребят, ни на полицейского. Вова глядел на него и думал с ненавистью: «Чугунный!» Когда

закончилась раздача пищи, тяжёлая дверь заскрипела, стукнула металлическая щеколда, и в теплушке опять стало темно, душно и тихо.

Вова и Толя, грустные и подавленные, отошли в свой угол. К ним подсел черноглазый мальчик, который при посадке помог Вове взобраться в вагон.

— Не уйти, — сказал он тихо, как будто продолжая разговор Толи и Вовы, начатый до остановки.

— Что? — переспросил Вова.

— Я говорю, из вагона, пожалуй, не удрать.

Они разговорились.

— Вот приедем на место, тогда, может, и удерём. Верьте, я не подведу... Меня зовут Жора, — сказал черноглазый, вспомнив, что новые приятели не знают, как его звать.

— Видали мы таких бегунов... — подзадорил Толя.

Но Жору это не обидело. Он ещё ближе подсел к Толе.

— Я уже, знаешь, где побывал? — продолжал он с задором. — И в Белоруссии, и на Дальнем Востоке... Родителей два раза терял, и всё равно не пропал.

— Как два раза? — удивился Вова.

Он как-то сразу доверился Жоре и подумал: «Может, нам как раз не хватает именно такого смелого товарища».

— Я ни отца, ни матери не помню. Они, говорят, от пожара погибли, когда я совсем маленький был. Меня устроили в детский дом, а потом усыновили хорошие люди. Пограничник один с женой... Я его папой звал и любил очень, — вздохнул Жора. — И маму Лизу любил. Когда началась война, папу на заставе убили. Мы поехали с Лизой к её родным в Курск, а по дороге фашисты налетели, поезд разбомбили, и больше я Лизу не видел... Попал я тут в деревню, к дядьке одному. У него сын Вася, мне ровесник. Как немцы пришли, дядька этот старостой сделался. А раньше такой незаметный был! Он, когда услышал, что ребят на работу увозят, сам побежал в комендатуру и заявил: «Сына отдаю!» А дома говорит мне: «Поедешь, нечего даром мой хлеб есть!» Мне, между прочим, обидно стало: почему «даром». Я у него с утра до ночи работал, а Васька только голубей гонял... Вот и попал я сюда за другого.

Он улыбнулся, но Вова видел, что улыбаться ему совсем не хочется.

— Как же это? — возмутился Вова. — Ведь ты в комендатуре мог сказать, что ты не сын, что ты ему чужой.

— А не всё ли равно? Все мы им чужие! Им бы таких, как я, вывезти отсюда побольше. Только пусть не думают! Все равно им на нашей земле не усидеть. Моего папу убили — другие остались. Вышибут фашистов отсюда. Непременно вышибут! — Жора нахмурил брови и умолк.

— И тебе не страшно ехать? — тихо спросил Толя.

— Не хочу я бояться, — помолчав, ответил Жора.

С этого дня они вместе ели, вместе спали и вели нескончаемые разговоры о побеге, строили планы. Вова и Толя делились с Жорой продуктами, взятыми из дому.

— Ничего, — успокаивал Жора друзей, — мы все-таки удерём!

И Вова с Толей верили ему. Но не только они думали о побеге. По ночам в вагоне наступало оживление. Сначала слышался приглушённый шёпот, а если очень увлекались в спорах, то начинали громко разговаривать и кричать. Каждый предлагал свой план побега. Мальчики группировались, намечали сроки, и все, как один, ждали и надеялись на удобный случай.

В одном из вагонов, в котором ехали девочки, ни на минуту не прекращались слёзы. Под вечер на второй день все страшно перепугались. Вагон затрещал, резко звякнули буфера, и поезд остановился. Все замерли.

Люся со страхом прислушалась к своему дыханию. Сердце билось сильно: тук-тук-тук, — а в ушах звенело.

Кто-то громко и печально произнёс:

— Теперь нам всем смерть, нас везут убивать!

Девочки заплакали ещё сильнее.

Плакали все, даже Люся, которая до сих пор крепилась. Однако она скоро успокоилась и пыталась подбодрить своих спутниц.

— Перестаньте, девочки! Слезами горю не поможешь. Подумаем лучше, как быть.

— О чём думать? — громко перебила её Аня, угрюмая и молчаливая девочка. — Что мы можем придумать?

— Да ведь должны же мы как-то жить, к чему-то стремиться! — возмутилась Люся. — Может быть, как-нибудь и убежим. — Она с трудом сдерживала себя, чтоб не наговорить Ане обидных слов. Ведь нельзя же, в самом деле, примириться с тем, что их увозят в Германию! — Надо бороться! — спокойно сказала она.

— Ну и борись!

— Не я же одна — нас много! — не сдерживаясь, кликнула Люся.

— Оставь меня в покое, — опять заплакала Аня, — мне и так плохо.

Разговор оборвался.

Люся подумала со страхом: «А что, если я не найду здесь хороших товарищей?» Но тут же ей стало стыдно за свои мысли. Конечно, она найдёт подруг. Не может быть, чтобы не нашла. Вот Шура Трошина, например, они уже немножко знакомы. С этими мыслями она незаметно для себя заснула. Усталость взяла своё.

Первый завтрак в вагоне девочек проходил так же, как и у мальчиков, только полицейский и молодой щеголеватый немец пытались шутить с ними.

— Ну, как спалось, барышни? — спросил Дерюгин, когда Люся подошла получить свою порцию кофе.

— Как в тюрьме, — ответила она, не глядя на него.

Немец смотрел на Люсю, улыбался и толкал полицейского в бок:

— Дизес руссише медхен ист гут[1], — но Дерюгин сделал строгую гримасу.

Когда Люся отошла от двери и села завтракать, Шура недовольно заметила:

— Нашла с кем говорить!

Люся не ответила, но подумала: «И правда, зачем?..» Завтрак кончился, но полицейский не закрывал дверь. Немец уселся у открытой двери и, делая вид, что чистит ногти, искоса поглядывал на девочек. Они тревожно притихли. В это время у вагона появился офицер. Солдат быстро спрыгнул на землю и стал навтыжку. Офицер сердито прикрикнул на него, и дверь тотчас закрылась.

— Вот и хорошо, — облегчённо вздохнула Люся.

— А скоты! — слышался чей-то голос.

— Хуже! Особенно полицейский. Предатель! Продажная шкура! — громко сказала Шура.

— Тише вы, ещё подслушает! — испугалась Аня.

Когда поезд тронулся, Аня забилась в угол, а Люся забралась к самому окошку и вынула из узелка книгу. Многие с завистью и в то же время с тревогой смотрели на неё. Ещё в комендатуре их предупредили: никаких книг с собой не брать, тот, у кого обнаружат книгу, пусть знает — его раз и навсегда отучат читать.

— Ещё попадёт нам всем за твою книжку, — вздохнула Аня.

— Я осторожно. Прочту и выброшу, — усмехнулась Люся.

— Нет, лучше отдай её мне, когда прочтёшь, — сказала Шура и внимательно оглядела всех девочек, будто хотела узнать, есть ли среди них такие, которые согласятся беспрекословно выполнять приказ коменданта и побоятся читать книгу.

— Это что за книга? — спросила худенькая девочка, соседка Люси.

— «Как закалялась сталь».

— Я тоже хочу прочесть, — раздался звонкий голос.

— И я, и я... — слышалось из всех углов вагона.

Девочки оживились, словно одно название книжки помогло им стряхнуть с себя тяжесть и оцепенение. Моментально они окружили Люсю.

— Читай вслух, — решительно сказала Шура.

Аня испуганно всплеснула руками, но никто уже не обращал на неё внимания.

Люся читала внятно, медленно, не пропуская ни одного, слова, и, казалось, освежающий ветер прошёл по лицам слушавших её подруг. Даже Аня поднялась и осторожно подвинула свой

чемодан поближе к тесному кружку.

На чужой земле

Поезд остановился на большой станции уже на чужой земле. Резкий толчок и лязг буферов разбудил Вову. За стенкой вагона слышалась польская и немецкая речь. Подтянувшись на руках, Вова выглянул в окно. Стояла тёмная, тёплая ночь. Тихо шелестели деревья.

«Где мы? Куда нас привезли?» В ушах звенело. В вагоне было душно, пахло карболкой, потом и тухлыми яйцами — видимо, у кого-то залежалась взятая из дому еда. Хотелось пить. Вова пошарил в мешке и вынул бутылку с водой, но застрявшая в горлышке пробка мешала напиться. Он долго возился с пробкой и так увлёкся, что не сразу услышал рёв мотора... Тишина и темень неожиданно сменились резким тьяканьем зениток, яркими вспышками огня.

— Это наши, наши летят! — в восторге закричал Вова.

И вдруг в окна теплушек брызнули искры, взрывы один за другим сотрясали землю, теплушки вздрагивали и скрипели, где-то звенели стёкла, осколки бомб барабанили по железным крышам. В вагоне раздались крики, плач, но всё потонуло в рёве моторов, лае зениток и грохоте взрывов.

— Это наши, наши летят! — в восторге закричал Вова.

И вдруг в окна теплушек брызнули искры, взрывы один за другим сотрясали землю, теплушки вздрагивали и скрипели, где-то звенели стёкла, осколки бомб барабанили по железным крышам. В вагоне раздались крики, плач, но всё потонуло в рёве моторов, лае зениток и грохоте взрывов.

Авиационный налёт длился несколько минут, однако минуты эти показались ребятам невероятно длинными. Но вот гул бомбёжки замер. Стало слышно, как на станции что-то трещало и рушилось; доносились крики и стоны, смешавшиеся с урчанием автомашин и тоскливым рёвом паровозов, скученных на запасных путях станции.

Вова едва добрался до своего угла и опустился на пол. Только теперь он почувствовал боль, что-то липкое текло по руке. Он разжал пальцы, и по полу зазвенели осколки бутылки.

— Выходи! — неожиданно раздалась команда, и двери вагона раздвинулись. — Живее, шкуры! — кричал перепуганный Дерюгин.

— Приехали, что ли? — Вова разыскивал свой узелок.

— А кто его знает! — ответил Толя.

— Жорка! — крикнул Вова в темноту.

— Я тут! — раздался голос Жоры, успевшего раньше других соскочить на землю.

После вагонной духоты холодный воздух, даже пахнувший терпкой гарью, казался ребятам очень приятным. Огромное пламя озаряло пути. Возле горящих вагонов и цистерн метались течи фашистских солдат, едва видимые сквозь расстилающийся дым, нависший над путями и зданием станции.

— Хорошо стукнули! — задорно крикнул Вова, едва полицейский отошёл от них.

— Так им, мерзавцам! — добавил Толя.

По путям, часто и тревожно посвистывая, сновали паровозы, расталкивая вагоны. А один, должно быть повреждённый, стоял на месте и беспрерывно выл, пронзительно и тонко. Это забавляло почему-то Вову и он смеялся, забыв о только что пережитом страхе.

Ребят согнали к станционному зданию.

— Вот так задали перцу им наши лётчики! — шепнул Жора, и они наперебой заговорили о том, что фашисты врут, будто Красная Армия разбита.

— Советские-то самолёты летают себе и бомбят и ничего не боятся! — ликовал Вова.

Не он один — все повеселели, тем более что немцам, видно, было не до ребят. Когда начало светать, утомлённые мальчики и девочки почти все спали, прикорнув, кто как сумел. Вова и Толя лежали рядом, подложив под голову свои пожитки. Неподалёку на ящике сидел пожилой охранник и дремал. Несколько солдат и полицейский медленно расхаживали за изгородью.

Вдруг совсем близко от Вовы закричал мальчик. Вова сразу узнал этот голос — он слышал его в вагоне во время бомбёжки. Дремавший охранник вскочил. Подбежал полицейский, заметив, что Вова и Толя не спят, он крикнул им:

— Дайте тому сопляку в бок. Пусть заткнёт глотку!

— Это он во сне, господин полицейский, — переглянувшись с Вовой, быстро ответил Толя. Им не хотелось, чтоб малышу попало. Он совсем маленький. Наверно, лет десять-одиннадцать, не больше. На целых два года моложе их.

— Во сне... Подумаешь, нежное воспитание! — пробурчал, отходя, Дерюгин.

Охранник закурил, прошёлся несколько раз между спящими и снова присел на ящик, лениво дымя вонючей сигарой. Он вёл себя так, как будто не замечал полицейского. Правда, Вова не раз наблюдал: если полицейский громче и чаще орёт на ребят, немец становится как бы веселее и даже изредка улыбается Дерюгину. А когда полицейский ходит молча, немец недоверчиво следит не только за ребятами, но и за ним. Вот и в этот раз он одобрительно посмотрел на Дерюгина, улыбнулся как бы говоря: «Хорошо служишь». Полицейский тоже улыбнулся в ответ. Только улыбка его была шире, продолжительнее. Он ходил возле ребят, засунув одну руку в карман тёмно-синей куртки грубого сукна. Куртка была явно с чужого плеча — рукава длинные, и полицейский загнул их, как манжеты.

Утро наступило так быстро, что ребята не успели отдохнуть.

— Поднимайся! — раздалась команда.

Огромная толпа ребят и девочек зашевелилась, как муравейник.

— Ну, что там за возня? — крикнул Дерюгин.

Вова и Толя продолжали спать, будто их не касалась команда.

— Вставайте же! — тормошил их Жора, запустив холодную руку Вове за пазуху, а Толю подталкивая локтем. — Да что вы, в самом деле! — беспокоился он.

Но Вова и Толя, измученные бессонной ночью, никак не могли очнуться. Заметив беспорядок, Дерюгин уже проталкивался к ним. Тут Жора схватил Вову за руку, а Толю за ухо. Оба сразу проснулись.

— Скорее поднимайтесь! — прошипел испуганно Жора, и ребята вскочили, не понимая, в чём дело.

Полицейский подошёл к ним. Глядя на Вову в упор, он рявкнул:

— Прикажете вас, свиньи, отдельно каждого будить?

Он ткнул тяжёлым кулаком под рёбра Вове и повернулся к Толе. Тот в испуге попятился.

— Кто тут ещё любит поспать? — крикнул полицейский.

— Никто! — машинально ответил Жора.

— Вот тебе, получи! — Дерюгин ударил Жору и отошёл к стоявшим в стороне немецкому офицеру и переводчику.

— Нет дисциплины! Плех! — брезгливо сказал офицер, глядя на полицейского.

Переводчик что-то объяснил офицеру, и тот, понизив голос, продолжал говорить уже по-немецки. Ребята стояли близко. Вова отчётливо слышал, как переводчик жевал слова:

— Господин обер-лейтенант говорит, что идти будем пешком, быстро, чтобы к двенадцати часам успеть к поезду. Нам предстоит пройти пятнадцать километров. Потом мы переправимся через реку на станцию, где этих погрузим в вагоны. — При слове этих он презрительно показал на толпу ребят и продолжал: — Ночью большевики разбомбили мост, поезда не ходят.

— Ясно! — коротко и раболепно ответил Дерюгин.

Через несколько минут колонна, построенная по четыре человека, мальчики и девочки вместе, растянулась и зашагала по дороге к переправе. Шли, действительно, быстро. Патрульные подгоняли ребят криками и толчками. Умолкли разговоры. Многие ребята задыхались, кашляли, кое-кто тихо плакал. Со станции отправились в восемь утра, нагруженные вещами, голодные, неотдохнувшие. Офицер, начальник эшелона, уехал на велосипеде вперёд. Солдаты и полицейские, налегке, без вещей, полупьяные, шагали, будто их самих кто-то гнал. Ребят всё время понукали:

— Живей, живей шевелись, заморыши!

— Беверг дих, шнель, шнель![2]

Рядом с Вовой шли две девочки. Он узнал их имена — Люся и Аня. Люся то и дело перекидывала свой узелок с одного плеча на другое, а чемоданчик брала то в правую, то в левую руку. Эта небольшая ноша была для неё сейчас невероятно тяжёлой. Её белокурые волосы выбились из-под косынки и, свисая на лоб, мешали смотреть, коротенькая кофточка вылезла из-под юбки. Но Люся не могла даже поправить волосы. К тому же обувь сжимала распухшие от жары ноги. По раскрасневшемуся и запылённому лицу текли крупные слёзы.

— Жора! — крикнул Вова идущему впереди товарищу.

— Что?

— Поднеси немножко мой мешок.

— Давай! — Жора быстро перебросил мешок через плечо. Вещей у него не было, и он устал меньше других.

Освободившись от своей ноши, Вова повернулся к Люсе.

— Дай-ка я тебе помогу, девочка.

С благодарностью поглядев на него, Люся молча подала чемоданчик.

— И узелок давай, — сказал Вова.

Люся отдала и узелок.

— Спасибо! Я очень устала, и ноге больно. — Вздохнув облегчённо, она поправила косынку и кофточку.

Дорога спускалась вниз. Под гору идти было легче, и Люся уже собиралась сказать Вове, что она совсем отдохнула и сама понесёт свои вещи, но тут ей в туфлю попал камешек. Он колот пятку. Едва сдерживая слёзы, Люся хромала и морщилась.

— Ты на ходу сними туфлю, — посоветовал Вова.

— Пожалуй, попробую, — покорно согласилась Люся.

Она попыталась разуться, не останавливаясь, но споткнулась и упала. Шедший следом за ней мальчик тоже упал. Он уронил перетянутые верёвкой вещи и теперь, запнувшись, копошился в пыли, силясь подняться. Ряды смешались. Одни старались обойти упавших, другие остановились, задерживая идущих за ними. Полицейский подбежал к смешавшейся колонне.

— Куда глазела, ворона! — закричал он на Люсю.

Упавшего мальчика Дерюгин ударил по щеке и начал подгонять ребят резиновой дубиной:

— Выровнять колонну!

Но сразу выровнять строй было нелегко. Полицейский сквернословил, конвоиры кричали что-то, размахивая автоматами. Ребята, увертываясь от ударов, с плачем искали своё место в колонне. В суматохе Люся потеряла из виду Вову. А он шагал где-то в самом хвосте колонны, не видя ни Люси, ни Жоры.

Наконец подошли к реке.

— Висла! — послышался чей-то голос.

Над широкой гладью мутной, немного желтоватой воды курился туман. Бесформенной грудой чернели согнутые металлические фермы, около уцелевшей части моста суетились немецкие сапёры. Скрипели подъёмные краны, гудели электрические пилы.

Над широкой гладью мутной, немного желтоватой воды курился туман. Бесформенной грудой

чернели согнутые металлические фермы, около уцелевшей части моста суетились немецкие сапёры. Скрипели подъёмные краны, гудели электрические пилы.

При виде разрушенного моста Вова забыл всю тяжесть пути. Теперь он воочию убедился, что война не только там, на родной земле, но и здесь, в тылу врага. Как нагло ввали фашисты в листовках и по радио, что русская армия слаба, что у русских нет самолётов, танков и что скоро они, гитлеровцы, завоюют Россию!

— Врут, проклятые! Про всё врут! — вслух сказал Вова и улыбнулся.

На паром ребят загоняли партиями — по восемьдесят-сто человек. Когда хвост колонны подошёл к переправе, передних уже перевезли на западный берег. Длинная вереница ребят вытянулась вдоль реки.

Вова пристально вглядывался в толпу, надеясь разыскать девочку, у которой он взял вещи. «Даже фамилии её не спросил!» — упрекал он себя.

Вова был уверен, что или товарищи его разыщут, или он найдёт Жору и Толю, но вещи девочки беспокоили его больше всего. У неё ведь теперь ни документов, ни белья, ни еды. Как она обойдётся? Вова чувствовал себя виноватым, а поделаться ничего не мог: в толпе несколько сот человек, и нелегко найти девочку, с которой шёл вместе не более часа.

Смелая попытка

Колонна подошла к станции. Состава ещё не было, и ребята толпились у водокачки, запасаясь водой. Кто-то положил Вова на плечо руку:

— Нашёлся! — услышал он знакомый голос.

Рядом, улыбаясь, стоял обрадованный Жора.

— А мы тебя ищем везде!

Друзья не успели как следует поговорить — на платформу вышел офицер и приказал конвойным увести всех со станции. До вечера их продержали в каких-то сараях. Посадка началась поздней ночью. Немцы торопились и сажали ребят куда придётся. У вагона началась давка. Какой удобный момент для бегства! Но, как нарочно, Жора исчез куда-то с вещами, точно сквозь землю провалился. Толя схватил Вову за руку:

— Попробуем?

— Бежать? — многозначительно спросил Вова.

У него перехватило дыхание: неужели удастся? Вот это было бы здорово! Всё можно перенести — голод, страх — только бы свобода, только бы домой!

Дальнейшее произошло быстро, будто друзья заранее всё решили. Они очень беспокоились о Жоре, но мальчики знали: упустить возможность побега нельзя, и, воспользовавшись темнотой и суматохой, нырнули под вагон.

Им казалось это очень просто: дойти до реки, переправиться как-нибудь на восточный берег, а там, держась линии железной дороги, пробираться на родину, к дому, к родным...

Вова и Толя долго бежали, спотыкаясь о рельсы и шпалы. Когда не стало больше сил бежать, они остановились у разбитого товарного вагона и хотели в нём спрятаться. Но из вагона несло трупным смрадом и гарью. Вконец обессиленные, мальчики присели на насыпи. Только теперь они поняли, как хорошо на свободе. В степи трещали кузнечики, невдалеке слышался торопливый зов перепёлки. Это как-то успокаивало. Но тревожило другое. Со станции доносились голоса людей, лязг буферов, шипенье и свистки паровозов, напоминая о близости врагов.

— Может, переждём до утра? — предложил Толя, его беспокоило, как бы они не заблудились ночью.

— Нет, Толя, до утра мы обязательно должны перебраться через реку.

В эту минуту они не думали об опасности, им просто хотелось, вырвавшись на свободу, скорее, как можно скорее уйти подальше от своих тюремщиков. Но Вова за эту короткую остановку отчётливо представил себе, как тяжело будет пробираться по незнакомой земле, среди чужих людей, которые не поймут, не укажут дороги и куска хлеба не дадут.

— И всё-таки мы не вернёмся обратно, — медленно проговорил он.

— Что ты, Вова! Нам теперь возвращаться нельзя.

— Ну, тогда идём! — почти строго сказал Вова. Ему вспомнилось, как он всегда среди школьных товарищей был вожаком. Вот и сейчас ему хотелось быть таким же, как там, дома, смелым, уверенным.

Они поднялись и пошли, молча, осторожно оглядываясь по сторонам. Идти было трудно. Мальчики спотыкались о камни, о груды железного лома, о пни срезанных телеграфных столбов, путь им то и дело преграждали какие-то канавы и воронки. Вова и Толя добрались почти до самой реки, как вдруг впереди мелькнул тусклый жёлтый огонёк. Мелькнул и сразу же исчез в темноте. Мальчики замерли. Затаив дыхание, они напряжённо вглядывались в густой мрак. Было тихо, и от этого становилось ещё страшнее.

— Ой! — испуганно вскрикнул Толя, снова увидев жёлтый огонёк уже значительно ближе.

— Бежим! — прошептал Вова, но тут же крепко вцепился в руку товарища: — Нет, стой!

Огонёк приближался: бежать было поздно. Ребята уже отчётливо слышали мерное постукивание кованых сапог о шпалы.

— Ложись! — шепнул Вова и присел на корточки.

Толя поспешно опустился на землю, но в этот момент под ним что-то хрустнуло. И мгновенно раздался окрик:

— Хенде хох![3].

Ребята окаменели. Перед ними стоял немецкий солдат с фонарём и направленным на них автоматом.

Всё произошло так быстро, что мальчики не успели опомниться. Солдат забормотал что-то, махнув фонарём. Подталкивая ребят автоматом, он повёл их к железнодорожной станции...

Утром на остановке опять раздавали мутную бурду и чёрный сырой хлеб. Девочки молча протягивали котелки, банки, кружки. Теперь уже никто не жаловался, как в первый раз, и не отказывался от жидкости, которая называлась «кофе». Голод заставлял есть даже такую пищу. Люся тоже подошла получать свою порцию.

— Где твой котелок? — гаркнул полицейский.

— У меня нет посуды.

— Где же она? Дома оставила? Буфета не захватила? — Дерюгин пренебрежительно кинул ей тонкий кусочек чёрного хлеба.

Люся хотела объяснить, что её кружка осталась вместе с вещами у мальчика, но полицейский уже вызывал следующего.

— Ну, чего стоишь, как столб! — крикнул он Люсе, протягивая ломтик хлеба другой девочке.

— Я, я... — заикаясь, начала Люся. — Я прошу вас, господин полицейский, разрешить мне поискать мальчика, у которого остались мои вещи.

— Какого мальчика? — не глядя на неё, бросил полицейский.

— Когда мы шли... — начала было объяснять Люся.

Но Дерюгин не дал ей договорить и, крикнув: «Следующий!», безучастно бросил:

— Потом. С жалобами потом.

Люся, прихрамывая, отошла и села в углу вагона. По её бледному запылённому лицу катились слёзы обиды за своё бесправие.

— Перестань! — участливо сказала ей Шура. — Разве ты не видишь? Они только рады, если мы плачем.

Люся вытерла слёзы. У соседнего вагона раздался шум. Послышался чей-то стон. Потом донёлся голос полицейского:

— Ну что? Погуляли, мерзавцы?

Люся подошла к двери и выглянула. У неё подкосились ноги. Она увидела мальчика, которому вчера отдала чемодан. Вова стоял у соседнего вагона, придерживаясь за стенку. Лицо его было в ссадинах и кровоподтёках, рукав рубашки оторван, с оголённого плеча сочилась кровь. Рядом с ним стоял другой мальчик и громко стонал, поддерживая висевшую, как плеть, руку. Люсю охватил ужас, она только смогла сказать:

— Ох, что сделали!

— Что с тобой? — спросила её Шура, поражённая внезапной бледностью подруги.

— Там... — заикаясь, начала Люся, — там... тот мальчик...

— Какой?

— У которого мои вещи.

— Ну, так надо окликнуть его.

— Нельзя!

— Почему?

Шура подошла к двери и тоже выглянула в щель. За ней, отталкивая друг друга, теснились другие девочки. В вагоне поднялся шум:

— Палачи! Негодяи! Звери!

— Надо жалобу написать, — наивно сказал кто-то.

— Кому жалобу? — со злой усмешкой спросила Шура.

— Как кому? Ну, их начальству, что ли, — ответила Аня.

Люся молча поглядела на Аню, которая, опершись на стенку вагона, стояла, подавленная и растерянная. «Дошло и до неё», — подумала она. Дверь завизжала. Яркий солнечный свет наполнил вагон. Сразу стало тихо. В дверях, закинув руки за спину, стоял Дерюгин.

— Вы желаете жалобу написать? — ехидно спросил он.

Девочки молчали.

— Я спрашиваю, кому здесь плохо?

Никто не ответил.

— Кто недоволен? — грозно рычал Дерюгин.

— Господин полицейский, мы разговаривали, шутили, и только, — сказала Шура.

Она стояла впереди других и в упор смотрела на Дерюгина широко открытыми тёмными глазами. Ноги её дрожали, но она старалась стоять как можно твёрже, сохраняя, выдержку и спокойствие.

— Да? Это, значит, вы друг друга называли негодьями и палачами? — прищурил глаза, усмехнулся Дерюгин.

Шура вздрогнула. Девочки со страхом смотрели на неё: полицейский всё слышал. Но Шура казалась совершенно спокойной. Она молчала.

— Я вас выучу! Вы у меня будете умней! Как твоя фамилия? — обратился Дерюгин к Шуре, как будто она одна была виновата во всём.

— Трошина, — ответила Шура упавшим голосом.

В этот момент раздалась общая команда:

— Очистить вагоны!

Дерюгин ударил Шуру резиновой дубинкой по ногам и, записав её фамилию, ушёл. Девочки засуетились, собирая вещи. Аня с грустью поглядела на Шуру:

— Ну зачем себя так вести, зачем кричать, протестовать? Разве этим поможешь?

Слова её возмутили Шуру. Дрожащим от волнения голосом она громко, на весь вагон, крикнула Ане:

— Эх, ты! Всего боишься... Где тебя этому учили. Все девочки заодно, а ты как... — Шура не могла выговорить последнее слово. Она хотела сказать: «как предатель», но понимала, что это было бы несправедливо.

Лагерь на болоте

На полуостровке, заросшем кустарником, кривыми берёзами и соснами, разместился лагерь. С трёх сторон его опоясывали два ряда высоких столбов с колючей проволокой и широким рвом между ними, заполненным вонючей болотной водой. Четвёртой, неогороженной, стороной лагерь упирался в болото, покрытое зелёной плесенью и кочками. Жёлто-зелёный бескрайний горизонт сливался с небом. Многие думали, что отсюда просто и легко можно было выйти на свободу. Но болото с трясинной и непролазными зарослями и кочками было самой неприступной из преград.

Войти в лагерь или выйти из него можно было только через двустворчатые деревянные ворота, с маленькими будками по бокам для часовых. По углам изгороди лагеря высились наспех сколоченные сторожевые вышки с навесами, похожими на огромные грибы.

В центре просторного двора возвышались уродливые дощатые подмости, напоминавшие танцевальную площадку. Рядом — несколько вбитых в землю скамеек, ржавые бачки, ящики, походная кухня и столб с подвешенным куском рельса. Здесь происходила раздача пищи. Заляпанный грязью и посыпанный крупным синеватым гравием двор окружали длинные серые бараки, плотно прижавшиеся друг к другу. Казалось, даже воздух, пропахший гнилью и сыростью, накрепко заперт, здесь в клетку из колючей проволоки.

На фоне тоскливой серости резко выделялись два дома на пригорке за чертой лагеря. Там возвышались особняки лагерного начальства, сложенные из красного кирпича, с большими светлыми окнами и колоннами у входа. Их окружала низкая изгородь, за которой виднелись светло-зелёные аккуратно подстриженные деревца, клумбы с цветами и асфальтовые дорожки. От особняков тянулась к лагерю узкая прямая аллея из невысоких елей, с дорожкой, посыпанной песком. Из открытых окон неслись звуки музыки и незнакомые песни.

Колонну выстроили во дворе и приказали соблюдать тишину и порядок. Измученные ребята стояли, точно приговорённые к смерти, думая, для чего их выстроили.

Даже Жора, всегда ободрявший товарищей своими шутками, сейчас выглядел таким же понурым, как и все остальные. Всю дорогу он берёт вещи товарищей и неизвестной девочки. Он сложил всё в два мешка и, перекинув их через плечо, мужественно нёс трое суток, никому не жалуясь на усталость. Когда становилось невозможно и ноги подкашивались, он стискивал зубы до боли в висках, но, глядя прямо перед собой, продолжал упорно идти вперёд.

Жора стоял среди ребят, поставив перед собой два мешка и беспокойно оглядывался по сторонам, надеясь увидеть пропавших друзей. Он уже представлял себе, как с гордостью скажет им: «А вещи-то ваши я сберёг! Посмотрите, все целы».

И вдруг он увидел Вову. Тот стоял в первых рядах и внимательно наблюдал за эсэсовцем,

вошедшим на подмости. Высокий тощий эсэсовец в тёмных очках, с холёным, мрачным лицом медленно и важно подымался по ступеням. На голове у него смешно торчала фуражка с высоким околышем, чёрным блестящим козырьком и кокардой с орлом и свастикой. Военный мундир плотно облегал его сухопарую фигуру. Это был комендант лагеря Герман Штейнер.

Заметив Вову, Жора забыл всё на свете. И, когда встретился, наконец, взглядом со своим другом, звонкий выкрик нарушил мёртвую тишину.

— Вовка! — прозвенело на весь лагерь.

Все встrepенулись и повернули головы в сторону Жоры.

— Молшaть, русский свинья! — рявкнул комендант.

Все притихли и уставились на Штейнера. Только Вова и Жора не сводили друг с друга радостных глаз, точно боясь снова потеряться в толпе.

Штейнер говорил медленно, повелительно, русский язык давался ему с трудом, и он коверкал слова. За всё время своей длинной и грозной речи о порядках в лагере, обязанностях на работе и поведении в бараках комендант ни разу не сдвинулся с места, не пошевелил рукой, лишь голова его изредка поворачивалась направо или налево. Когда Штейнер повышал голос, лицо и шея его наливались кровью; когда успокаивался, лицо становилось бледным. Ребята с нетерпением ждали конца ругани, угроз и наставлений.

Комендант сошёл с подмостков. На его месте появился Дерюгин. Он объявил, что сейчас мальчики и девочки будут разбиты на группы по двадцать человек, получают нашивки с номерами и разойдутся по баракам.

Жора подумал: надо сделать так, чтобы попасть в одну группу с Вовой. Воспользовавшись тем, что на подмостках, кроме полицейского, никого больше не было, Жора поманил Вову рукой. Вова незаметно протиснулся сквозь ряды и стал рядом с Жорой. Ребята потеснились, а Жора, схватив товарища за руку, вместо приветствия произнёс:

— Вот это да! — И тут же спросил: — Толю не видел?

— Он захворал, — ответил Вова.

— Где он?

— В бараке лежит.

— Плохо ему?

— Плохо. Рука сломана.

— Как же так?

— Били.

— За что?

— Мы... мы хотели убежать, а нас поймали, — неловко переступая с ноги на ногу, сознался Вова.

— Бежать? Я же говорил вам, что пока нельзя.

— Да уж очень случай выдался удобный.

— Как же вас поймали? — спросил Жора, поглядывая с укором на товарища.

— Потом расскажу. А ты наши мешочки прихватил? — нерешительно спросил Вова, меняя тему разговора.

— Принимай вещи! Вот они. — Жора указал на два мешка, лежавшие у его ног.

— Спасибо тебе! — радостно заулыбался Вова.

Он думал о том, какие они с Толей неблагодарные. Убежали, бросили такого хорошего, настоящего товарища, друга.

— Ты что молчишь? — спросил Жора.

— Я — я так... — запинаясь, ответил Вова: — Теперь надо девочку найти, узелок и чемоданчик ей отдать.

— Найдём! — уверенно ответил Жора.

В эту минуту он всё простил товарищам и был очень счастлив, что они снова вместе.

Баракы для жилья представляли собой длинные узкие сараи с низкими потолками и сплошными двухэтажными нарами вдоль стен. Пол, потолок, стены — всё было из неотёсанных досок, чёрных от грязи и копоти. Окон в бараках не было. Их заменяли узкие щели с решётками под самым потолком, через которые едва проникал дневной свет. Вся обстановка барака состояла из нар, двух железных печей да нескольких скамеек. Воздух, пропитанный запахом плесени, горького дыма, гнилых овощей и карболки, вызывал головокружение.

В каждом бараке разместили по сто двадцать человек. Было так тесно, что многим ребятам пришлось залезть под нары, чтобы дать возможность другим устроиться и рассовать свои вещи. С непривычки от духоты и смрада дети почти теряли сознание.

Поздно вечером в барак пришли эсэсовец и полицейский. Оба сморщились от спёртого, гнилого воздуха. Эсэсовец буркнул что-то полицейскому, тут же вышел. Дерюгин поспешно раздавал жёлтые треугольные лоскутки, на которых стояли непонятные буквы «SU»[4], порядковые номера. Делая пометки в списке и заставляя ребят расписываться в получении номера, полицейский приказывал:

— Пришить к одежде на правую сторону груди!

— Нет иголок, нет ниток, — раздались голоса.

— Найдёте! — досадливо отмахнулся Дерюгин.

— Господин полицейский, можно пришить проволокой? — раздался голос из дальнего тёмного угла.

— Можно, — не поднимая головы, ответил Дерюгин.

Рассчитав, что полицейскому всё равно не удастся пробиться сквозь толпу ребят, заполнивших

тесный проход, всё тот же подросток крикнул вызывающе:

— А что, господин полицейский, у фюрера штаны тоже проволокой шиты?

Раздался дружный хохот, но тут же смолк, как по команде.

Дерюгин сорвался с места, точно его ужалили, топнул коваными немецкими сапогами и рывкнул на весь барак:

— Кто кричал?

Вглядываясь в плотную молчаливую стену ребят, заполнивших проход и нары, полицейский разразился бранью.

— Я тебя найду! Я тебе покажу! — кричал он, брызгая слюной и грозя кулаком.

Из тёмного угла ответили коротким пронзительным свистом. Расталкивая локтями ребят, Дерюгин кинулся в конец барака:

— Кто свистел?

Все молчали. Посыпались звонкие пощёчины. Полицейский бил подряд, не разбираясь. Из противоположного угла донеслось:

— Продажная тварь!

В эту минуту в дверях показалась фигура немецкого солдата. Он протиснулся к столу, на котором мерцал тусклый огонёк, и удивлённо остановился.

— Продажная тварь!

В эту минуту в дверях показалась фигура немецкого солдата. Он протиснулся к столу, на котором мерцал тусклый огонёк, и удивлённо остановился.

— Вот это да-а! — шепнул Жора. — Что же дальше будет?

— Ничего. Ложись. Будто мы спим, — коротко ответил Вова.

Положив голову на мешок, он притворился спящим и сквозь ресницы стал наблюдать за тем, что происходит.

Полицейский, добравшись до середины барака, столкнулся с немцем. Тяжело дыша и размахивая руками, он принялся что-то ему объяснять. Но тот лишь хлопал глазами, безуспешно пытаясь понять своего подручного. Потом ему надоело слушать хриплый голос Дерюгина. Потеряв надежду что-нибудь понять, немец махнул рукой и, указав Дерюгину на стол: дескать, продолжай своё дело, грузно опустился на скамейку.

Через полчаса раздача закончилась, и полицейский с немцем пошли к выходу. У порога Дерюгин обернулся и, сверкнув глазами, злобно выругался. Дверь захлопнулась. В бараке вздохнули облегчённо, Вова вскочил на ноги и потянул Жору за рукав:

— Вставай! «Мертвый» час кончился!

Ему не терпелось увидеть мальчика, который выкрикнул дерзкие, смелые слова.

В дальнем углу слышались возбуждённые голоса. Группа ребят окружила крепкого, рослого и энергичного мальчугана лет четырнадцати, который горячо убеждал товарищей, что они не должны покоряться. Вова и Жора с интересом и уважением разглядывали паренька. Серые глаза, светлые волосы, расчёсанные аккуратным пробором, и прямой честный взгляд — всё это вызывало симпатию у ребят.

— Разве полицай человек? Он запросто убить может, если увидит, что мы боимся его, молчим, — повторял паренёк.

— А что ты с ним сделаешь, Андрей? У него пистолет и резиновая палка, — возразил кто-то.

— Будет издеваться — убьём его!

— Ага! Задушим, и всё! — охотно вмешался в разговор Жора.

Андрей только теперь заметил новые лица и насторожился.

— Это ты полицая выругал? — спросил Вова.

— Ну, а что, если я?

— Здорово это у тебя вышло! — от души сказал Вова. — Давай руку!

Мальчики долго и оживлённо обсуждали свою первую маленькую победу. Их барак гудел, точно растревоженный улей.

Из соседнего барака забарабанили в перегородку, и чей-то голос предупредил:

— Тише! Обход начался.

На девочек мрачный, сырой барак, теснота и голод подействовали удручающе. Получив жёлтые треугольники, все нехотя принялись нашивать их на одежду.

Люсин костюм превратился в грязную тряпку. Девочка с сожалением думала о потерянных вещах. Но больше всего было жаль книгу, которая осталась в чемодане. Ведь ни одной русской книги она не увидит до тех пор, пока не вернётся домой! Да, пока не вернётся домой!

— Надень пока моё платье, — предложила Шура, — а завтра постираешь своё.

— Спасибо, Шура. Может быть, завтра я увижу того мальчика, тогда всё будет хорошо. Там у меня и платье, и кофточка шерстяная, и юбка новая.

Аня раньше других пришила номер и переделалась. Она сидела такая покорная, такая тихая, как будто только и дожидалась приказаний. Шура Трошина глядела на неё с неудовольствием. Люся заметила и Анину покорность и Шурино неудовольствие. Она тревожилась. Ей хотелось помирить девочек, сделать так, чтобы все жили дружно. «Аня такая же, как другие, только страшная трусиха и неженка, — думала она. — Но я бы на её месте всё-таки старалась быть смелее, самостоятельнее. Пусть фашисты не думают, что мы их уж очень боимся. «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», — вспомнились Люсе слова Долорес Ибаррури. — Какие замечательные слова!» Шура Трошина, по мнению Люси, была безупречно смелой, прямой, бесстрашной девочкой, да к тому же ещё и хорошей подругой.

— Ты что, Люсенька, притихла совсем? — вдруг спросила Шура.

— Я вспомнила одну историю...

— Какую историю?

— Потом... Знаешь, Шура, я очень спать хочу.

— Нет, ты расскажи.

— Ну, хорошо. Это история, — медленно подбирая слова, начала Люся, — история одной дружбы. Не помню, где я её читала, наверное, в каком-то старом журнале, — солгала Люся, придумывая рассказ. — Там говорилось, как две девочки поссорились, возненавидели друг друга и расстались. Потом они встретились не то в глухом лесу, не то ещё где-то, в минуту какой-то большой опасности. И это помирило их. Они плакали от радости, поклялись никогда больше не ссориться и вместе перенести все лишения.

— Что же дальше с ними стало? — усмехнулась Шура.

— Дальше я забыла.

— А почему ты об этом вспомнила?

— Почему? Потому, что те девочки, мне кажется, похожи на тебя и Аню.

— Хоть что хочешь со мной делай, а не нравится она мне! — вспыхнула Шура.

Но ведь она наша, она такая же, как мы. — Люся поймала себя на мысли, что она впервые возражает Шуре и даже пытается её убедить. — Я вот смотрю на неё, — продолжала Люся после короткого молчания: — она, конечно, трусиха. Странная какая-то. Но ведь она не враг, не предатель.

— Всё равно! — отрезала Шура. — По-моему, трус тоже как враг. Думает только о себе, боится только за себя и спасти хочет только себя. Что мы с ней можем сделать? Ты не думай, она, наверно, считает себя умнее нас.

Люся чувствовала, что Шура не совсем права, но не знала, как ей возразить.

— Я всем хочу хорошего, — взволнованно говорила Шура. — Но нельзя, чтобы каждый из нас хотел жить только для себя. Если говорить правду, я совсем за себя не боюсь. И о себе не думаю. Я ненавижу фашистов, ненавижу эту гадину — полицейского. Если бы я могла, имела бы силу, то зубами перегрызла бы всем им глотки! Тогда пусть со мной делают, что хотят! Только вот маму жаль, — тихо сказала Шура. — Она у меня больная, старенькая и одна, совсем одна...

Девочки притихли. Засыпая Люся припомнила весь их разговор и поняла, что трудно им придётся, если среди них не будет крепкой дружбы. В тишине слышалось тяжёлое, неровное дыхание и тихие стоны девочек, тесно разместившихся на двухэтажных нарах.

Люсе снилось недавно пережитое... Дом. Отец укладывает вещи. Люся видит его седые волосы, худое морщинистое лицо. Он говорит: «Ты, доченька, береги себя. Может, всё обойдётся и вас скоро вернут. Потом она сидит у пианино, играет какую-то песенку и тихо-тихо напевает. Шура стоит сбоку, смотрит на Люсю и просит: «Ещё раз спой». Но вдруг появляется Аня, мрачная,

сердитая. Она кричит: «Перестань! Сейчас же перестань!» Она хочет ещё что-то крикнуть, но мальчик, тот самый мальчик, который забрал Люсины вещи, бьёт Аню кулаком в бок, и та плачет. «Зачем ты её ударил?» — негодует Люся. А мальчик кладёт её вещи прямо на клавиши и молча уходит.

...Люся с какими-то девочками и мальчиками на станции. Только они едут не в Германию, а в пионерский лагерь, отдыхать. Все весёлые, смеются. Играет баян, звенит песня. Люся с букетом ромашек стоит у окна и машет отцу рукой. Отец улыбается и что-то кричит вслед. Люся не слышит слов, но видит, как ласково шевелятся его губы. Он такой красивый в праздничном железнодорожном костюме с медными блестящими пуговицами. Но вдруг отец исчезает, а на его месте стоит полицейский. Он кричит: «Выходи из вагонов, выходи!» В руках у Люси уже не букет, а чемоданчик. Там лежат книги, бельё, печенье, зубная щётка, мыло. Полицейский подходит, толкает в плечо и кричит: «Ты кто?» Люся отвечает. Полицейский хватает её за горло... И тут она просыпается. Ей страшно. А в темноте по-прежнему слышится неровное, тяжёлое дыхание спящих подряд.

Карьера Штейнера

Комендант лагеря Герман Штейнер, ярый национал-социалист, до войны был учителем. Когда Франция, покинутая своими союзниками — Англией и Америкой — и преданная внутренними врагами народа, капитулировала, Штейнером овладел воинственный пыл. Его одолевала зависть к приятелям, которые наживались на войне, получали награды, словом — «делали военную карьеру».

Герман Штейнер тоже жаждал богатства и уже видел себя в элегантном мундире, хотя бы с одним железным крестом. Ему очень хотелось попасть во Францию, и он добился своего.

Казалось, начали сбываться его мечты. Но во Франции пришлось пробыть недолго. Германия начала войну с Советским Союзом. Часть, в которой служил Штейнер, перебросили на Восточный фронт. Правда, он смог награбить кое-что для своей невесты: модные парижские платья, чулки, перчатки, духи, но ничего более существенного «организовать» не успел. Однако Штейнер не падал духом. Завидуя друзьям, он тешил себя надеждой: «Они во Франции разжились добром, а я вознагражу себя в России».

На Восточный фронт Герман Штейнер отправлялся из родного города на Одере, куда он заехал на несколько дней.

У пассажирских вагонов, как на параде, стояли офицеры в нарядных кителях и щёгольски начищенных сапогах. У многих позвякивали награды, полученные за разбой и разграбление Франции. Офицеры держались высокомерно и на улыбки дам отвечали небрежно, как бы говоря: «Нам, военным, непозволительно чрезмерные восторги».

Пушки, бронемшины и лёгкие танки стояли на платформах без чехлов, как на выставке оружия. Их забрасывали зелёными ветками, бумажными цветами.

Всё выглядело нарядно и празднично, точно офицеры и солдаты отправлялись не на фронт, а на пикник. У Германа Штейнера от счастья кружилась голова. Его невеста держала букет белых роз и с гордостью смотрела на самодовольное лицо Германа. Из-под стёкол его очков поблескивали бесцветные, навывкате глаза. Герман выпячивал грудь, стараясь придать своей поджарой фигуре горделивую осанку, и был похож на индюка, растревоженного куском

красной материи.

Оркестр заиграл фашистский гимн. Офицеры взяли под козырёк, солдаты — на караул. Поезд тронулся. Девушки и дамы замахали платочками, а важные пожилые господа — шляпами и тросточками.

На Восточном фронте Герман Штейнер был командиром взвода автоматчиков. Но после первого же серьёзного боя с русскими взвод прекратил своё существование. В живых остались только тяжело контуженный солдат, ефрейтор и позорно удравший с поля боя Штейнер. Ему посчастливилось: в самом начале боя он случайно получил незначительное ранение и был отправлен в тыл.

Уже в госпитале ему вручили железный крест. Невеста приехала к своему герою и привезла вырезку из газеты. Из газетной статьи он узнал о своих «боевых подвигах». Там хвастливо сообщалось, что лейтенант гитлеровской гвардии Герман Штейнер со своим взводом окружил батальон русских и в жарком неравном бою уничтожил его. Газета писала: «Жалкие остатки русского батальона вместе с комиссаром, командиром и группой солдат в пятьдесят человек были взяты в плен. Взвод храброго лейтенанта не потерял ни одного солдата. Только сам отважный Герман Штейнер в личной схватке пострадал и находится сейчас в госпитале, сгорая от нетерпения скорее поправиться и снова отбыть на Восточный фронт».

Последние строки насчёт возвращения на Восточный фронт Герману совсем не понравились. Он уже пустил в ход все свои связи, чтобы остаться в тылу. Что, собственно, ему нужно? — думал Штейнер. — Железный крест у него теперь есть, нашивка о ранении — тоже. Кроме того, не исключена возможность, что его наградят знаком о пребывании на Восточном фронте. Что же касается военной карьеры, то лейтенант Штейнер теперь предпочитал завершить её в тылу. Он видел, что многие такие же, как и он, офицеры щеголяют в элегантных мундирах даже без наград и нашивок о ранении и, тем не менее, счастливы и довольны своей судьбой. Многие из них представления не имеют, что такое русские танки и самолёты, отчаянные русские солдаты и партизаны. Нет, на Восточный фронт Штейнера больше не заманят!

Невеста Германа была такого же мнения. Узнав, что жених ранен, она заявила: «Я не отпущу тебя больше на фронт». Штейнер сказал ей, что ранен в поясницу во время штыковой атаки, хотя ранило его несколько ниже шальным осколком в тот самый момент, когда он удирал с поля боя.

Влиятельный дядя Штейнера сумел устроить своего племянника в тылу. Правда, Герман вначале не имел работы и официально считался в отпуску после ранения. Но потом его вызвали в Берлин и предложили должность коменданта лагеря для русских подростков.

— Туда требуются люди, умеющие говорить по-русски, способные справиться с этими дикарями и организовать их труд, — хвастался Герман, вернувшись из Берлина.

Невеста и домашние слушали его с восторгом.

— Скоро мы завоюем всю Россию. В Германию будут поступать сотни тысяч подростково-дикарей. Их надо приучить к дисциплине, вежливому обращению с хозяевами...

Германа провожали на новое место службы так же весело, как когда-то на Восточный фронт. Пока Россию завоёвывают, думал Штейнер по дороге, он организует тут такой лагерь, что о нём заговорят все газеты. И тогда к лейтенанту — нет, уже к капитану — Герману Штейнеру посыплется запросы на дешёвую рабочую силу. Продают же сейчас из лагерей в частные хозяйства русских подростков по двести пятьдесят марок за душу. И это теперь, когда они ещё

ни на что не способны. А ну-ка, обучи их работе, порядку, покорности! Да тогда всякий порядочный немец не пожалеет и пятисот марок, только бы получить хорошего дарового работника. Вот когда придут к Герману Штейнеру слава и богатство! Дорожные мечты Штейнера неожиданно оборвались. Машина остановилась.

— Прибыли, господин лейтенант! — бойко отчеканил шофёр, открывая дверцу.

— Как, уже лагерь? — спросил Штейнер, обозревая ворота и столбы с колючей проволокой.

— Так точно, господин лейтенант.

— Ну, а ты, голубчик, видел этих русских подростков? — спросил Штейнер, делая ударение на слове «голубчик».

Дядя его, которому Штейнер желал бы подражать во всём, именно так обращался к своему шофёру.

— Да, господин лейтенант, — ответил шофёр невесело и добавил, помолчав: — Они очень молоденькие, почти дети.

Добродушные слова шофёра не слишком понравились Штейнеру: уже не жалеет ли шофёр этих русских? Штейнер не раз замечал, что простолюдины бывают излишне чувствительны к этим русским.

— Забавно, чертовски забавно! — рассмеялся Штейнер. — Мы из них, голубчик, сделаем то, что нужно для великой Германии. Не правда ли? — спросил он, уже строго и испытующе глядя на шофёра.

— О да, господин лейтенант, — быстро ответил тот.

Как раз в день приезда Штейнера в лагерь прибыла новая партия русских подростков — мальчиков и девочек. Штейнеру сообщили, что прибывшие выстроены во дворе лагеря, и он пошёл поглядеть на них. У входа в лагерь коменданта встретила команда, состоявшая из эсэсовцев, солдат и Дерюгина. Они приветствовали Штейнера выкриком: «Хайль Гитлер!» Он резко поднял руку и выпятил грудь с железным крестом. Команда лагеря двинулась за ним, отпечатывая шаг. Увидев огромную шеренгу ребят, Штейнер пробормотал:

— О, это колоссально, колоссально!

Очень довольный, он поднялся на подмости, чтобы произнести речь.

Письма на родину

Однажды вечером в барак к девочкам вошёл Дерюгин и роздал всем по четвертушке листа бумаги, сказав, что девочки могут написать домой.

— Если хотите, чтобы письма дошли, не пишите разной ерунды, — предупредил он.

Девочки уже знали, что означает это предупреждение.

В лагере были ребята, привезённые двумя неделями раньше. Их уже «научили» писать письма домой. Категорически запрещалось называть местожительство, описывать условия работы, а

также жаловаться на порядки или упоминать слово «лагерь». От ребят девочки узнали и о страшных событиях, происшедших в лагере накануне их приезда.

Трое мальчиков написали письма домой, откровенно жалуясь на свою судьбу и нечеловеческие условия жизни. За это их на лагерном дворе, в присутствии всех, избili резиновыми дубинками до полусмерти.

Люся долго ломала голову над тем, как написать письмо, чтобы её папа понял всё, а враги ни о чём не догадались. Это было очень трудно и рискованно, тем более, что писать нужно было чистенько, без помарок, а для черновика не было лишней бумаги. Люся много раз твердила про себя каждую фразу и, наконец, написала[5]:

«Здравствуй, родной папочка!

Мы уже приехали на место. Ехали долго, с пересадками, но хорошо — ты сам видел, как мы делали посадку. Кормят нас три раза в день: утром кофе, в обед суп из овощей, такой, какой ел наш Васька[6], а на ужин — опять кофе, только без сахара. Ну, да что делать, сейчас война.

Живём мы так же, как живут у нас за городом в белых домах[7]. Кормят здорово, всё витаминами: капуста, свёкла, картошка. Овощи такие хорошие, каких у нас много было на заимке у роши[8]. Работы у нас много. Мы все заняты уборкой своих общежитий. У нас просторно, примерно, по десять — двенадцать человек в такой комнате, как наш домик во дворе[9]. Где мы находимся, пока не знаем, да нам и ни к чему. Господин комендант говорит так как мать Митрофанушке: вам нечего заботиться о знании географии — вас доставят домой, когда это будет нужно. Так что мы живём ничего, но моей сестричке, конечно, куда лучше и спокойнее[10].

Вот, папочка, и всё. Следующее письмо жди через месяц. Часто писать незачем, как говорит господин комендант, и мы не можем не согласиться с ним. Посуди, папочка, сам: если каждый из нас будет писать только по одному письму в месяц, то и тогда потребуется в один раз больше трёх тысяч листов бумаги[11]. А где ее брат? Поэтому не волнуйся, папа, если не будет долго писем.

Привет подруге Але. Пусть она расскажет всем девочкам о нашей жизни. Целую. Твоя дочка Люся».

Прочитав письмо, Люся осталась довольна. Она улыбнулась, свернула листок треугольником и пошла во двор, чтобы опустить письмо в ящик.

Возле почтового ящика, похожего на мусорную урну, собралось несколько мальчиков и девочек. Чтобы не вызывать подозрения у конвойного, они выстроились как бы в очередь и вполголоса торопливо рассказывали друг другу, кто как написал. Опустив письмо, Люся повернулась, чтобы пойти в барак, и лицом к лицу столкнулась с Вовой.

Прочитав письмо, Люся осталась довольна. Она улыбнулась, свернула листок треугольником и пошла во двор, чтобы опустить письмо в ящик.

Возле почтового ящика, похожего на мусорную урну, собралось несколько мальчиков и девочек. Чтобы не вызывать подозрения у конвойного, они выстроились как бы в очередь и вполголоса торопливо рассказывали друг другу, кто как написал. Опустив письмо, Люся повернулась, чтобы пойти в барак, и лицом к лицу столкнулась с Вовой.

— Я давно ищущ тебя, — обрадовано и виновато заговорил Вова. — Где ты живёшь? Я сейчас принесу твои вещи.

— В десятом. Неужели вещи мои целы? — обрадовалась Люся.

Никогда не думала она, что можно так обрадоваться вещам. Но ведь это было единственное, что осталось у неё от дома. И потом там книжка...

— И чемоданчик цел и узелок, — гордо ответил Вова.

Люсе показалось, что он обижен её недоверием, и она торопливо пояснила:

— Если бы они и пропали, ты бы не был виноват — мы ведь не дома. Ты слышал про девочку, которую повесили? Говорят, за советскую книжку, которую она читала подругам.

— Сам видел, — тихо сказал Вова. — Её повесили вон на том столбе, — Вова показал взглядом в сторону площадки. — Знаешь, девочка поднялась на ящик уже с верёвкой на шее посмотрела на нас ласково, потом повернула голову к площадке, где стояли комендант и его сподвижники, и крикнула из последних сил: — Придёт время — за всё ответите, убийцы!

— Ох! Какая она героиня, — сказала Люся, — настоящая, только трудно сейчас поверить, что всё это будет скоро.

— Будет! — твёрдо подтвердил Вова, а сам точно вот сейчас увидел лицо девочки и почему-то сразу вспомнил лицо старика, которого фашисты повесили на площади, там, дома, и ему стало нехорошо. Но он взял себя в руки. Ведь в лагере были не только он, Толя, Жора — ну, в общем, мальчики. Здесь же и Люся, её подруги. Они слабее, их надо подбадривать.

— Всех не повесят! — твёрдо сказал Вова. — Ты передай своим, чтобы не падали духом. Нам всем надо дружнее держаться.

Они неловко подали друг другу руки. Люся торопилась в барак, тревожно возбуждённая. Надо было скорее рассказать обо всём Шуре.

Люсе показалось, что за эти немногие дни Вова стал как будто выше, взрослее. Только лицо его было в синяках, ссадинах, и руки — тонкие, жёлтые, а глаза синие-синие, как васильки. «Какой он худенький!» — подумала Люся и тут вспомнила день, когда увидела его у вагона, избитого, окровавленного. И другого мальчика вспомнила, с перебитой рукой. Как горько и обидно стало ей за себя, за Вову, за всех ребят! «Проклятые, проклятые фашисты!» — повторяла она про себя, задыхаясь от гнева.

Вова с вещами пришёл в барак почти следом за Люсей. Люся и Шура не знали, как благодарить его, а он стоял, застенчиво опустив голову, и повторял:

— Это не я — другой сохранил, другой...

— Это тот, который был с тобой у вагона, с перебитой рукой? — спросила Люся.

— Нет, совсем другой, — ответил Вова. — Он и наши вещи сохранил. Его Жорой зовут.

— Спасибо Жоре, — сказала Шура. — Он молодец, настоящий товарищ. Мы ему очень благодарны...

Когда Вова ушёл, Шура и Люся долго сидели молча, размышляя о неудачном побеге

мальчиков. Особенно жаль было Толю. Они узнали, что у него не только сломана рука, но «болят внутренности» и горлом идёт кровь.

И, действительно, с Толей было плохо. Он с большим трудом добрёл до лагеря, лежал в бараке для больных с переломом руки и сильным кровохарканьем. Ему отбили лёгкое во время наказания за побег.

Толя решил, что с ним всё кончено, но ни разу об этом не сказал своим друзьям, чтобы не расстраивать их. Только когда наступала ночь и больные затихали, он отдавался горьким размышлениям. Особенно становилось Толе тяжело, когда мысли переносили его на родину, домой, и он отчётливо понимал, что вряд ли удастся снова увидеть мать, отца, друзей. Это угнетало его. Но больше всего Толе не хотелось умереть в чужом краю, не сделав ничего для Родины.

Ведь он, Толя, ещё совсем недавно мечтал закончить десятилетку, а потом пойти в лётную школу. Ах, как ему хотелось походить на великого лётчика Валерия Чкалова! Так он мечтал дома, в школе и не стеснялся об этом говорить родным, друзьям.

Началась война. Отец, как только немцы стали подходить к их местности, ушёл с партизанами, а мама и он переехали в деревню, к родным. Думали, что там их не тронут. Но случилось всё по-другому.

Ещё за несколько дней до отправки в Германию Толя и его школьный товарищ Витя собрались тайком убежать в партизанский отряд. Они оба закончили седьмой класс и считали себя взрослыми. Запаслись продуктами, разработали план розыска партизан в лесах, составили рапорт командиру. Оставалось назначить день побега и осуществить мечту, но тут-то и случилось первое несчастье. Витя без спроса взял порядочный кусок свиного сала и понёс его в огород. Там, в коноплях, у них были спрятаны продукты, заготовленные в дорогу. У калитки он лицом к лицу встретился с матерью. На её вопрос, куда он несёт сало, Витя, растерявшись, ответил:

— В дорогу.

— В какую дорогу? — строго спросила мать.

Витя не мог лгать — сознался.

Так лопнула мечта о побеге в партизанский отряд, а через три дня Толю пригласили к старосте. Мать плакала, просила не брать сына, но отстоять Толю не удалось. Его отправили в Германию...

Лежит Толя на голых нарах, далеко от родины, от мамы. Лежит больной, беспомощный и перебирает в памяти недавно пережитое: думает о том, как было бы хорошо, если бы он попал не в Германию, а к партизанам. Там, у партизан, ему и Вите, может быть, доверили бы ходить в разведку, драться с врагом... А теперь кто знает, что будет с ним, где его друг Витя, что скажет отец, когда узнает о сыне, попавшем в Германию... Скажет, наверно: думал я, что ты смелый и ловкий мальчик, который в любых условиях найдёт выход, а ты не мог убежать от немцев, дал увезти себя в Германию.

Мысли об отце, о том, что он может подумать о своём сыне, больше всего тревожили Толю, впечатлительного, честного и прямого мальчика.

Много было у Толи мыслей, и все они угнетали его. И только Вова с Жорой не давали ему долго

оставаться одному, они бывали у него, помогали чем-нибудь. Как-то утром на минуту забежал Вова и рассказал о письмах на родину, о новых друзьях — Люсе и Шуре и о том, какая умная девочка эта Люся, сочинившая такое хитрое письмо своему отцу.

— И о тебе написали, — добавил Вова, чтобы подбодрить товарища, хотя о Толе не писали ничего.

— Что вы обо мне могли написать?

— Как что? — возразил Вова.

— Ну?

— О том, что ты стойко и мужественно перенёс всё, но врагу не покорился, не ослаб духом...

— Да ведь и ты перенёс, — краснея от похвалы товарища, возразил Толя.

— Ну, я что, чепуха, а вот ты, действительно, молодец. У меня уж все царапины заросли. — И Вова нарочно показал Толе то плечо, на котором царапины и не было.

Так шли дни, а Жора, Вова, позднее Шура и Люся, не оставляли Толю без своих забот и внимания. От скудного пайка они ухитрялись сэкономить кусочек хлеба, или сухарь, или картофелину, чтобы поддержать больного. Через месяц Толя почти поправился, хотя работать ещё не мог.

На торфяных полях

Потянулись томительно однообразные будни. На рассвете дежурный охраны размеренно колотил металлическим брусом по куску рельса. Глухой стон наполнял двор: бум... бум... бум...

Сигнал длился минут пятнадцать. За это время все обитатели лагеря должны были построиться во дворе. Горе тому, кто проспит, утомлённый работой и измученный голодом, или замешкается в бараке! Провинившегося тут же, на виду у остальных, избивали розгами и резиновыми дубинками.

Заслышав сигнал, ребята мгновенно вскакивали, одевались на ходу и сломя голову бежали во двор. Инструктора-«воспитатели» выстраивали их группами по двадцать человек, и начиналась перекличка.

В полутёмном дощатом сарае раздавали завтрак: ломтик сырого чёрного хлеба и чашку мутной кофейной бурды. Не успевали дети сделать последний глоток, как раздавалась команда:

— На работу!

До позднего вечера на торфяных полях виднелись согнутые, словно прикованные к земле, тщедушные фигурки подростков. Мальчики формовали из торфяной массы кирпичи, девочки голыми руками сначала разносили их по полю, а когда торф высыхал, собирали его и стаскивали в одно место, складывая в штабеля.

Пять-шесть девочек должны были за день собрать и уложить огромный штабель торфа. Отстающих переводили на голодный паёк, вместо обеда — сто граммов хлеба и кофе. Если

нормы не выполнялись, избивали «за саботаж».

Люся и Аня подносили кирпичи, Шура укладывала их пирамидкой. Пропотевшая одежда липла к телу, во рту пересыхало, дрожали исцарапанные в кровь руки, пыли плечи. Штабель рос так медленно, будто никогда им не сложить его до конца.

— Не могу я больше! — Аня опустилась на землю.

— Всё равно сегодня быть на голодном, — вздохнула Люся и с трудом разжала онемевшие пальцы.

— Это они нарочно придумали этот ад, чтобы уморить нас голодом! — Шура отшвырнула кирпич в сторону. — Ничего, Люся, что-нибудь придумаем! — пообещала она, обняв подругу.

Через несколько дней произошла перемена: одна девочка, работавшая на кухне, обварилась кипятком. Шуру поставили на раздачу пищи. Она нарочно работала прилежно, чтобы заслужить доверие повара.

Через несколько дней, после утомительной работы, Люсе с девочками пришлось сесть за стол с табличной «Для лентяев». Дежурный по столовой крикнул Шуре, разносившей обед:

— Этих на голодный!

Шура сделала вид, что не слышит, а про себя решила: «Пусть только этот чёрт отойдёт к другому столу — я поставлю девочкам бачок с кашей».

Шура нарочно задержалась на кухне. Дежурный с минуту постоял у стола, а затем пошёл к двери. Медлить было нельзя, и Шура вывалила бачок каши в кофе. На пороге она столкнулась с дежурным. Тот подозрительно заглянул в бачок, но ничего, кроме кофе, не заметил.

— Здесь каша, — шепнула девочкам Шура. Поставив бачок на стол, она побежала за хлебом.

Аня с опаской размешала кофе черенком и разлила его по кружкам. Захлебываясь и обжигаясь, девочки торопливо ели необычный суп, как самое вкусное блюдо.

— Ты, Люся, скажи и другим девочкам, чтобы они не надрывались, — говорила вечером Шура. — Вы только делайте вид, что работаете, а уж я постараюсь вас подкормить. А там ещё что-нибудь придумаем.

— Шурёнок, ты молодец! — сказала Люся.

— Мне так жаль наших девочек! Я там, на кухне — не поверишь! — есть не могу, как вспомню, что вы все голодные, — горячо шептала Шура. — Разве я не вижу! Вы уж руками двинуть не можете, сил нет. Вечером в столовой темно — никто не увидит, если добавить в кофе суп или кашу...

Несколько дней всё шло гладко. Девочки приободрились и работали с прохладцей. Спать они теперь стали спокойнее: уже не так болели ладони, не так ныли натруженные ноги. Имя Шуры стало известно всему лагерю. Кто-то из мальчиков передал ей записку, в которой ребята называли её отважной и смелой. В то же время предупреждали её, чтобы она была осторожней.

Но так долго продолжаться этот порядок с питанием не мог. Инструктор, очевидно,

пожаловался помощнику коменданта, что девочки совсем разленились, и даже голодный паёк на них не действует. Однажды во время обеда все с удивлением увидели в столовой коротконогую фигуру помощника коменданта Глайзера. Он то и дело заходил на кухню, оглядывал столы, присматривался и принимался к каждому бачку.

Шура, уверенная в себе, не очень обращала на него внимание и поплатилась за это. Дождавшись, когда Глайзер вышел из кухни, она, как обычно, незаметно влила в кофе капустный суп и спокойно поставила бачок на стол, не предупредив подруг. Одна из девочек, разливая «кофе», нечаянно опрокинула кружку. Сидевшая рядом с ней Аня от неожиданности вскрикнула. Глайзер, как кошка, одним прыжком подскочил к столу и увидел в расплывшейся лужице капустные листья.

Он удовлетворённо улыбнулся, схватил Шуру за руку и потащил к выходу.

Её избили, выгнали из столовой и снова поставили работать на торфяное поле укладчицей. Но и здесь Шура начала искать пути, чтобы меньше работать. Она стала складывать кирпичи торфа так, что внутри штабель был пустым.

О смелом поступке Шуры узнали Вова и его товарищи.

— Вот молодчина! — восхищался Вова. — Она придумала, как обмануть охрану, приёмщика работы, а мы из кожи лезем — по сорок тысяч кирпичей делаем. Значит, мы хуже их, если ни черта придумать не можем?

— А я придумал, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил Жора. — Если вместе с массой торфа на полотно элеватора запустить камень или хорошую железную гулю, то «мясорубка», пожалуй, сломается обязательно.

— И правда! — подхватили ребята. — Будем разрушать технику врага.

— Попробуем, — коротко заметил Вова. Он не особенно восторгался предложением товарища и считал, что с машиной справиться будет не так-то легко.

Утром следующего дня, идя на работу, Жора нёс за пазухой кусок чугуна. Он твёрдо решил запустить его в пресс вместе с торфяной массой.

Элеваторная торфодобывающая установка казалась ребятам страшнее дьявола. Сильная, прожорливая машина, прозванная ими «гроссмясорубкой», устанавливалась на кромке карьера, из которого к прессу элеватора тянулось полотно. По обе стороны полотна на уступах, как на лестнице, становилось по десять человек: двое — в самом низу, в холодной торфяной жиже, двое — ступенькой выше, но тоже по колено в грязи, следующая пара — ещё выше, и так до верха карьера, где начинался твёрдый грунт.

Транспортёр бесконечно лез вверх и тянул в пресс торфяную массу, которую ребята лопатами набрасывали непрерывно, не разгибая спин, точно прикованные к грохочущей машине. Из пресса на другой транспортёр поступали небольшие доски с сырыми чёрно-рыжими кирпичами. Эти доски снимали другие ребята, их звали «стильщиками». Сняв доску с транспортёра, мальчик отбегал в сторону, перевёртывал её на землю и бежал обратно к транспортёру, чтобы успеть положить на нижний трос пустую доску и взять с транспортёра новую — с кирпичами.

Работая наверху карьера, Жора не сводил глаз с техника.

— Не отходит, промозглый фриц, от машины! — злился Жора.

Он давно приготовился запустить кусок металла в пресс, но вот уже третий час шла работа, а чугун всё ещё лежал за пазухой и только мешал как следует нагибаться, когда нужно было набирать лопатой массу.

Наконец техник отвернулся, чтобы зажечь папиросу. В этот момент Жора сунул свою «пилюлю».

Раздался оглушительный треск. У Жоры на секунду потемнело в глазах, и он чуть было не упал, но, увидев, что на транспортёре, который идёт к стильщику, не видно досок с кирпичами, ободрился и торжествующе прошептал, обращаясь мысленно к ненавистной машине: «Не можешь, проклятая, проглотить, не можешь!»

Моторист выключил рубильник. Карьерщики, не понимая, в чём дело (они не заметили Жориной проделки), начали выбираться из карьера, но техник заорал:

— Назад, свиньи!

Не прошло и трёх минут, как деревянные предохранители, которые полетели от Жориного «подарка», были восстановлены. Жора не сводил глаз с немца, переставлявшего две новые деревянные планки — предохранители. Только теперь мальчику стало ясно, что ни кирпич, ни кусок металла не могут сломать машину, так как деревянные предохранители принимают удар на себя, а как только они сломаются, машина остановится всего лишь на несколько минут.

Слишком много риска. Стоит ли из-за двух-трёх минут отдыха жертвовать головой!

И всё-таки на другой день Жора прихватил с собой другой «подарок».

На этот раз он запустил в пресс найденный им тонкий кусочек меди. Он и не думал, что от такого маленького куска с «мясорубкой» приключится что-нибудь серьёзное. Но ничего подходящего под руку не попало. И Жора решил бросить медяшку на ленточный транспортёр просто так, «для пробы».

Совершенно неожиданно для всех ребят, и особенно для самого Жоры, элеватор вышел из строя. Медь затянуло в ножи и «заело» между контраножками так, что элеватор остановился на целый день.

Немец-техник сразу понял, в чём дело, но коменданту лагеря не доложил — побоялся, что тот прежде всего взыщет с него. Это был такой скандал, за который Штейнер без труда мог отправить техника на фронт. Подобные случаи уже были. Но, разумеется, техник не ограничился собственными переживаниями. Для острастки он избил карьерщиков и за невыполненную норму посадил всю группу на голодный паёк.

Вова долго не решался рассказать Андрею о проделке Жоры, которая стоила голодного пайка тридцати товарищам. Поломке элеватора, конечно, все ребята были рады, но всё-таки ребята остались голодными, и Вова решил молчать, потому что Андрей и Вова договорились делать всё после предварительного совета друг с другом. Они уже были признанными, хотя и негласными вожаками ребят своего барака.

Но через несколько дней Андрей сам проделал нечто похожее. Бригада передвигала транспортёр, который шёл от пресса на поле, где сушили торф. Транспортёр представлял собой два металлических троса, установленных на железных козлах с роликами. По ним к полю

подавались доски с сырыми кирпичами, только что выданными прессом.

Передвигая козлы вперёд по ходу элеватора, ребята случайно забыли подложить доску для прочной опоры козлов. Тогда Андрей незаметно поднял её и отбросил подальше. Когда элеватор начал работать, доски с кирпичами, ползущие по транспортёру, доходя до перекошенных козел, стали сваливаться на землю. Техник сразу же дал сигнал «стоп». Андрей сообразил, что перекося козел или отсутствие ролика на них будет постоянно вызывать подобные остановки. Советоваться с Вовой времени не было, а подобные остановки элеватора разжигали страсть Андрея к своей выдумке.

Получилось так, как он думал. Сначала Андрей снял один ролик и положил его рядом с козлами, будто ролик слетел сам по себе. Потом, во время отдыха, он подговорил своего товарища вырыть ямку под одними козлами. Снова произошла небольшая Остановка.

Вечером коменданту сообщили об авариях на элеваторе. Начались расследования и усиленная слежка, но придаться к ребятам было невозможно.

Целый месяц работа элеватора то и дело не ладилась. Техник, правда, разгадал причину аварий, но поймать ни Жору, ни Вову, ни Андрея не мог. Техник боялся Штейнера, слёзно жаловался своему другу Глайзеру, и тот обещал ему помочь.

— Теперь за нами во как следить будут! — гордился Жора.

Но комендант неожиданно объявил, что весь двенадцатый барак переводится на рытьё канав. Ребята поняли, что они победили техника и он с ними расправился: послал на более тяжёлую работу.

Однако это только усилило стремление Вовы, Андрея и его близких товарищей к организации сплочённого коллектива, к совместным действиям, к началу хотя и слабой, но определённо выраженной борьбы с врагом. Тайно начиналось зарождаться сопротивление непокорённых маленьких советских героев, ненавидящих фашистских паразитов.

«Мы ещё рассчитаемся...»

В конце лета в лагере распространился слух, будто ожидается приезд каких-то важных гостей. Одни доказывали, что это выдумка, другие уверяли, что сами слышали разговор двух полицейских. Толки усилились, когда однажды комендант лагеря Штейнер отдал приказ «навести чистоту» на площадке и в бараках, а после обеда выстроить всех во дворе для осмотра.

Ребят заставили скрести грязь и плесень со стен и нар, мыть полы, мести двор и зарывать старые помойные ямы. Когда «чистота и порядок» были наведены, всем было приказано помыться.

В лагере не было ни бани, ни умывальников. Обычно каждый для себя набирал воду из болота котелком, кружкой или старой консервной банкой — умывались кто как сумеет. Теперь ради приезда важных гостей били наспех сколочены длинные узкие ящики, похожие на корыта. Эти издевательские «умывальники» были придуманы Глайзером, чтобы выслужиться перед комендантом Штейнером, показать ему, что и он, Глайзер, смотрит на русских подростков, как на скот, как на дикарей. Ящики умывальников установили на деревянных козлах возле болота.

Мальчики принесли старый пожарный насос и, сбросив рукав в болото, начали качать воду. Насос, поминутно засорялся. Ящики медленно наполнялись мутной жижей, в которой кишело множество всяких козявок.

Умываться подходили по очереди, группами. Добравшись до корыт, подростки впервые за много дней мыли голову, старательно размазывая грязь на лице, шее, руках. Хотелось плескаться без конца — так дорога и приятна казалась всем эта жёлтая, вонючая влага.

День выдался жаркий. Нещадно палило солнце. В прозрачном воздухе над землёй дрожали серебряные паутинки. Пахло болотной гнилью. Несмотря на жару, в воздухе тучами кружились комары. В пасмурные дни, и особенно по ночам, от них нигде не было спасения. Тело каждого было изъедено и расчѐсано до крови, а в этот тихий знойный день муки невольников усилились томительным ожиданием.

Кончилась так называемая баня, и всех выстроили для унижительного осмотра. От нестерпимой духоты у многих кружилась голова, темнело в глазах.

Вова и Жора тихо перешептывались, поглядывая на ворота лагеря. Там, за колючей изгородью, — свобода. Вова не мог, да и не хотел об этом забыть и снова подумывал о побеге. Толя будто ничего не слышал. Он стоял в первом ряду, молчаливый, угрюмый. Его пошатывало, ныла плохо сраставшаяся кость руки. Он ещё продолжал болеть, но на смотр ему приказали выйти.

— Вобла плывёт! — сказал Вова.

Все, кто услышал эти слова, подняли голову и посмотрели в сторону ворот. Воблой ребята прозвали коменданта лагеря.

Действительно, Штейнер не шёл, а плыл. Тощий, длинный, в сером костюме, сшитом на военный лад, с железным крестом, в начищенных хромовых сапогах с какими-то негнушимися голенищами, он было похож на оловянного солдата. Поднявшись на подмостки, комендант заложил руки за спину и застыл на месте. Только голова его медленно поворачивалась на длинной шее. Штейнер придирчиво оглядывал собравшихся на лагерном дворе. И с каждой секундой выражение довольства сходило с его лица. Наконец, резко повернув голову туда, где стояли инструктора, охранники и полицейские, Штейнер поманил кого-то.

Коротконогий, коренастый, но юркий Глайзер в три прыжка оказался рядом со Штейнером.

— Бездельники! Дармоеды! — визгливо крикнул комендант. — Я приказал приготовить их, а вы что выставили напоказ? Что?

— Мы заставили их помыться, господин лейтенант, — растерянно сказал помощник.

— Почему, я вас спрашиваю, — продолжал Штейнер, не слушая Глайзера, — почему они стоят, как распаренные? Почему вы не заставили их привести себя в надлежащий вид, переодеться?

— Господин лейтенант, мы не догадались, — сознался коротконогий.

— Переодеть!

— Так точно, переодеть!

— Всем надеть чистое. У кого нет — оставить в бараках, и пусть не высовывают рыла... Вы

поняли, Глайзер?

— Так точно!

— И сейчас же дать команду на зарядку. Они должны иметь бодрый вид. Вы понимаете, Глайзер, мне нужно показать товар лицом...

Штейнера заботила мысль о том, как взять подороже за каждого подростка, которого он продаст фирмам или частным лицам. Сделка сулила солидный барыш. «Пока доставят добавочный инвентарь и машины для добычи торфа, я прекрасно могу использовать лишних шалопаев и лодырей на стороне, — размышлял комендант. — Но, конечно, если они будут выглядеть так, как этот, например, — взгляд Штейнера упал на Толю, — то кто же их возьмёт?

Глайзер подал команду. Её подхватили инструктора:

— Шагом арш!

— От-ста-вить!

— Шаг назад!

— Как шагаешь, свинья! — раздавалось всюду.

Слышался тяжёлый топот ног по раскалённому солнцем гравию и шумное дыхание ребят, изнемогающих от зноя.

Взгляд коменданта привлекла группа мальчиков, стоявших около двенадцатого барака. Штейнер не спеша сошёл с подмостков и направился к ним:

— Что произошло?

— Балбесы, господин комендант, — отвечал надзиратель. — Ничего не понимают, как скоты.

— Не понимают? А вы на что? — язвительно спросил: Штейнер. — Вы-то понимаете, что нужно делать в таких случаях?

Надзиратель смутился и не ответил.

Штейнер шагнул к Толе, который стоял, опустив голову, и царапал гравий носком рваного ботинка.

— Как стоять!

Толя вздрогнул, поднял голову, вытянулся.

— Шагать вперёд!

Толя сделал шаг и замер.

— Шагать туда! — указывал Штейнер рукой назад. — Почему ты шагать с правой нога?

— Я... я ошибся.

— О-о... ошипся!.. Почему ты ошипся? Много русский лень?

Худое, жёлтое лицо Толи покрылось каплями холодного пота. Он хотел сказать, что болен, но ясно понимал, что оправдываться бессмысленно.

Штейнер слегка нагнулся, вытянул длинную, покрасневшую шею, присел, поднялся и сказал:

— Так давай...

— «Айн, цвай! Айн, цвай! — отсчитывал Штейнер в такт приседаниям Толи. На пятом или шестом приседании у Толи потемнело в глазах, подкосились ноги, и он, покачнувшись, беспомощно опустился назад. Но всё-таки Толя не упал и, оттолкнувшись здоровой рукой от земли, снова с трудом поднялся. Ребята с жалостью и тревогой смотрели на Толю, а он едва держался на ногах, покачиваясь из стороны в сторону, тяжело дыша. Из задних рядов вырвалось:

— Звери!

— Вставайте прямо! — Штейнер толкнул сухим, костлявым кулаком в грудь Толи.

Мальчик потерял равновесие. Теперь он наверняка упал бы, но кто-то подхватил его и помог устоять. Толя ничего не видел. Глаза заволокло горькими слезами обиды.

— Я болен. Я не могу больше... — проговорил он хрипло.

— Молчать! — заорал Штейнер.

— Господин комендант, он правда болен! — не выдержав, крикнул Вова.

Штейнер мельком бросил злой взгляд на Вову и ударил Толю по лицу. Мальчик, как сноп, повалился наземь. Штейнер со злобой ударил его сапогом в бок.

Глаза Жоры загорелись злыми огоньками. Он сжал кулаки и подался вперёд. Казалось, вот-вот он бросится на коменданта. Но кто-то схватил его за руку и прошептал:

— Стой!

Жора обернулся и увидел бледное лицо Вовы. Слезы катились по его щекам, губы вздрагивали, и весь он трясся, как в ознобе. По рядам пронёсся ропот негодования. И тут мальчики увидели: собрав последние силы, Толя приподнял окровавленную голову, медленно встал на ноги и плюнул прямо в лицо коменданту.

Ребята, ахнули. В этот же миг тяжёлый удар Штейнера свалил Толю на землю. Взбешённый комендант, крича что-то по-немецки, топтал упавшего мальчика своими большими начищенными сапогами. Толя тяжело дышал и хрипел. Потом он как-то странно вытянулся.

Ребята, ахнули. В этот же миг тяжёлый удар Штейнера свалил Толю на землю. Взбешённый комендант, крича что-то по-немецки, топтал упавшего мальчика своими большими начищенными сапогами. Толя тяжело дышал и хрипел. Потом он как-то странно вытянулся.

Тяжело дыша и разрывая зубами потухшую сигару, комендант пошёл к выходу. Ребята бросились к Толе, но охранники уже подхватили его и понесли куда-то за бараки.

Жора, до боли сжимая кулаки, с дрожью в голосе шептал:

— Обожди, гад!.. Мы ещё рассчитаемся с тобой!

В неизвестность

После «смотра» ребят разогнали по баракам переодеться. Вова плакал, плакал, как маленький. Он и Жора хотели было совсем не выходить из барака — сказать, что у них больше нечего надеть, — но один из мальчиков подал мысль: пожаловаться на коменданта важным господам, которые должны приехать в лагерь.

— Попробуем! — решился Вова и вытер лицо. — Давай одеваться!

— Гады! Гады! — повторял Жора, — Я бы задушил эту вонючую воблу, если бы ты не остановил меня.

— Тебя бы убили, как и Толю, — вздохнул Вова.

— Подожди, мы всё равно рассчитаемся с ним...

Жора помолчал, и как будто одного их желаний было достаточно, чтобы уничтожить Штейнера, тихо спросил:

— Уберём его?

— Не знаю. Пожалуй, нам одним ничего не сделать...

Вова первый выбежал во двор. На площадке уже выстроилась колонна девочек из десятого барака. Пробегая мимо них, Вова увидел Люсю. Не останавливаясь, он с тоской произнёс, глядя на Люсю:

— Толи больше нет!

В первую секунду Люся ничего не поняла, но, когда Вова был уже в конце колонны, до её сознания дошёл страшный смысл его слов: «Толи больше нет». Так это его, наверное, тащили сейчас по земле полицейские...

— Я так и знала, — сурово прошептала Шура. — Он ведь совсем был больной. Разве мог он выдержать! — она с ненавистью оглядела лагерь.

Как хотелось подругам забраться сейчас куда-нибудь подальше, поговорить о неожиданной страшной новости! Но раздалась команда:

— Смирно!

У ворот лагеря показались автомашины: легковые, грузовые, автобусы. Во дворе остались только полицейские. Все немцы во главе со Штейнером пошли встречать гостей.

У подмостков поставили письменный стол и стулья в три ряда.

— Что это будет? — пожал плечами Вова.

— Похоже, для зрителей, — предположил Жора.

— Что ж, они смотреть на нас будут, как в театре?

В воротах появилась целая процессия. Впереди шли дамы, и с ними — Штейнер. Сзади — мужчины, толстые, важные, хорошо одетые, в летних костюмах, в шляпах, с тросточками. Дамы сразу же уселись на стулья, обмахиваясь веерами, шляпками, платочками: их беспокоили мухи и комары. Мужчины остановились у первого ряда выстроенных ребят и с любопытством рассматривали их.

— Вобла-то, вобла как юлит перед ними! — сказал Жора.

Но Вова не ответил ему. Он напряжённо думал: зачем приехали сюда эти господа, кто они?

Несколько немцев с помощником коменданта Глайзером подошли к колонне мальчиков из двенадцатого барака. Глайзер приказал выстроить мальчиков в затылок друг другу.

— Подвигайтесь, подвигайтесь! — шипел полицейский, подгоняя цепочку ребят.

У стола стояли Штейнер и толстая высокая светловолосая немка с двойным подбородком и большими бесцветными глазами. Говорила она мало, но твёрдо.

Ребят проводили мимо стола. Немка внимательно оглядывала каждого, всматривалась в лица. Холодный взгляд её остановился на Жоре. Она сделала знак рукой. Штейнер приказал что-то переводчику. Ребят остановили, и Штейнер ткнул пальцем:

— Подходить сюда!

Жора нерешительно подошёл к столу.

— Руки! — приказал Штейнер.

Показывай руки, болван! — тихо повторил переводчик растерявшемуся мальчику.

Повинуясь приказу, Жора протянул растопыренные пальцы почти к самому носу немки. Штейнер перчаткой ударил его по вытянутой руке. Жора побледнел. Немка шарила острым, колючим взглядом по рукам, лицу и всей фигуре смущённого подростка, оценивая его достоинства и недостатки.

Лицо Жоры покрылось крупными каплями пота.

— Повернись!

Жора повернулся кругом.

— Что умеешь делать? — спросил переводчик.

— Ничего!

— Как это ничего?

— Так, не умею, — ответил Жора.

Переводчик передал немке, что мальчик всё умеет делать. Та кивнула и улыбнулась. На лице Штейнера тоже появилась улыбка.

— Отойди в сторону, — приказал переводчик.

Следующим был Вова. Он тоже протянул руки, повернулся кругом и на вопрос «Что умеешь делать?» ответил:

— Всё, что придётся.

— Выходи из строя!

Так, в тягостном молчании, то двигалась, то останавливалась цепочка невольников. Из пятидесяти подростков сорок шесть остались в строю; их увели к бараку. Там их принялись осматривать и отбирать другие «покупатели».

Вова, Жора и ещё двое мальчиков остались стоять неподалёку от стола.

Теперь перед немкой проводили девочек из десятого барака. Вова видел, как подошла к столу Люся, бледная, испуганная, со слезами на глазах. Немка сделала знак рукой. Вова замер от нетерпения. Оглядев Люсю, немка кивнула. Теперь очередь была за Шурой, но она, видимо, не привлекла внимания.

Стоя рядом с Вовой, Люся со слезами на глазах смотрела вслед уходящей подруге.

— Господин комендант! — неожиданно для всех обратился к Штейнеру Жора. — Нельзя ли ещё одну девочку сюда, её подругу? — указал он на Люсю.

Штейнер посмотрел на Люсю, потом что-то сказал по-немецки переводчику.

— Номер? — спросил переводчик.

— Какой номер Шуры? — торопливо спросил Вова у Люси.

— Сто девять.

У неё мелькнула надежда, что Шуру могут вернуть и оставят с ней. Немка, видимо, выбирает самых крепких, здоровых, хотя их очень мало, а Шура выглядит здоровее других.

Комендант охотно вернул к столу «номер 109». Но он понимал, что желания этих русских и даже его, Штейнера, недостаточно. Нужно, чтобы девочка понравилась покупательнице.

Шура снова появилась у стола. Люся делала ей какие-то непонятные знаки. Шура растерялась, не понимая намёков. А Люся просто хотела, чтобы Шура улыбнулась немке. В самом деле, улыбка у Шуры такая, что даже эту фрау заставит обратить внимание. К тому же у Шуры прекрасные зубы, а немка, видно, придаёт этому немаловажное значение. Она у всех смотрит зубы. Штейнер долго убеждал в чём-то немку. Та сдержанно улыбалась ему, но в конце концов произнесла басом одно единственное, зато всем понятное слово «гут». Ребята облегчённо вздохнули — они будут вместе! Шура радостно сжала руку подруги.

Ведь достаточно было этой разжиревшей фрау сказать «нет», и Шуру разлучили бы с подругой, оставили бы в лагере. Она совершенно бесправна — она, отличница учёбы, командир звена, пионерка Шура Трошина, привыкшая сознавать, что имеет право на уважение. А вот теперь с ней обращаются, как с вещью, как с животным. Хуже чем с животным! Комендант ведь никогда не ударит попусту свою собаку, а мальчики говорят, что Толю убил он. Сам убил.

Может быть, Жора догадался, о чём думает Шура. Подняв голову, Шура встретила его

серьёзный, полный сочувствия взгляд. Жора сказал что-то Вове, стоявшему между ним и Шурой, и тот, наклонившись, быстро прошептал Шуре:

— Главное — крепко держаться вместе, помогать товарищам и, как бы ни было тяжело, помнить, что ты советский человек.

Шура тоже только взглядом могла поблагодарить Жору за то, что он заметил её слабость и захотел помочь. Да и помог! Если разобраться, то сейчас они всё-таки одержали маленькую победу: остались вместе. Пусть маленькая, но победа!

— Забрать вещи! — приказал полицейский.

Ребята переглянулись. Ведь совсем недавно, несколько минут назад, угроза разлуки была такой близкой, что теперь им страшно было расставаться хотя бы на полчаса. Они нехотя разошлись по баракам.

— Вам повезло: вы хоть не будете дышать этой вонью и есть гнилую капусту, — вздохнул, прощаясь с друзьями, Андрей, тот самый мальчик, который в первый же день нагрубил полицейскому и почти одновременно с Жорой объявил войну «гроссмясорубке».

— Это ещё неизвестно! — Вова успокаивал Андрея, но втайне и сам надеялся, что жить им будет легче, и сожалел, что Андрей остался в бараке, не пошёл на этот «смотр».

— Ну, уж хуже не будет! — покачал головой Андрей.

— Кто знает! А вдруг там ещё хуже? Что мы тут можем знать! Толя тоже ничего не знал о том, где смерть ждёт его. Только успел обрадоваться, что умыться дали, а вот видишь, нет уже больше нашего Толи...

Ребята утихли. Снова охватила их тоска и страх за будущее.

— Ну, нам пора. Прощайте, ребята! — сказал, наконец, Вова.

— Прощайте!

— До свиданья!

— Может, встретимся ещё!

— Может, и встретимся!

— Если раньше нас домой попадёте, — сказал Андрей Вове, — смотрите, не забудьте рассказать о нас. Узнайте, как называется этот лагерь. Пусть скорее наши приходят.

— До свиданья!

— Может, встретимся ещё!

— Может, и встретимся!

— Если раньше нас домой попадёте, — сказал Андрей Вове, — смотрите, не забудьте рассказать о нас. Узнайте, как называется этот лагерь. Пусть скорее наши приходят.

— Ладно, скажем, — ответил Жора, как будто он и в самом деле уже отправлялся домой.

Вова добавил:

— Ты, Андрей, не падай духом, держись ближе к хорошим и смелым ребятам.

— Конечно, — согласился тот.

Андрей поглядел на Вову тревожно. «А что, если советские войска раньше освободят нас из лагеря, а их сейчас увезут неведомо куда и они даже не могут оставить ни адреса, ни следа, где их искать», — подумал он.

Ребята вышли во двор задумчивые и мрачные.

Войдя в барак, Люся и Шура объявили, что они уезжают.

— Как это уезжаете? Куда? — посыпались вопросы.

— Сами не знаем.

— И скоро? — спрашивали насторожённые девочки.

— Вот пришли за вещами.

— Ах, если бы домой! — горько вздохнула Лия.

— Как бы не так!.. — усмехнулась Шура. — Куда-то на работу.

Но всё-таки всем — и остающимся и уезжающим — казалось, что там, куда едут Шура и Люся, будет лучше. Хоть немножко, да лучше. Потому что так плохо, как в лагере, нигде не может быть, — думали они.

— А мы остаёмся, несчастные! — глухим голосом сказала Аня. Она была подавлена.

Прощаясь с девочками, Люся заплакала. Тяжело было покидать подруг, которые оставались в этих мрачных сараях. Шура тоже расстроилась и впервые при всех всплакнула, закрывая лицо ладонями.

Девочки тоскливым взглядом проводили Шуру и Люсю до самых ворот. Мальчики уже ждали их. Жора приветливо улыбнулся и сказал:

— Складывайте вещи вместе. Теперь не потеряются.

У ворот стоял часовой. Он смотрел на подростков, которых продали в рабство, и не понимал причины их радостного возбуждения.

На площадке лагеря несколько раз ударили по куску, рельса: бум... бум... бум... Глухой, тяжёлый звон расплывался по округе. Это был сигнал к сбору на обед.

Глухой и неприятный звон заставил ребят переглянуться. Всем хотелось как можно скорее уйти из этого страшного места. Сначала — уйти, а там видно будет. «Главное, что мы вместе, и теперь нас никто не разлучит», — думал Вова.

Часть вторая

В имени Эйзен

Открытая грузовая машина мчится по широкой асфальтированной дороге. Мелькают ярко-зелёные поля, сосновые, аккуратно посаженные перелески. Воздух чистый и свежий. Ребята с наслаждением дышат полной грудью.

— Хорошо!

— Что ты сказала?

Я говорю, как хорошо на просторе, — мечтательно отвечает Шура. Она даже порозовела за какие-нибудь полчаса пути.

— Да, хорошо! — улыбается Люся, — Я глотаю воздух, и мне всё кажется мало. Только голову немножко кружит и под ложечкой от голода сосёт. Ну хоть бы крошечку, хоть чего-нибудь поесть!

— Вот приедем — и покушаем.

— Сразу, как приедем, так и за стол? — лукаво улыбается Жора.

— Можно и сразу, — серьёзно отвечает Вова.

— Дождитесь! — возражает сероглазый мальчик-крепыш.

— Их семь человек: Шура, Люся, Аня, Жора, Вова и двое незнакомых пареньков, отобранных из соседнего барака.

Первые километры ехали молча, отдыхая от пережитых за день волнений, наслаждаясь свежим воздухом, солнцем, а главное — кажущейся свободой: охраны в кузове не было. Потом ребята оживились, заговорили наперебой, стараясь перекричать свист ветра и рокот мотора. Только Аня держалась в сторонке. Она всё ещё не могла придти в себя от неожиданной перемены.

Всего час назад, проводив Шуру и Люсю, Аня упала ничком на нары с горьким рыданием, вздрагивая всем телом. Ей хотелось кричать от обиды на самую себя, и Аня шептала, стиснув зубы: «Ну почему я такая слабенькая, робкая?.. Они вот добились, ушли на волю, а я так и останусь в этом страшном бараке...» Потом Аня нервно поднялась, вытерла слёзы и, не соображая, зачем она это делает, начала лихорадочно запихивать в мешок свои вещи.

Внимание её привлёк спор за дверь барака. Слышался неуверенный голос коменданта и гневный бас толстой немки.

— О чём они? — торопливо спросила Аня тоненькую, с белокурыми косичками девочку, стоявшую у самых дверей.

Девочка приложила палец к губам:

— Они сейчас драться, наверное, будут! Фрау, эта туша проклятая, выбрала трёх наших девочек. Они стояли на самом солнцепёке, пока она считала им зубы, одна в обморок упала, наверно, от жары. Комендант доказывает: «Это случайно, все пройдёт» и предлагает её взять,

а немка отказывается и просит другую... Я по-немецки всё понимаю, ты только никому не рассказывай об этом.

Аню словно вихрем подняло. Она бросилась к выходу и почти столкнулась с комендантом. Немец даже отступил от неожиданности.

Толстая дама прищуренными свинными глазами ощупала Анину напряжённую фигуру и раскрасневшееся лицо. Она что-то сказала Штейнеру, указав рукой на девочку.

Штейнер обрадовано улыбнулся и чуть ли не на ходу втолкнул Аню в грузовик. Так Аня снова оказалась с Шурой и Люсей.

Ребята принялись знакомиться.

— Тебя как зовут?

— Юра.

— А тебя? — Вова дёрнул за рукав сероглазого паренька, сидевшего рядом с Юрой.

— Меня — Костей, — с достоинством ответил крепкий широкоплечий паренёк. Он сразу понравился Вова.

Лагерь давно исчез из виду, и ребята быстро освоились. Каждый рассказывал о себе: кто он, откуда и как попал в Германию.

Костя вспомнил, как они с товарищами готовились к побегу. Но кто-то сказал им, что, если они убегут, фашисты сообщат на родину, и там могут посадить в тюрьму, а то и расстрелять родных, и побег не состоялся.

Дорога была длинной, и ребята, неожиданно оказавшись без постороннего наблюдения, дали волю своим воспоминаниям и мечтам. Разговор начался такой, какого они долго не вели, находясь в лагере, под полицейским надзором.

Девочки, несколько стесняясь ребят, сидели у самой кабины особнячком и разговаривали между собой.

Вова, прислушиваясь и ловя отдельные слова их разговора, понял, что Люся и Шура что-то пылко доказывали Ане, точно хотели её в чём-то убедить, но она отвечала сдержанно и неохотно.

Люся рассказывала о доме, о школе, о друзьях и своих планах. Её слова долетали до слуха Вовы отчётливее и потому вызывали наибольший интерес.

— Я бы после десятилетки обязательно пошла в железнодорожный институт, — говорила Люся. — Мой папа — старый железнодорожник, лучший машинист и так любит своё дело, что мне хочется быть похожей на него, и я так же люблю железную дорогу, как и он.

— А я бы пошла в театральное училище, — высказалась Шура. — Так мне хочется играть на сцене. В школе, в кружке самодеятельности, я играла старух. Наряжусь по-старушечьи, загримируюсь, да так, что все говорят: «Вот здорово у тебя выходит». А играла этих старух так, что один раз меня похвалил артист драмы, он у нас был на школьном вечере для родителей.

Вова из-за плеча Жоры глядел на Шуру и думал: «Какая она живая, весёлая и, наверное,

действительно, когда-нибудь артисткой будет».

Но в это время Шура умолкла, задумалась, и на её лице весёлость сменилась грустью и тоской. Она вдруг сказала:

— Всё теперь пропало... Вот мы едем, а куда, что будет с нами через час, вечером, завтра?.. Как это плохо, девочки.

Люся молча кивнула в знак согласия, но Аня сидела задумчивая, с поникшей головой, будто ничего не слышала и потому совсем не реагировала на слова Шуры.

Вова не утерпел и, пытаясь развеселить, подбодрить девочек, громко сказал:

— Ничего, Шура, ещё будешь играть на сцене.

Все оживились. Люся и Шура улыбнулись, а Жора, как всегда бодрый, добавил:

— Мы обязательно придём смотреть спектакль и будем кричать «бис» и «браво» Александре Трошиной.

Все засмеялись, хотя и не было сказано ничего смешного. Смеялись ребята потому, что чувствовали себя свободными хоть на час.

Костя, Жора и Юра разговаривали бурно, громко и совершенно беззаботно. Только Вова мало принимал участия в их разговоре и больше прислушивался к беседе девочек.

Жора серьёзно и убеждённо доказывал:

— Вот если бы я был старше, я бы уже был танкистом... Да, танкистом. Я бы на своём танке пришёл вас освобождать. Ух, и дал бы я жару этому Штейнеру... повесил бы его...

— А ты хоть танк-то видел? — спросил Костя с недоверием.

— Видел, даже в танке сидел, — с гордостью ответил Жора. — В танке совсем нет руля, там рычаги, и так ими легко управлять, будто вожжами.

Все засмеялись, а Юра вдруг сказал:

— Жора, а ты знаешь, я тоже хочу танкистом...

— Честное слово... Потянешь левый рычаг на себя — танк влево пойдёт, правый — вправо, — с жаром продолжал Жора, так как почувствовал, что все поверили ему.

Только Вова в эту минуту думал о Толе. Ведь он, как и его школьный друг Витя, собирался быть летчиком, хотел походить на Валерия Чкалова, и вот нет с ними Толи. «И кто знает, — думал Вова, — кто из нас осуществит свою мечту?»

Вове было очень грустно, но он не высказывал своих чувств товарищам. «Пусть они хоть сейчас, — думал он, — немножко поговорят, ведь им так мало приходилось быть свободными в своих разговорах и поведении».

Он снова, прислушался к разговору девочек. Они тоже чувствовали себя по-иному, чем в лагере, уже привыкли к ребятам и непринуждённо разговаривали между собой. Только Аня

ещё оставалась такой же, как всегда, — хмурой и расстроенной.

— Что же ты ничего о себе не рассказываешь? — спросила Люся и обняла Аню.

— Мне особенно нечего рассказывать, — Аня растерялась и покраснела.

Ей стало неловко. Ведь и в самом деле так получилось, что ей нечего рассказывать. Она и бежать не собиралась, как эти мальчики, она и девочкам не решалась помогать, когда на кухне работала. Действительно, не о чем ей рассказать.

Только под вечер прибыли ребята в какое-то местечко с узкими улицами и каменными, удивительно одинаковыми одноэтажными домами, крытыми черепицей. Солнце уходило за гору, отбрасывая золотые лучи на верхушки остроконечных крыш. Улицы были безлюдны. Где-то мычали коровы, лаяли собаки, похрюкивали свиньи.

Машина остановилась. Ребята смолкли. Вышел шофёр, посмотрел назад на дорогу и закурил сигарету. Через несколько минут проехала легковая машина, в которой сидела толстая фрау. Шофёр быстро залез в кабину, мотор заурчал, и грузовик с ребятами помчался вслед за легковым «Оппелем». Скоро обе машины свернули на просёлочную дорогу, обсаженную серебристыми тополями. В конце тополевой аллеи показалась усадьба: слева — большой из красного кирпича господский дом, увитый плющом; справа — невысокие постройки, тоже каменные, но с узкими окнами и белыми шиферными крышами.

— Кажется, приехали, — сказал Жора.

Всех давно уже мучил голод. Аня сказала:

— Ах, если бы раздобрилась толстуха да покормила нас!

— Конечно, покормит, а как же! Если нас не кормить, так мы и работать не будем. Она, пожалуй, это понимает, хотя и немка, — рассуждал Вова.

Машина въехала на широкий длинный двор. Посредине, обнесённая дощатым заборчиком, виднелась большая навозная куча. Напротив — скотные сараи, амбары с окованными железом дверями, а чуть в стороне — небольшое кирпичное здание с грязными маленькими оконцами. Возле амбара бродили белые куры. У чуть дымящейся навозной кучи хрюкали большая свинья и штук двенадцать поросят.

Ребята стояли, озираясь, оглушённые неожиданной тишиной. Кроме них, во дворе никого не было. Хозяйка вошла в большой дом. Машины скрылись за воротами.

— Как-то ещё тут будет? — вздохнула Аня.

— Ничего, Анечка, здесь мы будем жить дружнее, — ответила Люся.

Вскоре немка вышла на крыльцо с девочкой — ровесницей ребят. Хозяйка уже успела переодеться. В сером домашнем платье, в соломенной шляпе, она выглядела куда старше и мрачнее. Подойдя к ребятам, фрау, к их большому удивлению, заговорила по-русски, но безбожно коверкая слова:

— Рапотать у мене путут фее, жить у мене путут фее. Карашо рапотать — карашо жить. Сфать меня Эльза Карловна. Ти што умеит рапотать? — обратилась она к Люсе.

— Я умею мыть полы, убирать комнаты, мыть посуду, — ответила Люся, растягивая каждое слово, как бы боясь, что Эльза Карловна не поймёт её.

— Гут, карашо, — сказала фрау. — Ти путит рапотать кухня... Ти што умейт рапотать?

— Я умею всё, — отчеканила Шура.

— Гут. Ти путит короф... — Фрау не знала русского слова «доить» и пыталась объяснить его значение при помощи пальцев. — И упираться короф... мыть короф... Ти путит тоже короф, — указала она на Аню.

Мальчики нетерпеливо ожидали, когда, наконец, дойдёт очередь до них.

— Вы путить стесь, — кивнула фрау Эльза и повела девочек к пристройке большого дома, дверь из которой выходила прямо во двор.

— А девчонка-то — вылитая фрау, — заметил Жора. — Такая же толстомордая, пучеглазая. Только нос поменьше и облезлый.

Вова не мог удержаться от смеха:

— Ты уже всё рассмотрел?

— Рассмотрел.

— Долго ли мы ещё будем нюхать навозную кучу? — вздохнул Костя.

— Это уж как фрау Карловна захочет, — ответил Жора.

— А, может, здесь всё-таки будет вольнее, чем в лагере?

Жора задумался и ответил:

— Это ещё неизвестно. Ты не смотри, что она начинает так важно и тихо. Как возьмёт нас в работу, только успевай оглядываться.

— Ну, бить-то она, может, и не посмеет, — медленно произнёс Юра.

— А почему? — с любопытством повернулся к нему Вова.

— А подожжём! Скот потравим! Вот почему! — с неожиданной для такого хрупкого мальчика ненавистью сказал Юра.

Ребята переглянулись. «А, может быть, и в самом деле здесь нам будет легче защищаться, чем в лагере?» — подумал Вова.

Все сошлись на том, что здесь, наверное, будет лучше, чем в лагере, но особенно хорошего ждать не приходится: привезли работать — значит, будут драть три шкуры.

Ребята не заметили, как на дворе снова появилась Эльза Карловна, рядом с ней — седой старик с трубкой во рту, а немного поодаль — какой-то хромоногий человек помоложе. Старик внимательно оглядывал ребят старческими мутными глазами. Его мясистый нос с горбинкой свисал над верхней губой и, казалось, касался мундштука трубки.

— Вы путит рапотать фсё, што покажет мой папа. Жить путут фее там, — Эльза Карловна указала на высокое, типа каланчи, каменное здание в глубине двора и, повернувшись, направилась к дому.

Хромоногий светловолосый человек, которого Эльза Карловна назвала Максом, тоже вглядывался в лица ребят. Одет он был бедно: тёмно-синий сильно поношенный костюм, разбитые грубые ботинки и смятая кепка.

Макс — батрак Эльзы Карловны. Несмотря на высокий рост, широкие плечи и крепкие, узловатые руки, он похож на человека, только что вышедшего из больницы. Морщинистое, бледное и унылое лицо, усталые глаза, согнутая спина — всё это говорило о непомерном, изнурительном труде, сломившем былую силу.

Старый немец сказал что-то Максусу, и тот с охотой обратился к ребятам по-русски, правильно выговаривая слова:

— Хозяин велит передать, что вы будете жить все вместе на чердаке. Он предупреждает, чтобы вы соблюдали порядок, бережно относились к имуществу и после одиннадцати вечера не зажигали свет.

Макс говорил старательно, словно боялся упустить хотя бы одно слово, сказанное хозяином. Ребята смотрели на него с удивлением.

Вову подмывало заговорить с Максом, разузнать, кто он, но старик, нетерпеливо подталкивая ребят, повёл их через скотный двор к воротам, над которыми торчала каланча.

Пахло сеном, навозом и затхлой пылью, которая бывает только в старых овинах и скотных дворах.

Поднявшись по высокой лестнице на чердак, ребята очутились в полутёмной каморке с крохотным окошком, выходящим во двор. В каморке не было ни стульев, ни стола, ни кроватей. У тесовой перегородки стояла старая, поломанная кушетка с вылезшими наружу ржавыми пружинами, а у противоположной стены — такой же старый диван с торчащими из пыльной обшивки кусками пакли. В углу валялась старая обувь, какие-то тряпки и прочий хлам.

Указав мальчикам на разбитый диван, старик приложил ладонь к виску и наклонил набок голову. Мальчики поняли: здесь им придётся устроиваться на ночлег.

Старик ушёл. Ребята расселись. Вова и Жора — на диване, Юра и Костя — на кушетке.

— Голубятня! — развёл руками Жора.

Юра кивнул:

— Только грязнее.

— Куда там! У меня дома голубятня была — вся на солнышке. Мама её называла Костиной дачей, — вздохнул Костя.

— То — дома, а то — здесь, — примирительно заметил Вова. — Диван наш, а кушетка — ваша. Согласны?

— Согласны!.. Ну, так давайте хоть приберёмся.

— А чего тут прибираться! — удивился Юра.

— Как чего? Подмести пол, пыль с окна стереть, всё это барахло убрать подальше и то лучше будет.

— Давайте! — и Жора первый принялся за уборку.

Поздно вечером Люся позвала мальчиков ужинать. В клеёнчатых фартуках, засучив рукава, девочки хлопотали у стола и болтали без умолку, стараясь казаться бодрыми.

— Ты уже хозяйкой стала? — пошутил Костя.

— Почти! — Люся покраснела.

— Ты завтра тоже хозяином станешь. Заставят навоз скрести, сено возить, скот поить, — сказал Вова, — вот ты и хозяин.

Над накрашенным маленьким столом тусклым желтоватым светом горела электрическая лампочка.

Ребята сидели, тесно прижавшись друг к другу, не зная, куда девать локти.

Люся подала три эмалированные миски:

— Две — для мальчиков, одна — для нас.

Она поставила на стол медную кастрюлю, из которой валил пар. Запахло картофелем. Все невольно открывали рты и облизывали сухие губы, жадно глядя на миски, в которые Люся начала разливать приготовленный ужин. Похлёбка была тёмная, жидкая. Хлеб, к удивлению всех, оказался не чёрным, каким кормили в лагере, а тёмно-жёлтым. Твёрдую, как кирпич, крохотную буханку разрезали тонкими ломтиками и положили на середину стола. Вова, рассматривая кусок хлеба, удивился:

Она поставила на стол медную кастрюлю, из которой валил пар. Запахло картофелем. Все невольно открывали рты и облизывали сухие губы, жадно глядя на миски, в которые Люся начала разливать приготовленный ужин. Похлёбка была тёмная, жидкая. Хлеб, к удивлению всех, оказался не чёрным, каким кормили в лагере, а тёмно-жёлтым. Твёрдую, как кирпич, крохотную буханку разрезали тонкими ломтиками и положили на середину стола. Вова, рассматривая кусок хлеба, удивился:

— Почему он рассыпается, как песок?

— Ты, Вова, ешь! — посоветовала Шура.

— Да я ем. Только хлебушко-то, кажется, из дерева.

— Правда, хлеб ненормальный, — съехидничал Жора.

— А я хотел бы ещё кусочек получить, — серьёзно сказал Костя.

Шура посмотрела на него с сочувствием. Хлеб исчез необычайно быстро, будто его и не было.

— Может, хоть похлёбки добавишь? — попросил Жора.

— Это можно, — ответила Шура за Люсю. — Пока что фрау гнилой картошки не пожалела.

Люся налила мальчикам ещё по черпачку и остаток опрокинула в свою миску.

— Нет, — заключил Жора, — в Германии, наверное, кругом все фашисты и гады подлючие...

Ребята рассмеялись.

«Может быть, и не все», — подумал Вова, вспомнив почему-то внимательные глаза Макса. Вот Макс — он не похож на Эльзу Карловну и её папашу, на тех немцев, которых они видели в лагере. Чем не похож — Вова сказать бы не смог и с товарищами об этом говорить пока не решался. Мало ли, как они поймут его... Макс, хоть и батрак, а немец. Интересно, почему он так хорошо говорит по-русски?

Только ребята разговорились, покончив со скудным ужином, как на пороге бесшумно появился старик. Он дважды повернул выключатель. Свет погас и зажёгся вновь. Указав мальчикам на дверь, старик подождал, пока они вышли, и повелительно показал на девочек, а потом на стол. Девочки заторопились убирать со стола и мыть посуду.

Батраки

Однажды девочкам посчастливилось лечь спать рано — хозяйки не было дома. Аня тотчас уснула. Она уставала больше других. Шура и Люся шёпотом переговаривались. Люся рассказывала про Эльзу Карловну:

— Как она ест! Ты бы только видела, Шура! Сядет за стол, а рядом посадит пса, огромного, мордастого, и тот ждёт, облизывается. Я иногда стою за ширмой, смотрю в щёлку, чуть не умираю со смеху. Она ему в рот кладёт большие куски мяса, а сама прищурит свои огромные глазищи, чавкает...

— Зато нас кормит гнилой картошкой и опилками. Колбасники проклятые! — коротко заметила Шура.

— Ты знаешь, — шептала Люся, — я смотрю на неё и представляю, — и сейчас вот, как закрою глаза, тоже представляю, — что это не Эльза Карловна, а знаешь кто?

— Кто?

— Паук. Пузатый, страшный, большой паук. Сидит этот паук недалеко от своих сетей и поджидает. Он знает: жертва попадётся в сеть. Тогда паук подползёт и будет сосать её, пока она не сдохнет. Вот так и Эльза Карловна. Ты посмотри, что нам дают. Уж я выбираю, выбираю, чищу, чищу эту гнилую картошку. Чуть в обморок не падаю, такая она вонючая. Есть эту похлёбку противно. Ты видишь, я почти не ем, а ребята и такой рады, добавки просят. — Люся перевела дух. — Так и будет сосать нас Эльза Карловна, как паук!

— Ничего, Люся! Наши всё равно придут, — тогда за всё отплатим.

— Придут? Ты веришь? — почти вскрикнула Люся.

— Верю. Если бы не верила, я бы не жила. — Голос Шуры дрогнул.

— Но почему же они не идут сегодня, сейчас?

— А может быть, и сейчас идут. Ты ведь не знаешь.

Долго об этом говорили, и Шура закончила:

— Дождёмся...

— Это верно, — согласилась Люся. — А-ах... хоть бы пришли поскорее! — Она прижалась к Шуре и крепко обняла её. — Вот тогда бы мы показали этой «фрау», этому Штейнеру, всем фашистам!

Сон, наконец, одолел девочек. Аня спала очень тревожно: вздрагивала, что-то бормотала во сне.

Работая с утра до тёмной ночи, девочки нередко так и засыпали, не успев закончить задушевный разговор...

Мальчики в этот день поздно вернулись с работы и улеглись, не зажигая света, уставшие и голодные. Им не спалось.

— С такой похлёбки чёрта с два работать долго сможешь, — начал Жора. — Просто из любопытства интересуюсь. Почему бы Эльзе Карловне не кормить нас хоть раз в неделю досыта? При таком питании как же можно с нас спрашивать работу!

— Думаешь, тебя спросят, сможешь ты работать или нет? — заметил Вова.

— Вот это да! Не будем работать — и всё тут! — горячо сказал Юра.

— Палкой заставят!

— А я — фюить! И нет меня, удеру!

— Куда?

— Хоть куда, а удеру.

— На тебе номер. Ни денег, ни документов, еды никакой, — рассудил Костя. — Поймают тебя где-нибудь, да и учинят такое, как над Толей. Слыхал? Из нашего барака мальчик.

— Это верно! — согласился Вова, испытавший на себе последствия неудачного побега. — Тут надо хорошо продумать, чтобы ни в коем случае не поймали.

— Номер я срежу, — упорствовал Юра.

— Это не поможет. Кругом чужие. Да ты представляешь ли, хоть куда идти?

— Вон в ту сторону, — Юра наугад указал в угол комнаты.

— Вот и неверно! — возразил Вова. — Там — запад. Солнце там закатывается, а ты и не заметил.

Все посмеялись над Юрой.

— Нам теперь всё надо замечать, — серьёзно продолжал Вова. — Может, и пригодится. Тут, брат, мамы нет, чтобы за тебя подумала. Самим надо и замечать, и думать.

Юра молчал. Он, действительно, напутал, и ему стало стыдно.

— А что, ребята, небось, есть хотите? — выручил Юру Жора.

— А ты, небось, супец мясной сварил? — спросил Костя.

— А вот я попробую что-нибудь — сообразить! — Жора встал, включил свет. — Стелите постели, я сейчас.

Жора вышел из комнаты, тихонько спустился вниз и, осторожно прижимаясь к стене, направился в угол двора. Ещё днём он заметил там жестяную банку. Банка оказалась на месте. Захватив её, Жора торопливо пошёл к сараю.

В коровнике было темно и сыро. Слышно было, как пыхтят, точно отдуваясь от жары, коровы. Вдруг раздались шорох и хлопанье крыльев. Жора вздрогнул. Пропел петух. Опять всё стихло. Жора ощупью, медленно шёл вперёд. Наконец он нащупал рукой низкий заборчик, кормушку: пошарив в ней, взял клочок травы и вытер банку изнутри. Потом пнул ногой первую попавшуюся корову. Та нехотя поднялась, продолжая громко жевать жвачку. Присев на корточки, Жора нащупал сосок и, сжимая его пальцами, начал неуклюже тянуть вниз. Потянул раз, другой. Тёпленькая струйка молока брызнула на руку. «Получается!» — обрадовался он.

Постепенно Жора перебрал все соски, поднимая банку выше, чтобы молоко не пролилось мимо. Он чувствовал, как банка постепенно тяжелеет, и пальцами определил, что наполнил её чуть не доверху. «Вот угощу ребят!»

Обратно пришлось идти медленно, чтобы не оступиться в темноте и не расплескать драгоценное молоко. Не успел он добраться до лестницы, как послышался скрип. Жора замер. Старик-немец, задыхаясь и кашляя, поднимался по лестнице в их каморку.

«Ух, лунатик! Бродит по ночам, старый чёрт! — подумал Жора. — Что делать? Бросить банку? Ну нет, жалко».

В это время старик открыл дверь, и косой луч света упал на стенку. Жора заметил выбоину в стене, поставил туда банку, а сам кинулся к лестнице. Он поднялся на площадку и, стараясь казаться спокойным, вошёл в каморку.

Старик стоял посредине и сердито что-то бормотал, указывая на электрическую лампочку. Ребята, в свою очередь, доказывали старику на постели: дескать, постели надо было приготовить. Немец пыхтел трубкой, повторяя: «Зер шлехт, зер шлехт...»[12]. Когда Жора появился, старик повернулся в его сторону и опять начал бормотать: «Зер шлехт».

— Я на двор ходил, до ветру.

Старик постоял ещё две-три минуты, покашливая и попыхивая трубкой, и отправился восвояси. Не успел он закрыть дверь, как Вова погасил свет. Это, очевидно, успокоило старика; спускаясь по деревянной лестнице, он уже больше не ворчал. Жора тут же подскочил к двери, приоткрыл её немного и стал смотреть в темноту, напрягая слух.

— Ти-иш-ше! Ти-ихо-о! — зашикал он на товарищей, заспоривших между собой.

Когда ворота скотного двора скрипнули, Жора обернулся к товарищам и, вздохнув полной грудью, облегчённо объявил:

— Вот это да! Чуть не засыпался.

— Ты где был?

— В коровнике.

— Зачем?

— Так...

— Как это «так»? — недоумённо произнёс осторожный Костя. — Смотри, добегаешься, потом пожалеешь.

Все скоро успокоились, только Жора ворочался на диване.

— Ты чего не спишь? — спросил Вова.

— Да мне вниз сходить надо.

— Ну так иди.

Жора вышел осторожно, бесшумно, как тень, и быстро вернулся. В узкое окно ребячьей каморки светила луна. Жора стал посередине комнаты, где недавно стоял немец, и проворчал, передразнивая старика:

— Зер шлехт, зер шлехт. Коммен зи млеко тринкен.

— Зер шлехт, зер шлехт. Коммен зи млеко тринкен.

Ребята не поняли.

— Ну, вставайте и становитесь в очередь! — торжественно пригласил Жора.

Он первый приложился к банке и, захлебываясь, пил жадными глотками. Ребята с удивлением смотрели на него, глотали слюну и ждали своей очереди. Жора передал банку Вове. Потом она перешла к Юре и Косте.

— Пейте, пейте! — радовался Жора и, подняв палец кверху, добавил: — Высший сорт, от натуральной коровы.

— Вот это здорово! — сказал Юра. — Ну и Жорка!

— Хорошо, молодец! — согласился Костя.

— Перехвалите, другой раз не принесёт, — пошутил Вова.

А Жора ответил:

— Нет, принесу. Только крови своей я испортил столько, что это молоко и половины её не пополнит.

Ребята, довольные и уже не такие голодные, быстро улеглись и мгновенно уснули.

Фрау Эльза Карловна

Эльза Карловна — полновластная хозяйка богатого имения. Землю она сдавала в аренду — это было выгодно и не особенно хлопотно. Остальное хозяйство вела сама. Муж её и сын, совсем ещё юнец, находились в армии. Муж — на Восточном фронте, сын — в Африке. У Эльзы Карловны работали трое пленных французов и немец-инвалид Макс. Недавно французов забрали по приказу властей на постройку подземного военного завода, из работников остался один Макс. Эльза Карловна забеспокоилась.

Когда ей предложили по дешёвой цене подростков, присланных из России, она решила, что семь подростков вполне заменят трёх взрослых работников. «Это же совсем пустяки — тысячу марок в год за всех семерых», — думала Эльза Карловна. Главное — не упустить время, сохранить хозяйство в полном порядке, а если удастся, то и приумножить его. Еще муж мечтал завести хороших, породистых свиней и открыть колбасную. Когда он вернётся, она покажет ему, что значит хорошая немецкая жена и умная хозяйка.

Эльза Карловна ежемесячно получала от мужа тысячу марок. «Офицеру великой германской армии не нужны деньги, — писал он. — В России всё для нас организовано». Сын тоже посылал марки. Да и сама Эльза Карловна не зевала: она сбывала молоко и другие продукты по очень выгодной цене. В хозяйстве появились породистые свиньи, прибавилось несколько коров. Правда, с неё стали больше брать молока и мяса на нужды войны. «Но ведь это не бесплатно», — рассуждала Эльза Карловна.

В имении Эйзен для батраков не существовало дней отдыха. Макс тоже работал с утра до ночи, как заведённый автомат, но Эльза Карловна и Максом недовольна. Искусный Макс мог сделать всё, начиная с простой кормушки для скота и кончая аккуратно отполированной мебелью. Но ему приходилось быть ещё и механиком, и электриком, и печником. С трудом передвигая натёртую протезом ногу (он в первую мировую войну потерял ногу и побывал в плену в России), Макс всегда занят бесконечной работой. То костыляет в дом — чинить мебель, исправлять электропроводку, то спешит в сарай — ремонтировать инвентарь, машины. И горе было ему, если вдруг не удавалось справиться с поломкой, хозяйка звала механика, а стоимость работы удерживала из скудного заработка Макса. Таков был неписанный закон в имении Эйзен, заведённый ещё мужем Эльзы Карловны.

Ребята быстро поняли, что и Макс ненавидит хозяйку, но сдерживает себя из-за куска хлеба и только иногда, доведённый до отчаяния, угрожает, что уйдёт из имения, как только найдёт подходящее место.

Но всё оставалось по-старому. Как видно, нелегко было батраку Максиму найти лучшее место в фашистской Германии.

Когда у Эльзы Карловны забрали пленных французов, она совсем пала духом. Но получив русских подростков, — снова ожила.

— О, это так прекрасно, так выгодно! — восклицала она в сотый раз, рассказывая отцу о том, как ей удалось «надуть» легкомысленного Штейнера, коменданта лагеря. — Вы и представить себе не можете, папа, как я одурачила его. Он так и крутился возле меня, как мальчишка, а потом выстроил в цепочку полсотни этих русских мальчишек и сказал: «Выбирайте». И девчонок тоже. Из ста я выбрала семь. Семь из ста! — гордо восклицала Эльза Карловна.

А старик кряхтел, раздувая трубку, и улыбался:

— Ты у нас умница, умница!

— Теперь, папа, за дело. Я не позволю лентяйничать этим русским дикарям, и, думаю, они заменят нам потерянных французов, — Эльза Карловна понизила голос: — а может быть, и Макса.

Перед сном Эльза Карловна ещё раз с удовольствием вспомнила, как ловко удалось ей провести Штейнера. Она незаметно для других вручила ему взятку. Штейнер отблагодарил фрау Эйзен — он уступил ей этих «дикарей» на пятьдесят марок дешевле за «штуку» и позволил отобрать самых здоровых.

— Только вам, дорогая фрау, я отдаю так дёшево! — приговаривал он.

Эльзу Карловну беспокоило, как она будет контролировать своих невольников. «Говорят они лентяи, воры, обжоры. Конечно, папа — хороший хозяин, он поможет, но всё-таки многое придётся делать самой — не доверять же Максу, этому оборванцу! Придётся ежедневно вставать рано утром из-за этих русских, за которыми надо следить, чтобы ровно в пять они приступали к работе».

Эльза Карловна вздыхала, просила господ бога послать армии Гитлера быструю и полную победу над русскими. Тогда уже непременно вернётся Фриц домой, если не зимой, то весной. Не исключена возможность, что им в имение дадут из России ещё десятка полтора мужчин и женщин для ведения хозяйства, чтобы самим обрабатывать всю землю, а не сдавать её в аренду.

Эльза Карловна закрывала глаза и блаженно представляла себе стадо свиней, множество коров, птицы, полный двор даровых батраков из России и деньги, много денег. Это должно случиться скоро, очень скоро. Не зря же пишет муж, что дела идут прекрасно, что уже завоёвана лучшая часть России. Об этом же ежедневно объявляют по радио, пишут во всех газетах, говорят в каждом порядочном немецком доме, в каждой настоящей немецкой семье.

Эльза Карловна засыпала с такими мыслями, и на её пухлом, широком лице застывала счастливая улыбка.

Красная Армия придёт

Несколько дней шли проливные дожди. Эльза Карловна была взбешена — полевые дороги превратились в сплошное болото, незаскирданная солома размокла, а вывозка кормов для скота, совсем прекратилась.

Фрау Эйзен назначила Костю старшим. На его обязанности лежало теперь вовремя поднимать ребят на работу, проверять выполнение сделанного ребятами и два раза в неделю возить молоко на строящийся неподалёку завод. Такое «доверие» хозяйки, оказанное Косте, совсем не нравилось ребятам, и Жора нередко подтрунивал над ним при удобном случае.

Костя и сам работал наравне с остальными, но что из того! Ему уже казалось, что ребята относятся к нему с недоверием, словно подумывают: «Уже не проданся ли он Эльзе Карловне, раз даёт нам задания и следит, чтобы всё точно выполнялось?»

В дождливые дни мальчикам было приказано очистить от навоза свинарник, коровник и конюшню.

Началось с того, что Костя, придя от хозяйки, объявил:

— Если сегодня не вычистим коровник, нас не будут кормить. Так велела объявить хозяйка.

— Ну и пусть, чёрт с ней! — заявил Жора. — И так не больно кормёжкой балует.

— Так что же, с голоду умирать будем? — Костя оглядел ребят.

— Работать, конечно, придётся, — сказал Вова, — но ты посмотри на эти «лодочки». — Он повертел башмаком на деревянной подошве. — В них по двору походишь, и то за день так набьёшь ноги, что на завтра еле встанешь.

Спор закончился тем, что Костя сам выкатил ручную тачку и стал молча нагружать её. Потом Юра взял вилы и начал ему помогать. Вова и Жора нехотя подгребали навоз лопатами.

— Крой, крой, Костя, может быть, премию получишь от Эльзы Карловны! — сердито подтрунивал Жора.

— Ну, хватит, перестань! — одёрнул его Вова.

Ему тоже не по душе было назначение Кости старшим, и Вова ни за что, ни за что, — чёрт побери! — не стал бы старшим, но он не мог спокойно глядеть, как обижают товарища. Он понимал, что одного желанья или нежеланья Кости мало.

В обед к мальчикам на минуту забежала заплаканная Люся. Она нечаянно разбила рюмку, и обозлённая Эльза Карловна ударила её по лицу.

Люся забежала предупредить, что Эльза Карловна собирается сегодня проверить их работу сама лично.

— Надо подналечь, ребята! — встревожился Костя.

Поплевав на руки, Жора взялся за ручки нагружённой доверху тачки и покатил её по узкому настилу на середину двора, к огромной навозной куче, отгороженной досками.

Услышав бас Эльзы Карловны, ребята торопливо принялись нагружать навозом вторую тачку, делая вид, что работают усердно.

Большие, тяжёлые, несгибающиеся ботинки на деревянной «фюрер-подошве» вязли в навозе, скользили и больно натирали ноги.

Жора выкатил тачку во двор и хотел повернуть её на быстром ходу, но нога в тяжёлом ботинке неожиданно подвернулась. Жора покачнулся, потерял равновесие, и одноколёсная тачка повалилась набок. Он пытался выпрямить её, но это оказалось не под силу. Тогда Жора навалился на кромку тачки и, краснея и кряхтя, поднял её. Однако тачка по инерции потянула его вперёд и грохнулась на другую сторону. Навоз вывалился как раз под ноги подходившей Эльзе Карловне, а Жора упал животом на тачку.

— Больван! — взвизгнула Эльза Карловна и, размахнувшись, ударила его кулаком по спине.

Жора вскочил и, растерявшись, молча принялся руками складывать навоз обратно в тачку. По двору неслась отрывистая, похожая на лай, ругань хозяйки.

Мальчики уже наполнили вторую тачку. Костя одним рывком подхватил её и быстро покатил к навозной куче. Тачка была очень тяжелая. Ребята даже удивились, откуда у Кости сила взялась. Даже Эльза Карловна перестала ругаться.

— Точно ведьма, — краснея от злости и обиды, проворчал Жора, когда хозяйка ушла. — Как хряснет по спине своей ручищей — у меня аж искры из глаз посыпались!

— Такая слониха и кость перешибёт, — злобно процедил Вова.

— Сами видите теперь, что приходится работать, — сказал Костя.

Опершись на тачку, он вытирал рукавом мокрый от пота лоб. Видно, нелегко далось ему это усилие.

— Видим, видим, как ты выламываешься перед этой ведьмой! — резко ответил Жора.

Костя густо покраснел:

— А ты попробуй не выламываться!..

— И не буду!

— Ну, и будешь ходить в синяках.

— Ну и пусть!

— Надолго ли тебя так хватит? — возразил Костя.

— Если будем делать всё сообща, то, может быть, и без синяков проходим, — сказал Вова и задумался.

— А я разве против? — В голосе Кости звучала обида. — Как будто я сам напросился старшим быть!

— Надо делать всё умело, сообща... — медленно повторил Вова. Он отчётливо понимал, как необходимы сейчас, ребятам настоящая дружба и взаимная поддержка.

— Костя! — к мальчикам подбежала Шура. — Тебя Эльза Карловна зовёт.

Костя досадливо поморщился и, вздохнув, пошёл к дому.

Жора поднял голову и через силу улыбнулся Шуре, показывал на спину:

— Вот я уже заработал у Эльзы Карловны премию.

— Я видела из окна, — кивнула Шура. — Какая подлая! Я бы что угодно могла с ней сделать, если бы...

— Если бы что? — перебил Жора.

— Если бы это было там, у нас.

— Вот это да! — Жора засмеялся, забыв на миг даже про затрещину Эльзы. — Может быть, и правда, когда придёт время, прихватим Эльзу с собой и отдадим в твоё распоряжение.

— Ты не шути, Жора, я готова её разорвать, — серьёзно сказала Шура.

Она сказала это так сосредоточенно-спокойно, что Вова невольно взглянул ей в лицо. Ему вдруг показалось, что Шура гораздо старше и сильнее, чем они думают. И ему почему-то стало страшно за неё. Такая действительно может, не посоветовавшись, сделать что угодно.

— Шура, иди, а то Эльза заметит, и тебе достанется, — сказал Вова.

— Иди, Шура, иди! — забеспокоились Юра и Жора.

...Костя вернулся совсем расстроенный. Эльза Карловна приказала ему сейчас же собираться и везти с ней молоко на строительство. Костя просто боялся сказать об этом товарищам. «Ребята останутся навоз вывозить, тяжёлую работу делать, — думал он, — а я поеду. Опять могут подумать, что я хитрю, выбираю себе полегче».

— Мне ехать приходится, — заранее оправдываясь, сказал он ребятам. — Уж вы тут орудуйте за меня.

— Это что — опять «задание»? — спросил Жора.

— Ну что вы, ребята, в самом деле! — взмолился Костя. — Да поймите же, не сам ведь я, меня тоже заставляют.

Костя смотрел куда-то в стену, теребя выпачканную в навозе, истрёпанную куртку, мешком висевшую на его похудевшем туловище.

— Ясно, ясно! — подмигнул Жора. — Будь спокоен, всё исполним в точности. Приедешь — отлапартуем.

Последнее слово он умышленно искажил, чем рассмешил товарищей и окончательно обидел Костю.

Костя вышел из коровника со слезами на глазах.

Юре стало жаль товарища.

— Надо бы полегче с Костей, ему тоже несладко, — упрекнул он ребят.

— Выслуживается он, вот что, — отрубил Жора.

— Нет, Жорка, ты не прав, — возразил Вова и, помолчав, добавил: — Ты, смотри, не поддавайся на фашистскую удочку! Эльза рада была бы всех нас перессорить. Неужели ты не понимаешь, что тогда ей было бы легче с нами справиться? Во что бы то ни стало мы должны дружить! А Костя тут ни при чём, его заставили.

Но Жору трудно было убедить, он имел своё особое мнение.

— Пусть Костя откажется быть старшим, — доказывал он. — Тогда ведьма сама будет давать задания, сама наблюдать за нами. Ну, с месяц она, может быть, и будет это делать, а потом ей надоест. Вот тогда нам и станет легче.

— Ты, Жорка, плохо разбираешься и не понимаешь главного. Эльза Карловна смотрит на нас, как на рабов, и потому будет всегда одинакова. Ей ничего не стоит заморить нас голодом, замучить досмерти, — доказывал Вова, понявший раньше других, что работать им, хочешь не

хочешь, а придётся. — Даже немца Макса она держит в чёрном теле. Мы стоим с ним вчера и разговариваем. Он, как будто ничего человек. Ну, и откуда ни возьмись — Эльза Карловна. Она как заорёт на него. Он улыбнулся мне, сказал: «Не бойся», а сам всё-таки отошёл... В самом деле, ребята, давайте крепче дружить. Ведь мы пионеры!

Вова торжественно поднял руку, словно для салюта. Мальчики на мгновение застыли, выпрямившись, как на линейке.

Но тут же опомнились и взялись за лопаты...

Однако поездка Эльзы Карловны на строительство в этот день не состоялась: разразилась гроза.

Ливень согнал всех со двора, и ребята рано забрались в свою каморку.

— Хоть бы немножко согреться, — жаловался Юра, вода ручейками стекала с его куцей курточки.

— Может, тебе тёплую баньку нужно, — пробовал пошутить Жора.

Но никто не поддержал шутки. Приунывшие ребята молча стягивали насквозь промокшие, облепленные грязью башмаки и едва шевелили онемевшими пальцами. Юра чувствовал себя особенно плохо. Дышал он тяжело и покашливал, а на щеках яркими пятнами горел румянец.

Все быстро улеглись и погасили свет. Жора лежал с открытыми глазами, чувствуя за спиной согревающее дыхание Вовы.

Мутные струйки текли по запылённому окну. Редкие отблески молнии освещали во тьме бледные лица мальчиков.

— Вот в такую ночь хорошо бежать! — шепнул Жора.

Вова не отозвался.

— Ты чего молчишь? — повернулся Жора к товарищу.

Отдалённый раскат грома прокатился над крышей и замер.

Вова сразу приподнялся и, стиснув пальцами Жорино плечо, горячо прошептал:

— На выстрелы похоже, правда? Повсюду сейчас бой идёт! А наши всё равно их побьют и придут сюда!

— Кто про нас вспомнит? — вздохнул Юра. Он тоже не спал и слышал, как говорили товарищи.

Разгорелся спор. Жора был возмущён неверием Юры. Прыгая босиком от кушетки к дивану, чтобы согреться, он размахивал руками и старался всех перекричать:

— Придёт сюда Красная Армия или не придёт, а всё-таки нас освободят и после войны отправят по домам. Я уверен!

— В суматохе нас могут не найти! — тревожился Юра.

Он часто беспокоился об этом. Сегодня он впервые решился высказать свои опасения

товарищам. Но постоянно терзавшая его мысль, облечённая в простые слова «нас могут не найти», была так ужасна, что Юра содрогнулся. Как же жить тогда? Он тяжело закашлялся, жадно прислушиваясь к спору. Ему так хотелось, чтобы ребята успокоили и обнадёжили его!

Костя отмалчивался. Он верил, что Красная Армия за ними придёт. Но сейчас он старался сосредоточить свои мысли, всю изобретательность на одном: уберечь ребят до прихода Красной Армии. «Пусть Жора думает, что угодно, но я-то понимаю, как нам трудно уберечь друг друга», — думал он.

Прислушиваясь к шумному говору ребят, Костя твердил про себя: «Они считают меня плохим товарищем. Не понимают, что я душу готов за них отдать...»

Косте нравилась горячность Жоры, дерзкая независимость его и смелость. Как часто он сам еле сдерживал себя, чтобы не нагрубить ненавистной хозяйке! Но Косте казалось, что своей осторожностью он заслоняет ребят от лишней беды, и только ради этого он мирился с постоянными нападка и насмешками Жоры. Но всё-таки больше ему невольно, надо объясниться.

Костя наклонился к самому уху Вовы и заговорил быстро, захлебываясь и глотая слова:

— Ты не думай, Вова... Я в наших крепко верю! И никогда не испугаюсь, если надо что-нибудь сделать вместе со всеми. Но ведь надо же обдуманно поступать! А если будем свои головы сгоряча, как Жорка, под удары подставлять, то можем и Красной Армии не дожидаться. Перережут нас всех, как цыплят, и всё.

— Я про тебя плохо и не думал! — Вова поглядел Косте прямо в глаза.

Юра и Жора даже не заметили их разговора, разгорячённые спором.

Вова послушал-послушал и рассмеялся:

— Чудаки вы какие! Красная Армия обязательно сюда придёт. — Голос Вовы зазвенел уверенно, горячо. — И про нас никто не забудет, всех освободят. Только мы сами должны крепко верить, дружить, не сдаваться. Давайте вот потихоньку соберёмся и решим, как сделать, чтобы легче было нам дожидаться Красной Армии.

— И девчат пригласим? — спросил Юра.

Юра и Жора даже не заметили их разговора, разгорячённые спором.

Вова послушал-послушал и рассмеялся:

— Чудаки вы какие! Красная Армия обязательно сюда придёт. — Голос Вовы зазвенел уверенно, горячо. — И про нас никто не забудет, всех освободят. Только мы сами должны крепко верить, дружить, не сдаваться. Давайте вот потихоньку соберёмся и решим, как сделать, чтобы легче было нам дожидаться Красной Армии.

— И девчат пригласим? — спросил Юра.

— Всех не надо. Позовём Шуру, а она пусть расскажет Люсе и Ане.

— А может, лучше сразу всех собрать?

— Всех нельзя, — сказал Жора. А вдруг к ним в каморку затащится Лунатик, а их нет?

Лунатиком ребята прозвали отца Эльзы Карловны за то, что днём он редко выходил во двор, а по ночам бродил чуть не до утра. То в коровник зайдёт, то к ребятам наверх поднимется, то прохаживается по двору, пыхтит трубкой, бормочет что-то себе под нос, кашляет и без конца бродит всю ночь, точно сторожит своё богатство.

Решили так, как предложил Вова. Соберутся на чердаке Жора, Юра, Костя, Вова и Шура ночью, после работы. Жора и Юра попеременно будут наблюдать за воротами коровника, чтобы вовремя спрятать Шуру, если Лунатик вдруг забредёт к ним.

На следующий день после обеда Вова нарочно задержался на кухне. Шура сливала молоко в большие фляги, Аня вышла принести воды.

— Мы решили сегодня собраться у нас, — быстро зашептал Вова. — Ты должна быть от девочек. Только никому пока ни слова.

Вова испытующе поглядел на Шуру. Она подняла удивлённые глаза:

— Может... может, лучше Люся?

Шура сказала так потому, что Люся всё-таки первая познакомилась и подружилась с Вовой. Но у Вовы были такие серьёзные глаза, что Шура насторожилась. Нет, пожалуй, ребята не просто хотят «отвести душу», поговорить.

Вошла Аня. Вова взял чашку с водой, поднёс её к губам и как бы невзначай твёрдо сказал:

— Ты, Шура, ты!

Допил воду, отдал Ане чашку и вышел, постукивая деревянными подошвами по каменному полу коридорчика, а Шура подумала: о чём же будут они сегодня говорить на сборе?

Но после обеда произошло неожиданное событие. Костя решил перед отъездом вывезти ещё одну тачку навоза, неловко повернулся, и тяжёлая тачка накренилась. Он попытался удержать её, но не смог и вывихнул руку. Прибежала Эльза Карловна, подняла шум, однако Костю не тронула. Уходя, она сказала Вова:

— Ты поедит завод!

Неожиданная встреча

К полудню небо стало проясняться. Яркое солнце пробилось сквозь пелену разорванных облаков, озаряя зеленовато-жёлтые поля и леса, омытые дождём. В свежем осеннем воздухе пахло увядшей листвой. Обсаженная тополями дорога светилась множеством луж, на поверхности которых играли золотые зайчики солнечных лучей.

Ломовая лошадь не спеша тащила плоскую автокачку — телегу на резиновых скатах. На пружинном сиденье, обтянутом чёрным дермантином, восседала грузная Эльза Карловна, держа в руках натянутые вожжи. Вова кое-как пристроился сзади, придерживая тяжёлые фляги.

Чем хуже становилась дорога, чем больше трясло и подбрасывало Вову на ямах и выбоинах,

тем мрачнее становились его мысли. Ему так и хотелось толкнуть Эльзу Карловну в широкую заплывшую жиром спину, чтобы она полетела с этого скрипучего сиденья ко всем дьяволам.

Наконец телега выехала на автостраду и плавно покатила к показавшемуся из-за пригорка городу. Настроение Вовы несколько улучшилось. Кажется, впервые в этом году Вова почувствовал прелесть свежей, чистой и красивой осени. Ему вспомнились школа, друзья, дом. Сейчас бы он уже учился в шестом классе. После уроков вместе с ребятами отправлялся бы на стадион играть в футбол, а потом успел бы заглянуть в сад послушать музыку. Ах, как чудесно жилось там, дома, среди друзей, в родном городе, где был знаком каждый камень. Как привольно дышалось! Как далека теперь та, настоящая жизнь!..

Скоро лошадь свернула опять на просёлочную дорогу, и автокачка въехала в сосновый лес. «Спрыгнуть бы с телеги, спрятаться где-нибудь в зарослях», — думал Вова, но всё это было мечтой. Вова не мог позволить себе ничего, он невольник...

Потянуло смолой. Послышались звон пил и стук топоров. Через несколько минут автокачка въехала на огромную поляну — вырубку, где торчали пни и темнели кучи хвороста. Пахло опилками, смолой и дымом. Невдалеке горели костры из хвойных сучьев. Дым подымался прямыми столбами, в воздухе кружились седые хлопья сгоревшего, мха. «Совсем как на пионерском костре», — подумалось Вове, и почему-то захотелось плакать.

Эльза Карловна остановила телегу у фанерного барака. Она кивнула Вове, что означало: «Присмотри за лошадей», — и пошла к калитке, где стоял часовой.

На площадке между пнями и кучами валежника копошилось множество людей. Вова, подавшись вперёд, вглядывался в худые, медленно движущиеся фигуры, в нашивки на их лохмотьях. Он догадался — пленные!

Площадку охраняли немецкие автоматчики.

«Наши здесь!» — Вову била дрожь. Он и рад был увидеть своих советских людей, и горько и страшно было ему видеть их здесь, в Германии, в таком виде.

Невольно он стал прикидывать, как далеко это место от усадьбы Эльзы Карловны. Если по дороге, — наверное, километров десять. Если же пойти прямо через лес и пересечь шоссе, будет, пожалуй, не более четырёх-пяти километров...

Эльза Карловна вернулась быстро. Отворились ворота, и автокачка въехала на чистый, посыпанный песком двор. Против ворот стояло одноэтажное здание, откуда доносились звуки радио, треск пишущих машинок и немецкая речь.

Эльза Карловна разговаривала с толстым немцем в белом халате и военной фуражке с кокардой. Она показывала ему на Вову. Это, очевидно, означало, что она знакомит с Вовой толстяка — не то повара, не то кладовщика — и объясняет ему, что впредь молочные продукты будет возить этот русский мальчик. Немец кивал головой и повторял:

— Гут, гут...

— Сюда давай! — крикнула Эльза Карловна, указывая на склад.

Вова подвёл лошадь к дверям склада и неожиданно почти лицом к лицу столкнулся с человеком в потрёпанной грязно-зелёной гимнастёрке и русской пилотке. Невысокий, худой, с длинными руками пленный пристально смотрел на Вову глубоко запавшими, удивлёнными

глазами. Очевидно, костюм Вовы и его вид сразу дали понять, кто перед ним.

Когда пленный по приказу немца взял первую флягу, Вова бросился помогать ему. Их взгляды встретились. Приседая от тяжести, русский понёс флягу. За ним пошли толстый немец и Эльза Карловна. Из склада пленный вышел первым. Он огляделся и быстро подошёл к телеге. У Вовы ёкнуло сердце. Он не знал, что делать, и, вскочив на телегу, стал подвигать флягу.

Пленный взялся за флягу, как бы делая усилие, задержался и, глядя прямо в лицо Вовы, спросил:

— Ты русский?

— Русский! Русский я! — восторженно прошептал Вова.

В это время из-за угла вышел немец с автоматом. Вова торопливо начал подвигать следующую флягу, нарочно гремя крышкой. Пленный с ношей торопливо направился к амбару. Немец отошёл. Вова с нетерпением ожидал возвращения русского.

На этот раз пленный задержался. Вова с огорчением подумал, что в телеге осталось только три фляги. Если бы их было больше, он, наверное, успел бы как следует поговорить с пленным.

«Вот и он!» — облегчённо вздохнул Вова, увидев в дверях знакомую фигуру.

— Как тебя зовут? — подойдя, прошептал пленный.

— Вова. Вова Горлов.

— Как попал в Германию, сынок?

— Пригнали.

Пленный вздрогнул, как будто его ударили, взвалил флягу и отошёл. Вова успел обдумать свой вопрос и, когда пленный вернулся, прошептал торопливо:

— Вас много тут?

— С каждым днём всё меньше становится... Умирают люди...

— Жить плохо?

— Не сладко... Кое-кто от голода на ногах не стоит.

— А у меня с собой ничего нет... — пожалел Вова и тут же торопливо добавил: — Привезу следующий раз.

— Не найдется ли у тебя покурить?

— Я не курю, — растерялся Вова. Ему было так досадно, что он сейчас, сию минуту, ничем не может помочь товарищу.

Вышла Эльза Карловна. Пленный понёс предпоследнюю флягу, а Вова с непринуждённым видом подгрёбал в телеге солому. Ему хотелось сказать ещё хоть два слова, хоть взглядом перекинуться с этим человеком. К счастью, Эльза Карловна пошла в дом, где стрекотали пишущие машинки, и у Вовы появилась надежда узнать фамилию пленного.

— Вас как звать? — спросил Вова, когда пленный вернулся за последней флягой.

— Кузьма Павлов.

В это время часовой заорал, очевидно, услышав их разговор. Павлов чуть заметно кивнул Вова, дескать, держись, не робей, малыш...

«Да! — Вова вздохнул. — Им, наверное, приходится тяжелее, чем нам. Какой у них вид! Они еле ноги волочат».

Чтобы не выдать намернувшихся на глаза слёз, Вова наклонился, как бы сметая с телеги мусор, и украдкой поискал тоскливым взглядом своего нового знакомого. Вова думал, что он ещё раз поговорит с Павловым, но тот вышел из склада и затерялся среди пленных за изгородью.

В имение Вова возвращался с тяжёлым чувством. Он всё время думал о пленных и повторял про себя слова Павлова: «С каждым днём все меньше становится. Умирают люди». На этот раз дорога казалась ему невыносимо длинной. Так хотелось скорее увидеть ребят, рассказать обо всём, решить, как помочь пленным, где достать табаку, хлеба.

«Значит, мы не одни в фашистской Германии! — думал мальчик. — Скорее, скорее бы пришла сюда Красная Армия! Скорее бы победа!»

Тайный сбор

Возвратившись из поездки, Вова ещё больше почувствовал необходимость провести сегодня же тайный пионерский сбор. Теперь ему казалось легче начать разговор с товарищами. Пионеры всегда и везде пионеры. Только вот с чего начать? Вова пока не знал, что они смогут сделать, но не сомневался в том, что его товарищи найдут способ помочь пленным, что они пойдут для этого на любой риск.

Он сразу побежал к ребятам.

— Я привёз такие новости, такие... ух, какие! — шёпотом, выпалил он, берясь за лопату.

— Рассказывай!

— Очень интересные, Костя. Очень важные.

— Ну, говори скорей!

— Нет, здесь нельзя. Вот вечером соберёмся на голубятне, и всё подробно расскажу, — серьёзно сказал Вова.

Мальчики переглянулись. По лицу Вовы было видно: случилось что-то важное.

— Что ты, Вовка, затеваешь? — спросил Костя.

— А ты что, уже забеспокоился? — съязвил Жора, у которого от одной мысли о рискованном предприятии загорелись глаза.

— Дурак ты! — задетый за живое, огрызнулся Костя.

Ночь выдалась тихая, тёмная. Только прожекторы изредка шарили по небу, затянутому густыми тучами. В такие ночи, как правило, ребята тайком выходили в сад и долго наблюдали, как ярко-желтоватые полосы прожекторных лучей то разрезали небо, то быстро двигались по нему, нащупывая советские самолёты, иногда появлявшиеся в немецком небе. В такие тревожные ночи Эльза Карловна и Лунатик не вылезали из подвала, и это было настоящим счастьем для ребят. Они могли спокойно сидеть где-нибудь и свободно разговаривать. Каждому хотелось увидеть краснозвёздные советские самолёты, чтобы убедиться, что это действительно русские лётчики так далеко залетают в глубь Германии. Однако сегодня мальчики остались на голубятне. Вечером они собрались поздно, нарочно работали дружнее и дольше обычного, чтобы успокоить Эльзу Карловну и Лунатика и не вызвать у них подозрений.

Ребята завесили окно и сели по своим местам, поджидая Шуру.

— Ну, а если Лунатик всё-таки появится, куда мы Шуру спрячем? — спросил Костя.

— Найдём, куда, — успокоил его Вова. — Закроем ворота изнутри. Если Лунатик постучит, выведем Шуру в коровник. Когда он поднимется к нам, она шмыгнет за ворота — и порядок!

Шура вошла несмело. С непривычки она чувствовала себя неловко в комнате ребят. Они условились с Люсей, что сказать, если в её отсутствие к девочкам придёт кто-нибудь из хозяев, но всё-таки было страшновато. Она присела в уголок у левой стены. У двери, держась за скобку, дежурил Жора. У правой стены сидели Костя с Юрой. Вова вышел на середину комнаты. Он очень волновался и часто повторял одни и те же слова.

— Ребята! Мы все здесь советские школьники. Мы все пионеры. Теперь мы знаем друг друга: вместе живём, вместе работаем и горе вместе терпим. Только жить так, как мы, нельзя. Нельзя сидеть и ждать смерти... Я видел сегодня наших советских людей, красноармейцев наших видел. Понятно? — вдруг спросил Вова и замолчал, не в силах продолжать дальше: так ярко встали перед его взором согнутые худые фигуры пленных с землистыми лицами.

Ребята сразу подняли головы и, затаив дыхание, глядели на Вову. Жора вскочил с места. Шура радостно заулыбалась, и от её улыбки Вова почему-то стало спокойнее.

— Пленных русских я видел. Они живут на строительстве, куда я возил молоко. Живут и работают там. Я познакомился с одним. Его фамилия Павлов. Он сказал, что пленные голодают, жить плохо, хуже, чем нам... Он просил у меня табаку, но только поговорить нам много не пришлось: кругом охрана...

Ребята слушали Вову, не шевелясь, стараясь не пропустить ни одного слова, забыв обо всём на свете.

— Красная Армия придёт сюда! — возбуждённо говорил Вова. — Правительство не допустит, чтобы мы погибли здесь. Сами видите, что наши самолёты появляются здесь. Раз самолёты наши здесь бывают, будут и войска. Но мы должны помогать друг другу. И ещё надо помочь пленным: табаку достать, хлеба, а может, ещё чего-нибудь, что удастся.

— Да, да, помочь! Чего бы это нам ни стоило! — воскликнул Жора. — Давайте все подумаем, как это сделать.

— Вспомним, как Павка Корчагин матросу Жухраю помогал! — добавила Шура.

Вова хотел ещё что-то сказать, но, разволновавшись, долго не мог подобрать слов. Умолк, а потом вдруг громко и решительно произнёс слова торжественного обещания:

— Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо и неуклонно стоять за победу коммунизма...

— ...стоять за победу коммунизма... — одновременно с ним тихо и медленно произносили все.

Оглянувшись на товарищей, Вова увидел их решительные, смелые и просветлённые лица.

Слова торжественного обещания объединили друзей, всколыхнули их. Каждому захотелось поскорее, сейчас же, сделать что-нибудь большое, хорошее, нужное.

— Кто хочет сказать? — спросил Вова и сел. Он только теперь заметил, что говорил стоя.

Несколько минут все молчали: слишком неожиданной была новость и слишком большие чувства проснулись в каждом.

— Я так думаю, — после долгого молчания начал Жора. — Табаку я достану немножко. Письмо пусть напишет Вова и как-нибудь передаст его незаметно Павлову. И хлеба достанем — отруби. Пусть Люся и Шура испекут что-нибудь, если можно. Они умеют. Гороху я найду немножко... и фасоль я видел на складе... Моё такое последнее слово: Павка Корчагин не боялся врагов и был смелым, мы тоже не будем бояться, будем учиться у него. У девочек книжка есть «Как закалялась сталь» — предлагаю всем перечитать её. Вот как я думаю.

Ребята разговорились. Говорили и о пленных и о себе.

— Жить невозможно, — жаловалась Шура. — Эльза Карловна бьёт нас, особенно Аню. Вчера Аня всю ночь проплакала. С ней вообще что-то нехорошее делается. Она иногда за весь день слова не скажет. Работаем до упаду, а ведьма всё недовольна. Коровы молока дали мало — бьёт. Плохо прибрались в доме, печки плохо натопили — бьёт. Позавчера мышь в молоко попала. Эльза Карловна зачерпнула её поварёшкой, выбросила, а молоко заставила слить в большую флягу, которую потом Вова отвёз. А Люсе попало — почему недоглядела.

— Вот это да! Своих, гадючка, молоком с мышами кормит! — удивился Жора.

— Я ещё не знаю, чем мы можем помочь пленным, — продолжала Шура. — Но я за всех девочек говорю: мы согласны... Люся ничего не боится. Я тоже. А что здесь, в Германии, есть советские люди, военнопленные, — от этого нам легче терпеть... Всё-таки мы не одни тут ждём Красную Армию.

— Что касается меня, — сказал Юра, — я готов на всё. Я буду делать всё, что потребуется. Прав Вова: что-нибудь да сделаем. Мы не свободные, нам тяжело, но мы должны помочь пленным: им ещё тяжелее.

Поручили Вове наладить связь с пленными. Но оставалось ещё много нерешенного, неясного. Юра и Костя уснули. А Жора и Вова долго ещё шептались.

Было решено немедленно начать читку книги «Как закалялась сталь». Её в эту же ночь Вова и Жора разделили на десять частей. Получилось десять маленьких книжечек. На каждой поставили порядковый номер и распределили книжки, так: Вова читает вторую, Жора — первую. После того как они прочтут, первая переходит к Косте, вторая — к Жоре, третья — к Вове, а от Кости — к Шуре. Таким образом, через день-два начнут читать все. Читать же

коллективно не решились: это опасно.

Придумал такой порядок Вова. Он же составил правило и написал его на каждой обложке из синей обёрточной бумаги крупным, красивым почерком.

«Книжка обязательно свёртывается вчетверо. Читать только тогда, когда считаешь себя в полной безопасности. Прочтёшь — передай следующему. Будь осторожен! Береги книжку! Читай внимательно! Учись у Павки Корчагина бороться с врагами!»

Жора уснул, а Вова всё ещё никак не мог успокоиться.

Через два дня ему снова предстояла поездка на строительство. Надо написать письмо... Жора достанет табак, Костя обещал раздобыть какую-нибудь еду. Но как передать всё это Павлову?

Ночь близилась к рассвету. Вова не утерпел, тихонько поднялся с дивана и подошёл к окну. Луна тускло просвечивала сквозь поредевшие облака, и свет от неё был слабый. Конечно, можно было бы тихонько включить электролампочку, но Вова не решился. Лунатик мог вылезти из бомбоубежища, так как обычно к рассвету утихал гул самолётов. Вова достал клочок белой бумаги и, склонившись над подоконником, стал медленно выводить карандашом:

«Дорогой товарищ Павлов!

Мы — советские ребята, пионеры. Нас семь человек. Мы были в трудовом детском лагере, потом нас продали помещице. У неё мы работаем, как рабы. Очень хотим знать, как вы живёте, что думаете о Красной Армии. Когда она придёт в Германию? У нас был свой секретный сбор, и мы решили чем-нибудь помочь вам. Только не знаем, как ухитриться делать вам передачи и держать связь с вами. И ещё мы хотим знать, как бы стать для вас полезными. Напишите обо всём, посоветуйте, как нам быть и что делать. Мы можем достать немного гороху, отрубей и табаку...»

В конце Вова вывел крупными буквами: «Юные сталинцы». Ни числа, ни подписей он умышленно не поставил.

Ночной разговор

Девочки с утра до позднего вечера возились по хозяйству: доили коров, топили печи, перегоняли молоко на сепараторе, убирали дом, варили похлёбку для свиней. Особенно тяжело бывало в те дни, когда Эльза Карловна оставалась дома. Она успевала сунуть нос всюду: то ввалится на кухню, то неожиданно появится в коровнике, то идёт проверять работу мальчиков. На весь двор раздавался её громкий, властный голос. Эльза Карловна всегда бывала чем-нибудь недовольна, и на девочек сыпались пощёчины и зуботычины.

Чаще всех доставалось нерасторопной Ане. Она действительно была совершенно неорганизованная, несобранная. Шура и Люся жалели её, пытались помочь, подбадривали, но это мало помогало. Аня целыми днями то молчала, то плакала, то вдруг забивалась куда-нибудь и сидела, пока её не разыщут подружки.

Когда Шура рассказала подружкам о пленных, Аня оживилась. Глаза у неё разгорелись, на щеках появился румянец. Она то и дело переспрашивала Шуру:

— Значит, мы не одни.

— Конечно, не одни.

— И Красная Армия придёт в Германию? За нами придёт?

— Наверное, придёт. Даже обязательно!

— Неужели придёт? А я думала, мы уже больше никогда отсюда не вырвемся. Ах, если бы скорее! Мне кажется, я не дождусь...

Впервые за последние дни Аня так много говорила. Во во время обеда даже мальчики заметили, что она веселее обычного, а, когда Жора шутил, Аня смеялась вместе с другими.

Под вечер, когда усталые девочки перебирали грязный холодный картофель (хороший — для продажи, испорченный — для скота), Аня неожиданно предложила:

— Давайте, девочки, хорошую картошку сыпать в кормовую.

— Зачем? — спросила Шура.

— Наберём несколько вёдер хорошей картошки и насыплем отдельно в уголок, рядом с плохой. А потом для ребят и себя будем варить не гнилую, а эту, хорошую.

— Давайте! — поддержала её Люся. — Довольно нам есть гнильё вместе со свиньями!

Правильно! — согласилась Шура и одобрительно посмотрела на Аню.

Но и на этот раз на Аню свалилось несчастье. Едва успела она вынести в сарай ведро хорошей картошки и высыпать её в ларь, как появилась хозяйка. Заглянув в ларь, Эльза Карловна достала огромную свежую картофелину, внимательно осмотрела её, ковырнула пальцем и разразилась бранью.

Аня стояла ни жива, ни мертва. Немка больно ударила картофелиной по лицу оторопевшую девочку и завопила ещё яростней. Шура и Люся тревожно прислушивались.

— Бедная, бедная Аня! — шептали девочки.

— Теперь она её изобьёт, — проговорила Шура. — Да и нас заодно.

Так и вышло.

Эльза Карловна подошла сперва к Ане, схватила её за рукав и вытолкнула за дверь. Потом спокойно размахнулась и ударила по щеке Шуру. Люся в ожидании своей очереди зажмурила глаза, но, к удивлению, удара не последовало. Нагнувшись над большим ящиком с хорошей картошкой, Эльза Карловна начала разгребать её руками, потом схватила деревянную лопатку и принялась ворошить картофель сверху донизу.

Шура локтем подтолкнула Люсю и, присев на корточки, проворно начала перебирать картофель. Люся последовала её примеру. Мучительно долгими казались эти минуты ожидания: будет ещё или не будет бить их Эльза Карловна. Иногда Эльза Карловна постепенно утихала, убедившись, что её рабыни работают не так уж плохо. И на этот раз она утихла, увидев, что хороший картофель отобран добросовестно.

Неизвестно, поняла ли Эльза Карловна, почему Аня высыпала хорошую картошку в гнилую, или сочла это её ошибкой. Уходя, она сказала:

— Плех рапотать! Швайн! Вся нош собирайт картофель!

Остаток вечера Аня оставалась подавленной. Глаза, красные от слёз, одна щека распухла, голубенькая косынка сползла с головы, и от этого её лицо, совсем ещё детское, казалось мучительно усталым и грустным.

— Она сильно била тебя? — участливо спросила Люся.

— Сильно.

— Больно? Очень больно?

— Больно, — односложно ответила Аня.

— Крепись, Анечка, крепись, родная! Мы всё ей припомним, за всё отплатим. Отольются ей наши слёзы! — успокаивала её Люся.

— Мне тоже попало, — как бы подбадривая Аню, сказала Шура.

Но Аня не ответила.

Почти всю ночь работала она безмолвно, склонится над ларём, чтобы перебирать картофель, уставится глазами в одну точку и смотрит-смотрит, точно вот сейчас сойдёт с ума. За ночь ни единым словом не обмолвилась с подругами и, только когда все они вернулись в свою каморку, Аня повалилась на постель и сквозь слёзы крикнула:

— Если бы я знала, что нам ещё долго придётся терпеть такое, я бы не стала жить!

— Что ты, Аня! Что ты! — испугалась Люся.

— Мы должны дождаться наших, — убеждала её Шура.

На обеих девочек слова Ани производили тяжёлое впечатление. В самом деле, если в этих страшных условиях они упадут духом, потеряют надежду, что тогда? А ведь теперь у них и долг есть: пленные ждут их помощи.

Аня вскинула голову, хотела что-то сказать, лицо ее снова приняло прежнее тоскливое выражение, взгляд потускнел, и, уткнувшись в подушку, она зарыдала.

— Пусть выплачется, легче будет, — шепнула Люся.

Шура только головой покачала и тяжело вздохнула.

Девочки улеглись. Люся ворочалась с боку на бок, вставала и опять ложилась, будто постель сегодня особенно была неудобной, хотя она, как всегда, состояла из тонкого соломенного коврика и собственных вещей: белья, верхнего платья и каких-то лохмотьев. Люся волновалась. Она хотела успокоить Аню, поговорить с ней, но не могла придумать, с чего начать.

Шура лежала на спине с открытыми глазами и смотрела в окошко. Бледно-жёлтые пятна лунного света пробивались через грязное стекло. Ветер завывал, деревья шумели, и от этого унылого шума на душе становилось тоскливо и одиноко.

Аня тоже не спала. Она лежала неподвижно, часто и тяжело вздыхала. Ей захотелось вот сейчас, когда они вместе, высказать всё, о чём она думает. Ведь девочкам так редко удаётся поговорить. Днём нет времени. Каждая работает отдельно. Если Шура доит коров, то Аня носит уголь, а Люся варит для скота картофель или свёклу. И так всё время. Очень редко им приходится работать вместе. Эльза Карловна нарочно так их распределяет. Она боится, что вместе они будут больше говорить и меньше делать. Она вообще бы хотела, чтобы девочки не умели разговаривать, только быстро, без остановок работали.

— Девочки, вы спите? — спросила вдруг Аня.

— Я нет, — ответила Шура.

— И я не сплю — не могу, — отозвалась Люся.

— Мне так хочется поговорить сегодня! — со вздохом произнесла Аня. — И знаете, о чём?

— О чём, Аня?

— Вот я лежу и думаю: раньше там, дома, я как-то не представляла себе, что такое Родина, свобода, счастье. А здесь, в фашистской Германии, я так хорошо... так хорошо поняла это... А как жить было отраднo, приятно! Теперь вспоминаю и не верю, что мы жили так, будто в сказке. Вот! Если бы я узнала, что не увижу больше Родины, своих родных, школы, я бы сначала расправилась с Эльзой Карловной, а потом пусть делают со мной, что хотят. — Аня немного помолчала и добавила: — Хотите, я вам всё, всё про себя расскажу? Нет, наверно, это неинтересно...

Приближался рассвет, и девочкам хотелось поспать хоть немного перед долгим рабочим днём, но настроение Ани было таким необычным, что ни Шура, ни Люся не могли и не хотели противиться её желанию.

— Что ты, рассказывай, рассказывай! — сейчас же откликнулась Люся.

Присев на краешек Аниной постели, она подобрала под себя ноги, сжалась в комочек, обняла колени руками и приготовилась слушать.

— Не знаю я, как начать. У меня бабушка была совсем старая — до девяноста лет дожила, даже крепостное право помнила. Любила я её сказки слушать. Уж все их знала, а всё равно, бывало, к бабушке пристаю: «Новенькую расскажи». Она только руками разводит: «Где я тебе их возьму?» Потом видит, я вот-вот разревусь — я ещё малюсенькая была, — посадит меня на колени, глаза сощурит и начнёт: «Жила-была девочка курносенькая, совсем простая девочка Анечка, как былинка на солнышке росла, горя не знала, в счастливую пору родилась...» Тут я вырываюсь от бабушки, прыгаю — знаю уже, что про меня сказка... Ну, вот, сбилась совсем и попусту вам спать не даю, — вздохнула Аня.

— Нет, нет, ты хорошо рассказываешь, — с трудом раскрывая сонные глаза, подбодрила её Шура.

— Мамочка моя милая! Никто и не поймёт, как я её люблю! Не могу я без неё! — Аня закрыла глаза. — Мама моя учительницей была в нашей деревне, а папа — агроном. Он, когда совсем молодой был, в гражданской войне участвовал — я на карточке видела — и орден получил. Учился он после войны в Москве. Оттуда прямо к нашу деревню приехал, стал у бабушки жить, на маме женился. Мы очень хорошо жили. Братик у меня был Вася, старший, он уже в школу

ходил. И учился хорошо. Физкультурой занимался. Я тоже в школу уже ходила, когда беда случилась. Вася на каких-то состязаниях хотел выступить по плаванию. Всё на речку тренироваться ходил. И утонул. Что с мамой было!. Постарела сразу, осунулась. Бывало прижмёт меня и шепчет: «Ты теперь только одна моя радость осталась, для тебя только живу на свете...»

Бабушка сразу слегла и больше уже не вставала. И её похоронили вскоре. Отец, когда вернулся и узнал про Васю, в себя долго прийти не мог, а потом всё маму успокаивал, бодрился.

Я уже выросла, в школу ходила, а мама всё не спускала с меня глаз, сама гулять водила, с девочками, бывало, пробежаться не даст. Папа говорил: «Нехорошо это. Девчонка дичком растёт, застенчивая, беспомощная». Мама только отмахивалась: мол, сына не уберегла, так дочку буду беречь.

Я от ребят совсем отвыкла. Правда, мне с мамой было хорошо. Она мне покупала много книжек. С ними я и дружила, и плакала над ними, и переживала. Я и взрослые книжки читала и газеты. Когда Чкалов через полюс летел, я всю ночь не спала, думала: ведь бывают такие смелые люди! И про себя решила: вот вырасту, мама успокоится, и тогда стану я храброй комсомолкой, как девчата из книги Островского.

В ту осень я ангиной хворала, капризничала. Чуть в горле запершит — матери по целым ночам спать не даю. Папа сердится: «Экая ты нетерпеливая! Какая же из тебя комсомолка выйдет? Я б на твоём месте давно уже бегал». Я, бывало, губы надую — и в слёзы. Мама за меня заступается: «Оставь её, она слабенькая».

Папа тоже добрый был, но с мамой из-за меня часто спорил. «Что, — говорит, — ты барышню кисейную растишь? В книжках она хорошо понимает, где героизм настоящее, а сама и постоять за себя не может и товарищам помогать не привыкла. Попадёт она в переплёт — беда будет, если никто её не заслонит».

Я тогда решила, не любит он меня. Даже не попрощалась, когда он на уборочную уехал. Потом сама жалела... Ждала его, так ждала!.. А он в районе задержался и всё не ехал, до самой зимы. Я даже заболела от этого — всё мне казалось, я его больше не увижу... Ну, я лучше не подряд буду рассказывать, побыстрее.

Незадолго до войны отца перевели работать в Орёл, и мама там устроилась. К новой школе я ещё не привыкла. У нас в деревне хоть иногда соседка к нам придёт, а здесь я была только с мамой да с книжками...

Аня еле перевела дух и открыла глаза, как бы проверяя, слушают ли её подруги. Шура участливо, даже с жалостью смотрела на неё. Люся сидела всё в той же позе, не шелохнувшись.

— Потом война, — продолжала Аня. — Папа в первый же день ушёл на фронт. Мы только одно письмо получили из госпиталя, из Москвы. Мама хотела поехать, но не решалась меня оставить и взять с собой боялась... А тут фашисты пришли... Что ж теперь делать? — помолчав, всхлинула Аня. — Девочки мои милые, не могу я больше терпеть...

Шура решительно придвинулась к Ане:

— Плакать больше нельзя, понимаешь? Только сердце себе надрываешь. Сама знаешь, жалости от этой ведьмы не дождешься. Вот теперь и пришло время поступать так, как поступали те, про кого ты в книгах и газетах читала. Держаться крепко, пока наши придут!

— Они ведь обязательно придут. Ты должна верить, как мы! — подхватила Люся. Как хотелось ей передать подруге хоть частицу своей и Шуриной решимости!

— Горько мне, девочки! — не унималась Аня.

— Перестань ты воображать, что тебе горше, чем другим! — жёстко сказала Шура. — На Родине никто из нас горя не знал и к лишениям не привыкал. Здесь всем нам тяжело, только нос вешать не годится. Как это можно надежду терять, в товарищей не верить! Да разве нас оставят? А я по глазам твоим вижу — не веришь. Ты должна переделать себя, должна!

Шура запнулась: «Что бы ещё сказать Ане, чтобы силы ей прибавить?»

Аня лежала с широко раскрытыми глазами, окаменевшая, безучастная.

Шура вздохнула и отошла в свой угол.

— Давайте, девочки, хоть чуток поспим, и так уж скоро на работу, — сказала она устало.

Все затихли. Аня будто успокоилась, но не спала. Шура заснула, и только Люся ещё ворочалась, думая об Ане. После этого разговора Люся, пожалуй, больше, чем когда-нибудь, тревожилась за Аню.

Верим в победу

Мальчикам долго не удавалось наладить связь с военнопленными. То, как назло, совершенно невозможно было словом перебраться, потому что немецкий автоматчик не отходил от телеги, то, вместо Вовы, ездил Костя, не знавший Павлова. Так прошло немало времени, и наступила зима. Наконец Вове всё-таки удалось увидеть Павлова, и он незаметно подал ему письмо.

Вечером ребята собирались вместе, много говорили, спорили, ожидая ответа от пленных — Жора упорно делал своё дело. Он уже набрал порядочно табаку. И хотя это обошлось ему дорого, он не унывал.

История с табаком надолго запомнилась Жоре. Юра и Жора белили известью чердак. Жора увидел там ящик с жёлтыми спрессованными листьями табака. В тот же вечер он смастерил мешок из рукава старой рубашки и отправился на добычу. Взять сразу целую пачку он не решился: Лунатик мог догадаться. Жора решил брать табак постепенно, по несколько листьев из каждой пачки, и таким образом наполнить мешочек.

По ночам Жора забирался на чердак. Надёргав листьев, совал их за пазуху и тихонько уносил к себе.

Однажды Жора решил попробовать набрать листьев и днём, полагая, что старик спит.

Забравшись на чердак, он присел к ящику и стал осторожно отдирать листья от пачек. Сзади, словно лиса, бесшумно подкрался Лунатик и так хватил Жору по голове кованым сапогом, что у того искры из глаз посыпались.

— Он бил меня молча, — рассказывал Жора. — Сначала оглушил сапогом, а потом схватил за уши. У меня из носа кровь пошла, я вырвался — и бежать. Прибежал на голубятню, а сам думаю: «Сейчас притащится сюда добивать меня». Сунул табак под диван и сижу, жду. А он,

изверг, не идёт, да и только! Хоть сам беги к нему да спину подставляй...

За обедом Люся спросила Жору, почему у него синяк на лбу. Жора рассказал всё девочкам. Люся ругала Лунатика. Аня спросила:

— Ну, а утром Лунатик бил тебя?

— Нет, — ответил Жора.

— Ты напрасно поступаешь так неосторожно. Окажись на месте Лунатика Эльза Карловна, ты бы так легко не отделался, — сказала Шура.

Все сочувственно отнеслись к Жоре, и только Вова с упрёком сказал:

— Будь осторожен: себя подведёшь, и нам плохо будет.

Подымаясь из-за стола, он добавил:

— На строительство еду.

Ребята переглянулись. Все они ждали ответа Павлова с нетерпением и надеждой, словно не они пленным, а пленные им готовились помочь.

Вернулся Вова рано. Ещё по дороге он прочитал ответ Павлова.

«Вы ребята, молодцы, что остаётесь настоящими советскими людьми, пионерами, не падаете духом, Красная Армия. победит и обязательно освободит всех», — писал Павлов. Он сообщал, что фашисты кричат на весь мир, будто гитлеровская армия уже у стен Москвы, но только он, Павлов, и большинство пленных не верят фашистской брехне: «Мы уверены, что Москву гитлеровцам наш народ и армия не сдадут».

Павлов благодарил ребят за готовность помочь им. Он хорошо знал, что хлеба ребятам достать будет очень трудно, и поэтому про хлеб ничего не писал, а просил, если можно, достать ещё табаку. Он писал, что им нужны большие ножницы, садовые или портновские, и советовал быть очень осторожными. Зачем Павлову ножницы, Вова никак не мог понять, но решил попросить Люсю посмотреть, не попадутся ли ей такие ножницы в хозяйском доме.

Вова шепнул поджидавшему Жоре о том, что привёз письмо от Павлова. Жора сказал об этом другим. Он с трудом скрывал своё нетерпение. Ему хотелось лично прочитать ответ. Костя ходил встревоженный, боясь, как бы кто-нибудь от радости не проболтался.

Аня растерялась, узнав от Шуры эту новость. Она не могла представить себе, что пленные, которых держат за колючей проволокой, расстреливают и морят голодом, которых повсюду сопровождает охрана, смогли написать и передать письмо.

Читать письмо всем сразу Вова не решался.

«Письмо прочтите и обязательно уничтожьте», — предупредил Павлов.

И всё же Вова сделал так, что ещё до ужина все успели познакомиться с содержанием письма. Аня читала копию письма вместе с Люсей. Она трижды перечитывала то место, где говорилось, что фашисты у стен Москвы, и сразу приуныла.

Аня растерялась, узнав от Шуры эту новость. Она не могла представить себе, что пленные, которых держат за колючей проволокой, расстреливают и морят голодом, которых повсюду сопровождает охрана, смогли написать и передать письмо.

Читать письмо всем сразу Вова не решался.

«Письмо прочтите и обязательно уничтожьте», — предупредил Павлов.

И всё же Вова сделал так, что ещё до ужина все успели познакомиться с содержанием письма. Аня читала копию письма вместе с Люсей. Она трижды перечитывала то место, где говорилось, что фашисты у стен Москвы, и сразу приуныла.

— Значит, немцы под Москвой? — с тревогой спрашивала она Люсю.

— Под Москвой или нет — это никто не знает, но наши старшие товарищи говорят, что фашисты врут. Москвы им не видать, и в Москву им не войти никогда!

— А, если возьмут Москву, тогда что, всё пропало?

— Да не возьмут они Москву! Не возьмут! Понимаешь, Аня, не возьмут! — чуть ли не кричала Люся, успокаивая подругу.

— Москва... Москва... — твердила Аня.

За ужином у ребят было приподнятое настроение: всё-таки добились своего, наладили связь! Только Аня сидела в стороне, притихшая и унылая.

— Что с ней? — спросил Вова у Люси.

— Плохо, Вова. Наверное, нездорова. Она всё что-то шепчет, ходит как потерянная, а станешь спрашивать — молчит.

— И когда с вами — тоже молчит?

— Молчит.

— Совсем?

— Нет, иногда скажет одно-два слова, а часто просто не ответит ничего, заплачет, будто мы её обидели.

Перед сном Вова заговорил с товарищами об Ане. Ребята заспорили.

— Мы должны как-то помочь ей, — сказал Юра.

— А я вот боюсь, что она всех нас может подвести, — горячился Костя.

— Аня — просто несчастная, слабенькая девочка, вот что я скажу! — решительно заявил Жора. — Надо быть к ней внимательнее, чаще разговаривать по душам, и тогда всё будет в порядке...

Вова раздумывал над словами Кости. Ему представилось грустное, растерянное лицо Ани. «Нет, — решил он, — Аня хорошая. Ей трудно, но она ни за что никого не выдаст».

Мальчики, забывшись, заговорили слишком громко, и никто не заметил, как поднялся по лестнице Лунатик. Сопя трубкой, он вошёл в комнату, пробурчал что-то сердито, погасил свет и вышел вон. Ребята замерли.

— Вот это да! Так и засыпаться можно, — вымолвил, наконец, Жора. — Нет, вы смотрите, появляется, как тень, вот это Лунатик.

На утро в имении Эйзен царило необычное оживление. Днём к Эльзе Карловне приходили молодые и пожилые немки. Они приторно улыбались, целовались и радостно поздравляли друг друга. Эльза Карловна за весь день ни разу не вышла во двор, и ребята поняли, что произошло что-то очень важное.

— У Эльзы какой-то праздник, — сказал Вова, когда ребята собрались на обед.

— Наверное, дочка именинница, — предположил Юра. — Да я сам видел: какая-то немка целовала её и поздравляла. Девчонка сегодня нарядная: бант голубой в волосах, новое платье, туфельки лакированные — и на пианино с утра играет.

— Как заяц на гитаре! — хихикнул Жора. — Обо всем этом у Кости надо спросить. Может быть, он от своей приятельницы узнал, какой там праздник.

Костю однажды заставили чинить велосипед для дочери Эльзы Карловны, и с тех пор Жора не давал ему прохода.

— Костя, как хоть её зовут? — спросил вдруг Юра.

— Гильда. Ты что, не знаешь?

— Вот-вот у этой Гильзы узнал бы, да и нам сказал! — озорничал Жора.

— Ты... ты меня Гильдой не попрекай! Понял? — Костя сорвался с места и убежал.

— Я слышала, — с дрожью в голосе заговорила Аня, — в доме часто упоминали Москву.

Словам Ани никто не придавал серьёзного значения.

Вечером, когда голодные, продрогшие от холода и уставшие ребята сели за стол, раздался необычайно весёлый голос Эльзы Карловны. Она вызывала Люсю.

— Даже поесть не даст! — проворчал Вова.

— Опять бедняга, голодная, будет подавать на стол всякие вкусные блюда. Ох, как это тяжело, если бы вы знали ребята! — сказала Шура. — Знаете, ведьме этой доставляет удовольствие, когда мы, голодные, прислуживаем ей.

Ребята решили подождать Люсю. Она в это время из кухни понесла к столу хозяйки огромное блюдо с жареным гусем. Гостей было немного, все они сытые, самодовольные, с кольцами на пухлых руках. Не успела Люся приблизиться к столу, чтобы поставить блюдо, как Эльза Карловна, глядя ей прямо в глаза, крикнула:

— Москау фюит, капут! — и захохотала, откинувшись на спинку стула.

Вместе с Эльзой Карловной истерически захохотали гости. Люся остолбенела. Эльза Карловна, наслаждаясь её испугом, повторяла:

— Германская армада в Москау, капут Москау!..

Огромное блюдо с жареным гусем грохнулось на паркетный пол и разлетелось вдребезги. Перед Люсей, как в тумане, расплылось перекошенное пьяное лицо Эльзы Карловны. Оно ширилось и надвигалось прямо на девочку. Больше Люся ничего не помнила. Очнувшись, она увидела, что лежит на полу. Эльза Карловна и гости смотрят на неё, продолжая хохотать. Потом над самым Люсиным ухом раздался гневный бас хозяйки:

— Вон, подлюк!..

Шатаясь, Люся еле доплелась до каморки, где ждали её товарищи, и беспомощно опустилась на табуретку со словами:

— Немцы взяли Москву.

Точно громом поразило ребят это известие. Несколько мгновений все молчали. Жора поднялся, с силой хватил алюминиевой ложкой по столу и надсадно закричал:

— Врут! Москва — советская! Врут фашистские собаки!

Аня молча выбежала во двор. Шура со слезами обняла Люсю. Костя уткнулся лицом в стол.

Через некоторое время в дверях появился Жора с кружкой воды. Обессиленную Люсю уложили в постель. Шура положила ей на лоб мокрую тряпку. Вова хлопотал вместе с друзьями и, стараясь быть спокойным, говорил:

— Нельзя так, друзья, нельзя! Обождите, проверить надо. Тут что-то не то...

Когда все немного успокоились, заметили отсутствие Ани. Мальчики побежали во двор, заглянули во все закоулки, где только можно было укрыться, но Ани нигде не было. Пробовали звать её, но только далёкое, неясное эхо откликалось в тихой ночи.

Решив, что Аня где-нибудь притаилась и не хочет ни с кем разговаривать, ребята ушли спать. Но никто из них в эту ночь не сомкнул глаз. Каждый из них связывал свою судьбу с Москвой. В Москве родное Советское правительство. И пока живёт Москва, живёт и работает товарищ Сталин в Кремле, существует Советское правительство, — фашисты не победят ни нашу армию, ни наш народ. Так думали Вова и его друзья. С Москвой у них было связано всё: их надежда, их жизнь, их возвращение на Родину. Они верили в это и всё-таки тревожились за Москву.

Смерть Ани

Вова знал, что завтра ему предстоит поездка на строительство, и потому решил сейчас же написать письмо Павлову. Письмо получилось несвязное и длинное. Под впечатлением только что пережитого Вова спрашивал, правда ли, что немцы взяли Москву, что известно об этом Павлову? Кроме того, он писал, что, к сожалению, передать в этот раз табак и ножницы они не смогут. Закончил Вова письмо длинным описанием случившегося с Люсей и другими его товарищами. Только теперь, описывая Павлову злые вести Эльзы Карловны о Москве, Вова почувствовал, что, если бы действительно случилось такое несчастье, они погибли бы. Но внутренне он всё же верил, что фашисты лгут. Так думает он, так думает его лучший друг Жора, так думают все, кроме, пожалуй, Ани.

Написав письмо, Вова прилёг, но сон не приходил до утра.

Юра, задремав перед рассветом, кричал во сне, несколько раз вскакивая, растерянно озирался и снова ложился. Костя ворочался и вздыхал.

Рано утром, когда лошадь была запряжена, Вова перед отъездом заглянул к девочкам и, узнав, что Ани всё ещё нет, побежал к Эльзе Карловне. Хозяйка была в ярости. Она решила, что «негодная девчонка» сбежала.

Начинался обычный рабочий день. Юра и Костя не придали исчезновению Ани особого значения. Они были уверены, что она поплачет где-нибудь в укромном уголке и вернётся к подругам. Куда же ей деваться! Но Жора, узнав, что Аня ночью не вернулась, насторожился.

Часам к двенадцати в усадьбу прибыли два немца: один в форме гестаповца, другой в штатском — переводчик. Начались поиски. Искали всюду, даже в стогах соломы гестаповец шарил железными вилами. После безрезультатных поисков начался допрос. Первой вызвали Люсю. Её трясло, как в лихорадке. Эльза Карловна успела рассказать, как вчера Люся разбила дорогое блюдо в присутствии гостей, собравшихся по случаю «славной победы» немецкой армии. Гестаповец спросил у Люси, куда убежала её подруга и с какими намерениями.

— Я ничего не знаю, — решительно ответила Люся.

За такой ответ последовал удар по голове резиновой дубинкой, от которого Люся грохнулась на пол. Гестаповец оттащил её на порог, но не позволил унести в каморку.

Шура на допросе держалась свободно, с достоинством. Она без страха отвечала на все вопросы, как думала, и об Ане говорила правду: она несчастная девочка, слабая, и печальная весть о Москве могла толкнуть её на любую неожиданность.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в комнату во время допроса не ворвался Жора.

Пока допрашивали девочек, у него мелькнула мысль поискать Аню на чердаке. Это было единственное место, где ребята не побывали вчера ночью. Заглянув на чердак, Жора в ужасе отшатнулся.

На перекладине, подпиравшей крышу, на белом жгуте, скрученном из марлевой занавески, висела Аня. Глаза её были широко открыты усмотрели прямо на Жору. Жора кубарем скатился с лестницы и побежал к гестаповцу. Девочек оставили в покое.

У Ани не нашли ничего. Только небольшой кусочек фанеры лежал у её ног, и на нём было коряво написано углём: «Не вините меня, дорогие друзья. Если когда-нибудь попадёте домой, скажите маме всю правду. Прощайте».

Макс, вызванный на допрос, прямо глядя в глаза гестаповцу, уверял, что все ребята очень скромные, живут замкнуто и, наверное, ничего не знали о замысле Ани. Гестаповец посоветовал Максиму держать ухо остро, следить за поведением ребят и, если удастся, добиться их расположения. Макс покорно выслушал гестаповца, но твёрдо заявил:

— Я немец, и они ко мне относятся так же, как и к хозяйке. — Говоря это, он думал о другом: «Я не стану губить этих несчастных малышей».

Допрос Жоры, отвечавшего уверенно и спокойно, прошёл без осложнений — его не тронули.

Зато запутавшихся Юру и Костю избили резиновой дубинкой.

Допрос и жестокое избиение тяжело отразились на впечатлительном Косте. Он осунулся, стал похож на маленького старичка. Это так потрясло его товарищей, что все они, даже Жора, не любивший Костю, стали относиться к нему с особой нежностью и вниманием.

Жора изменил также своё отношение и к Максусу, которого Вова и раньше считал «неплохим немцем».

Проходя мимо Жоры, ожидавшего товарищей у крыльца, Макс тихо сказал:

— Немцы под Москвой, но Москвы не взяли. Я это знаю точно...

Избитых мальчиков вытолкнули во двор. Жора подхватил Юру и повёл его на чердак, бережно поддерживая. Макс молча шёл сзади. Когда они завернули за угол дома, он незаметно поманил рукой Жору:

— Я дам тебе банку вазелина, и ты помажь товарищам раны.

Жора не умел плакать, но тут почему-то на глаза у него навернулись слёзы. Взглянув на Макса, мальчик увидел, что и тот как-то странно сморщился и поспешно заковылял к сараям, где работал в этот день на ремонте соломорезки.

Гестаповец и переводчик уехали, распорядившись следом за ними отправить в город труп Ани.

Ужас и горе овладели ребятами. Люсе про Аню пока ничего не говорили.

Костя и Юра ничком лежали на голубятне. Распухшие спины так болели, что нельзя было ни ходить, ни сидеть.

Шура целый день, выбиваясь из последних сил, работала за троих.

Жора, стараясь забыться, яростно вертел ручку соломорезки, подвигая к её прожорливой пасти всё новые и новые пучки соломы. Он то и дело поглядывал на дорогу, с нетерпением дожидаясь появления Вовы, чтобы сказать о том, что узнал от Макса.

Не подозревая о случившемся, Вова возвращался в имение почти спокойный. Ему удалось перекинуться несколькими словами с Павловым. От него Вова узнал, что утром немцы объявили, будто их войска не в Москве, а под Москвой, и всю ругали русскую зиму, большевиков и Красную Армию.

— Если бы немцы взяли Москву, — сказал Павлов, — то в лагере обязательно раструбили бы об этом, чтобы морально добить тех, кто послабее духом, обессилел от голода и побоев. Не верьте фашистской провокации!

«Москва советская! Москва наша!» — твердил про себя Вова. Он спешил поделиться новостью с друзьями. Особенно ему хотелось порадовать Жору, который вчера так уверенно утверждал, что фашисты врут.

Вспомнилось Вове и неожиданно повзрослевшее, бледное лицо Люси. Со вчерашнего вечера Люся стала для него особенно дорогим, верным товарищем, другом. Правильно говорят: общие испытания сближают. А Люся — молодец, она хорошо держится. Пережив горькую тревогу за Москву, Вова и себя почувствовал старше, сильнее, он понял, что ответственность за судьбу

товарищей лежит на нём.

Дорога тянулась мучительно долго. Вова думал о своих товарищах, взвешивая и оценивая их отдельные недостатки и хорошие качества. Начал с Жоры. Он смелый, бесстрашный, крепкий товарищ и друг, только много в нём озорства и чудачества. Это иногда может навредить, испортить дело. Значит, надо с ним ещё работать, помогать ему, сдерживать от ненужного ухарства...

Костя — неплохой товарищ, но, кажется, он всё-таки слишком осторожничает и невольно этим отгораживается от коллектива. Он слабее других. Юра прямой, смелый, но он самый маленький, и потому к нему меньше претензий. Его просто надо беречь.

Характеры девочек Вова представлял себе не так ясно. Шура решительная, бесстрашная. Люся тихая, мягкая, но и она никогда не подведёт. А вот у Ани что-то непонятное на душе. Может быть, она потеряла веру в то, что они вернуться на родину, или она всегда была такой...

Вот и вчера — сорвалась, убежала. Надо и её расшевелить, помочь стать сильнее. «Приеду, — думал Вова, — начнем собираться чаще, будем действовать. Павлов нам поможет».

Показались знакомые ворота имения, и лошадь сама затрусилась рысцой. Во дворе Вову поразили тишина и безлюдие.

От Макса Вова узнал о страшном событии. В первую минуту он не поверил. Повесилась? Слово это не умещалось в сознании. Вова стало страшно, захотелось поскорее увидеть товарищей, расспросить обо всём, взять на свои плечи хоть часть общего горя.

Никогда ещё Вова не чувствовал такого острого беспокойства и такой ответственности за их общую судьбу. Новое это ощущение было уже не похоже на детскую взволнованность; не хотелось ни жаловаться, ни плакать, ни утешать — только мстить, драться сообща за поруганное врагом детство.

Люся всё ещё лежала с обвязанной головой и, стараясь отогнать тревожные мысли, украдкой заглядывала в тоненькую тетрадку. Ей вне очереди принесли девятый «выпуск» книжки Николая Островского. Эта книжка была лучшим лекарством, только трудно было читать — строки разбегались перед глазами. Заслышав шаги за дверью, Люся быстро спрятала запретную тетрадку под изголовье, но, увидев Вову, показала ему краешек знакомой обложки.

Вова молча остановился на пороге, не решаясь сразу заговорить с Люсей. Та, заметив его волнение, приняла это на свой счёт и, указывая на перевязанную голову, сказала смущённо:

— Теперь уже меньше болит, даже читать могу понемножку.

Ей, видно, трудно было разговаривать. Бледное лицо вытянулось, и над переносицей легла заметная, недетская складка.

«Не буду с ней об Ане говорить», — решил Вова, и у него сразу отлегло на душе.

— Как там? — спросила Люся.

Вова присел возле её постели и рассказал о своей встрече с Павловым.

Люся оживилась, попробовала даже приподняться, но тут же беспомощно опустилась на соломенную подушку. Вова видел, как дрожат её руки, слышал прерывающееся дыхание и,

скрывая охватившее беспокойство, сказал нарочито бодрым тоном:

— Ну, я побегу к ребятам, они ждут, наверно. Я к тебе первой зашёл. Ты поправляйся скорей!

Но на голубятне Вова ещё больше расстроился. У него было такое ощущение, будто он отсутствовал целый год — так всё переменялось. Юра тихо стонал. Краска совсем исчезла с его лица, пожелтевшие щеки ввалились, обнажая скулы. Костя лежал молча, уткнувшись лицом в соломенную подушку, и поёживался, словно рубашка жгла ему спину. Их болезненный вид испугал Вову, ему стало страшно и больно за всех.

Вова старался не пропустить ни слова из рассказа Жоры об этом страшном дне. Когда Жора рассказал, как он сквозь раскрытую дверь чердака увидел Аню, глаза Вовы наполнились слезами, а кулаки гневно сжались.

— Это они её убили, фашистские собаки! — медленно проговорил он.

Друзья сидели рядышком на диване. Вова положил руку на плечо Жоре.

— Они всех нас хотят замучить до смерти. Но мы теперь уже не маленькие...

— Руки у них короткие, — процедил Жора, в глазах его вспыхнул злой огонёк.

— Вот Юра с Костей подымутся, Люся поправится — начнём огрызаться как следует...

Вова и Жора радовались, что они понимают друг друга с полуслова, во всём согласны, верят друг другу. И Вова, оглядев товарища, как-то внезапно понял, что перед ним уже вовсе не тот вихрастый, озорной мальчуган, который вошёл в вагон, когда их отправляли в Германию, а крепкий, смелый и сильный друг по борьбе.

* * *

Люся поправилась быстро и этим во многом была обязана Жоре, который почти каждую ночь доставал для неё немного молока, рискуя быть жестоко избитым.

Костя стойко терпел боль, но не мог забыть перенесённых надругательств. Его как будто подменили, исчезла обычная сдержанность, и он открыто, громко выражал свою ненависть к фашистам. Теперь уже друзьям приходилось останавливать его, если вдруг на работе появлялась Эльза Карловна, оберегать, чтоб он зря не попался, не устроил какую-нибудь неосмотрительную демонстрацию перед ненавистным врагом.

Костя стойко терпел боль, но не мог забыть перенесённых надругательств. Его как будто подменили, исчезла обычная сдержанность, и он открыто, громко выражал свою ненависть к фашистам. Теперь уже друзьям приходилось останавливать его, если вдруг на работе появлялась Эльза Карловна, оберегать, чтоб он зря не попался, не устроил какую-нибудь неосмотрительную демонстрацию перед ненавистным врагом.

Юра же от побоев и голода совершенно ослаб и окончательно заболел. Вечерами у него был сильный жар, болела голова, душил сухой кашель. Он подолгу не мог уснуть, ходил по комнате или, задыхаясь, сиротливо сидел в углу.

— Может быть, у него туберкулёз? — предположил Жора. Вечерами лицо Юры пылало болезненным румянцем, чувствовал он себя очень плохо, просил молока, а, если не давали,

нервничал, сердился на товарищей и часто просил, чтобы открыли форточку: ему не хватало воздуха.

Ребята много говорили о Павлове — это подымало их силы. Как-то само по себе получилось, что Вова стал их вожаком. Он решил действовать смелее и решительнее и ждал только удобного случая.

Шёл ноябрь. Сиротливо вздрагивали от резкого ветра оголенные тополя; во всех концах огромного опустевшего двора курились сизые дымки. Мальчики подгребали мусор, опавшие листья и сжигали всё это. Дым ел глаза, в горле першило, и казалось, не будет конца этой «осенней приборке».

Вова ещё утром заметил в доме какую-то суету, но не обратил на неё внимания. Толстая ведьма только разок появилась во дворе, крикнула: «Делайт каршо!» и больше не показывалась.

Присев на корточки, Вова изо всех сил раздувал непослушный костёр.

— Дыши глубже! — услышал он насмешливый голос Жоры. — Подмога бежит!

Вова оглянулся и увидел бегущего от дома Костю. Костя опустился рядом с Вовой и, размахивая руками, будто он раздувает огонь, быстро проговорил:

— Они сейчас уедут на два дня, я сам слышал. И Эльза, и дочка. На ярмарку поедут, а Лунатика и Макса оставляют за хозяев.

Вечером Макс запер ворота и ушёл спать. Лунатик сторожил дом, не выходя из комнат Эльзы Карловны. На голубятне впервые почти свободно собрались мальчики и девочки. В тесной камерке было душно, и ребята оставили дверь открытой, на всякий случай завесив только окно поплотнее.

Дня три назад к Вове вернулась последняя, истрёпанная и замусоленная тетрадка книги «Как закалялась сталь». Теперь у каждого свежи были в памяти мельчайшие подробности подвигов Павки Корчагина и его друзей — комсомольцев и коммунистов. Вова решил опять начать сбор с разговора об этой книжке, но, неожиданно встретившись с грустным взглядом Люси, подумал, что вот каждый про себя все эти дни вспоминал об Ане, горевал, хоть и не высказывал вслух своих чувств.

И как бы отвечая его мыслям, Люся сказала:

— Как жаль, что Ани с нами нет...

В голубятне стало совсем тихо.

— Да, все мы Аню жалеем, вспоминаем о ней. Она хорошая была девочка, ничего дурного о ней не скажешь, — после долгого молчания заговорил Вова. — А поступила неправильно.

— Дай я скажу! — вскочила Шура. — Мы Аню любили, даже когда трудно с ней было, и она не обращала на нас внимания. Люся меня даже упрекала, что я не чутка к ней. Совсем недавно она про свою жизнь рассказывала, так я потом до утра плакала.

Люся всхлипнула. Шура укоризненно посмотрела на подругу и продолжала:

— Но я больше плакать о ней не буду. Вова прав: она не должна была так поступить! Она не

верила в свой народ, в свою Родину... Мы так хотели ей помочь, а она нас сторонилась. Всё одна и одна... Разве мы хуже её? — Шура вскинула голову, и глаза её сверкнули. — Разве нам легче, чем ей? Как она посмела сдать? У нас есть сильная и прекрасная Родина. Разве она нас оставит в неволе? Нас и в семье, и в школе учили не только ненавидеть врагов, но и бороться с ними, смело, дружно. — Шура провела рукой по лбу. — А для Ани в книжках было одно, а на деле совсем другое. Конечно, Аня была слабая духом, изнеженная. Дома она всё за мамину юбку пряталась... Конечно, фашисты её довели до такого несчастья. Но и она сама была виновата, что дала себя победить.

Шура села, смущённая такой длинной речью.

— Павка Корчагин, — сказал Вова, — тоже был сначала одинок и тоже жил среди оккупантов, помните? Но он не побоялся выкрасть у врага пистолет, чтобы бороться, и товарищей себе верных нашёл. Значит, и мы можем, как он...

— Так давайте же решим, что мы будем делать? — нетерпеливо перебил его Жора.

— Скоро наш великий праздник. По-моему, мы должны сделать подарок товарищу Павлову и всем пленным, — предложил Костя. — Для начала надо им табак передать, который Жорка достал.

— А главное, ножницы раздобыть надо, большие ножницы! Павлов очень просил, — поддержал Костю Вова; теперь он уже знал, зачем нужны пленным ножницы, но пока Павлов велел хранить это в тайне...

Юра, еле сдерживая кашель, приподнялся на постели:

— Письмо надо им к празднику написать! Такое письмо, чтоб они знали, что мы, советские ребята, помним в этот день о Родине и о великом празднике.

С этим предложением все согласились:

— Обязательно надо написать!

— И ножницы хоть из-под земли достать, — прибавил Жора.

Шура и Люся, пошептавшись, пообещали, что они раздобудут ножницы в хозяйском доме и постараются хоть понемножку утаивать на кухне продукты для пленных.

— Если попадёте — всё пропало: убьют, — предупредил их Вова.

Но это не испугало девочек. Они понимали: задание Вовы — это задание Павлова, старшего товарища-коммуниста.

«Прощай, Юра!»

С трепетным волнением ждали ребята день великого праздника 7 Ноября. Они знали и помнили этот день как самый светлый и радостный в их жизни. И теперь, далеко от Родины, оторванные от неё насильно и увезённые в фашистское рабство, Вова и его товарищи, несмотря на голод, усталость и бесправие, готовились встретить праздник не так, как встречали и провожали обычные дни и недели в неволе.

Накануне, когда они тайно собрались на голубятне, Вова поздравил товарищей с наступлением великого праздника и заявил, что седьмого ноября каждый из них должен вспомнить Родину, дом, свою школу, близких друзей и родных.

— Пусть мы далеко от них, от родной страны, но мы мысленно должны быть с ними, с нашим народом, который борется против фашистских извергов и обязательно победит. Да здравствует наша любимая и далёкая Родина! — закончил своё приветствие Вова.

Сбор был коротким, без речей, но даже небольшое выступление Вовы вселило в сердца ребят уверенность, что наступит тот день, когда они будут свободны и вернутся на Родину.

Ещё задолго до праздника Вова ночами, когда все засыпали, садился к окну и готовил поздравления каждому товарищу отдельно. Девочки достали ему хорошей белой бумаги и три цветных карандаша. Бумага была нарезана ровными частями величиной в половину листа школьной тетради. На каждом листке Вова написал печатными буквами, старательно выведенными красным карандашом: «Поздравляю с праздником Великого Октября и желаю сил, здоровья и уверенности в победе нашей Родины». Внизу чёрным карандашом в яркой рамочке было написано: «Прочти и уничтожь»...

На обратной стороне поздравления был нарисован товарищ Сталин и картинки, изображающее героическую борьбу Красной Армии. На одном поздравлении нарисован танк, на другом — пушка, на третьем — красноармеец с винтовкой. Рисунки были неумелы, но выразительны, — они отображали борьбу защитников Родины.

Утром Вова лично вручил каждому поздравление. Это было неожиданным для ребят и очень обрадовало каждого. Только Юра был безразличен.

Собираясь на работу, ребята увидели, что Юра уже не может встать. Он окончательно ослаб и был очень болен.

За последнюю неделю Юра очень похудел и начал кашлять кровью. Жора приносил ему молоко, Люся и Шура ухитрились припрятать что-нибудь вкусное, но ничто не помогало. Юру то бил озноб, то поднималась такая температура, что он метался, как в огне. Дни Юры были сочтены он таял день ото дня, и это хорошо понимали все, но помочь никто не мог.

Обозлённая Эльза Карловна набрасывалась на ребят обзывала их мерзавцами и ворами и требовала работать за семерых. Лунатик усилил слезку по ночам, стал сам проверять приготовление пищи для ребят, и без того скудной и противной.

Убедившись, что пятеро истощённых ребят не могут справиться со всей работой, как их ни истязай, фрау Эйзен решила отвезти Юру обратно в лагерь и, вместо него и погибшей Ани, получить от Штейнера новых подростков.

Если бы она могла, как раньше, бесплатно или по дешёвой цене получить здоровых ребят, она давно бы заменила всех, но достать новых рабов становилось всё труднее. Германия нуждалась в рабочей силе, так как война с каждым днём пожирала всё больше и больше немецких солдат.

Ребята были подавлены известием, что Юру увозят в лагерь. Сопроводять его должен был Жора. Юра не мог уже влезть в кузов машины. Теперь не только Вова, но каждый знал, что Юру везут на верную смерть. Сам Юра, когда его посадили в машину, так разрыдался, что не выдержали и остальные ребята.

Костя ходил просить Эльзу Карловну оставить Юру, обещал работать за себя и за него, но рассерженная фрау Эйзен затопала ногами, бросила мальчику в лицо платяную щетку и вытолкнула за дверь.

Судьба Юры была решена.

Когда Эльза Карловна села в кабину, Вова незаметно бросил в кузов старый половик и охапку соломы. На прощание Юра слабо помахал друзьям рукой и даже попробовал улыбнуться. Ему тяжело было расставаться с друзьями.

— Юрка, ах ты, Юрка... — опустив голову, повторял Вова, думая о гибели ещё одного друга и товарища.

Старый немец-хозяин, стоя позади ребят, невозмутимо сопел трубкой. Как только машина выехала со двора, он приказал закрыть ворота и пошёл к дому. Вова с ненавистью бросил какие-то слова старику и решительно зашагал к голубятне. Старик остановился, проводил ребят злым взглядом и вернулся, чтобы самому закрыть ворота.

Машина подошла к лагерю. На Жору и Юру пахло знакомым тошнотворным запахом болотной гнили и торфяным дымом. На широкой площадке лагеря было шумно. Исхудавшие, полураздетые ребята топтались на месте, стуча тяжёлыми деревянными подошвами по обледеневшей земле. Видно, их собирали после обеда для отправки на работу. Вот одна группа с лопатами и пилами, подгоняемая вооружённой охраной, вышла из ворот по направлению к лесу. Следом шла другая — с небольшими санями, в которые были впряжены по три-четыре подростка, потом третья, четвёртая... Жора смотрел ни невольников и думал: вот бы увидеть Андрея и сказать ему, чтобы присматривал за Юрой, помог, не оставлял одного.

Эльза Карловна, пройдя через калитку возле будки часового, направилась к Штейнеру. Комендант стоял на подмостках, наблюдая, как группы ребят расходятся на работу. Жоре показалось, что Штейнер так никогда и не покидал этого места. Только теперь он был в чёрной шинели и в меховой шапке.

Увидев фрау Эйзен, комендант спустился вниз и, улыбаясь, пошёл ей навстречу. Они оживлённо заговорили.

Ребята заоченели от холода, особенно Юра. Он совсем не чувствовал ног, пальцы рук не гнулись. Жора заметил это.

— Ты топчись, Юра, топчись! Вот так. — Жора начал подпрыгивать.

Юра медленно, с трудом поднимал едва гнущиеся в коленях ноги, а Жора растирал ему руки, приговаривая:

— Ты, Юра, обязательно разыщи Андрея, с ним тебе легче будет.

Эльза Карловна вернулась мрачная. Она была зла на Штейнера, который отказал ей в просьбе дать двух подростков. Комендант объяснил, что много этих «дикарей» умерло от тифа и других болезней, что сейчас Германия очень нуждается в рабочей силе.

Эльза Карловна пыталась, как и в первый раз, дать Штейнеру взятку, предлагала заплатить за ребят втрое больше, но Штейнер оставался неумолим. Он посоветовал обратиться к высшему начальству, но предупредил, что нужно спешить, так как лагерь могут скоро перевести за Эльбу.

Охранник повёл Юру в барак для больных, который на языке начальства назывался лазаретом, и позволил Жоре проводить товарища. На ребят пахло карболкой и торфяной гарью. Тяжелобольные лежали на голых нарах, бредили и стонали. Дым и вонючая испарина висели в воздухе, как туман. По грязным стенам стекали рыжеватые струйки, а в углах виднелся иней. «Это гроб, гроб для Юрки!» — с ужасом подумал Жора. Он понял, что отсюда вряд ли кто-нибудь возвращался к жизни.

Пока Юру записывали, Жора прислушивался к разговорам больных. Один мальчик говорил другому:

— Когда у меня взяли кровь, голова закружилась. А назавтра я и заболел...

В другом углу говорили о том, что вчера десятерых умирающих от тифа выбросили в болото.

— Они были ещё живые, а их выбросили, — сказал кто-то.

— И не выбросили совсем, а отвезли на санках, и закопали в яму. Сами ребята, которые рыли яму, рассказывали. Они видели, что тифозные были ещё живые, шевелились...

Юра не мог не слышать этих голосов, но они будто его не трогали. Он стоял, растопырив руки, у печки, грелся и, задыхаясь, кашлял.

Прощаясь с Юрой, Жора неумело поцеловал его в холодные, посиневшие губы, обнял, похлопал по худой спине, как старшие детей, и сказал дрожащим голосом:

— Ты, Юра, не горюй. Может, всё будет хорошо, может, скоро наши придут...

Юра проводил товарища тоскливым взглядом до дверей и беспомощно опустил на холодные, жёсткие нары.

На помощь Павлову

С наступлением весны 1942 года изменилась жизнь в имении Эльзы Карловны. Работать стало труднее, жить ещё хуже, а ребят осталось меньше. Костя гонял скот на подножный корм в поле и возвращался только под вечер. Жоре часто приходилось одному убирать навоз, следить за чистотой двора, выполнять многие другие работы, изнурявшие его до крайности.

Люся и Шура по-прежнему работали не покладая рук, за троих. С приходом весны на них была возложена новая обязанность — уход за садом. Получалось так, что ни днём, ни вечером ребята не могли собраться вместе, чтобы посоветоваться, обменяться мнениями, поговорить о своих делах.

Однажды Вова привёз от Павлова письмо, которое требовало от ребят решительных и опасных действий. В тот же вечер с большими трудностями все собрались на голубятне. Павлов сообщал, что Красная Армия разбила фашистов под Москвой и продолжает наступать. Он просил помочь в организации побега, который должен произойти в ближайшее время, так как гитлеровцы готовят массовое убийство коммунистов, выданных провокатором.

Изложенный Павловым план побега заключался в том, чтобы выбрать тёмную и ветреную ночь, тайно проделать проход в проволочном ограждении, опоясывающем лагерь, и выпустить заранее подготовленную группу людей. Сделать это чрезвычайно трудно. У пленных не было

никаких инструментов, кроме ножниц, ребята всё-таки их достали. Трудность заключалась и в другом: на ночь в лагере усиливали караул, а в колючую проволоку включали электрический ток.

Обсудив всё это, ребята выработали свой план: в ночь, намеченную для побега, Вова и Жора с пилой пробираются в лес, через который проходит электролиния, питающая лагерь, и подпиливают несколько столбов. Падение столбов должно привести к обрыву провода и на время лишит лагерь света. Пока фашисты ищут обрыв и восстанавливают линию, Павлов и его товарищи делают проход в заграждении и уходят из лагеря... Что будет дальше, ребята не знали, но приняли решение действовать немедленно.

В очередную поездку Вове удалось передать Павлову письмо, а через несколько дней получить ответ. Павлов принял предложение ребят и наметил обязанности каждого.

Всё должно было произойти быстро и слаженно. В тот момент, когда в лагере погаснет свет, после обрыва линии, Павлов и его товарищи разрезают колючую проволоку и поодиночке выходят, направляясь к условленному месту. Вова и Жора, подпилив столбы, сразу же уходят от места обрыва электролинии, так как немцы могут направить солдат по линии — искать обрыв. Костя и Шура встречают пленных и выводят их в поле, к заранее намеченному месту, где беглецы могут переждать до следующей ночи, получить продукты, заготовленные ребятами, и продолжать свой путь на восток. На случай, если гитлеровцы сразу обнаружат побег и поднимут стрельбу или с Костей что-нибудь случится, Шура должна выполнить роль запасного проводника, ожидая пленных в другом, более отдалённом от лагеря месте.

Кроме того, ребята придумали, как обезопасить себя в ту ночь, когда была назначена операция, от возможного появления в голубятне Лунатика или Эльзы Карловны. С этой целью было решено каждый день перед сном закрываться на крючок и не пускать старика, чтобы приучить его к тому, что дверь на голубятне бывает закрыта, когда ребята кончают работу. В ночь побега пленных ребята решили закрыть дверь изнутри с помощью веревки. «Пусть, если Лунатик сунется, подумает, что мы на месте и спим крепким сном», — решили они.

Последняя и не менее важная часть плана заключалась в заготовке продуктов. Ребятам удалось достать несколько килограммов фасоли, немного отрубей и кукурузы, мешочек соли и немного печёного хлеба. Но этого было слишком мало для семнадцати человек, подготовленных Павловым к побегу. Ребята понимали, что пленные не смогут добыть никакой пищи, пока не доберутся до Польши.

Ребята тщательно готовились к большому и опасному предприятию. Приезжая на строительство, Вова уточнял с Павловым подробности плана. Шура и Люся продолжали понемногу добывать продукты. Жора по ночам относил продукты в поле и прятал в скирды соломы, где должны были собраться пленные после побега из лагеря.

Однажды внимание Жоры привлёк шестимесячный поросёнок, который расхаживал по двору важно хрюкая и вскапывая пяточком навозную кучу. У Жоры блеснула мысль: «Вот это был бы запас на дорогу!»

Однажды внимание Жоры привлёк шестимесячный поросёнок, который расхаживал по двору важно хрюкая и вскапывая пяточком навозную кучу. У Жоры блеснула мысль: «Вот это был бы запас на дорогу!»

Не посоветовавшись с Вовой, он решил сделать всё сам. Натолок стекла, смешал с отрубями и картофелем и вывалил поросёнку в корыто. Жора рассчитывал так: поросёнок подохнет, и

Эльза Карловна велит выбросить его на свалку, как падаль. Тогда ребята распотрошат поросёнка, засолят и спрячут для пленных.

Но дело обернулось совсем по-другому. Поросёнок съел приготовленный Жорой корм и через некоторое время начал оглушительно визжать. В доме, кроме вздремнувшего старика и Макса, чинившего мебель, никого не было. Услышав крик, старик всполошился, выбежал и заставил Жору резать поросенка. Когда Макс опалил поросёнка, Лунатик сам принялся потрошить его.

Жора чувствовал себя как на иголках. Но, к счастью, старик плохо видел и не разобрал, что случилось с поросёнком, но Макс как видно, всё понял. Жора умоляюще смотрел на Макса и думал: выдаст или не выдаст? Макс молча повернулся и вышел из кухни. Жора, опустив голову, плёлся за ним.

— Если бы ты не смог поросёнка зарезать, он бы сам издох, и тогда можно было бы мясом поживиться, — как бы невзначай бросил Макс.

— Хозяин заставил. — Жора покраснел.

— А ты бы отказался. Сказал бы, что боишься резать. — Макс остановился и вдруг похлопал Жору по плечу.

Максу нравился этот смышлённый, смелый мальчик. В этот день, уходя после работы домой, Макс впервые по-настоящему попробовал представить себе ту далёкую страну, где вырастают такие отважные дети. От этой мысли он перешёл к горестному раздумью о себе. В сущности, он так же несчастен, как и они, только он, взрослый, покорно выносит все оскорбления от хозяйки, а они, эти маленькие русские, голодные и избитые, борются за свою жизнь, как умеют... «Вот почему, — заключил Макс, — русские начали по-настоящему громить армию Гитлера».

Не уступать ни в чём!

Письма от Фрица Эйзена с Восточного фронта по-прежнему приходили часто, хотя уже не были такими восторженными, как раньше. В Германии знали о разгроме немецкой армии под Москвой, но фашистские пропагандисты в газетах и по радио продолжали утверждать, что гитлеровская армия в летнем наступлении добьёт Россию и поставит её на колени.

Однако не всех немцев убеждали речи Гитлера и Геббельса, статьи в газетах и трескотня по радио. Даже фрау Эйзен, получая письма от мужа, читала их уже без прежнего умиления. А посылки от него поступали всё реже и реже, и это очень огорчало Эльзу Карловну. Если осенью 1941 года Фриц каждое письмо начинал словами «Хайль Гитлер!» и расписывал подвиги своих солдат, то теперь в его письмах появились нотки усталости, даже жалобы на опасности войны. В одном из писем он жаловался на «проклятую суровую Россию», на «дикий злой народ» и даже на вшей, беспокоящих «победоносную» армию фюрера.

Но жизнь в усадьбе не изменилась. Эльза Карловна исправно вела хозяйство, изнуряя ребят непосильной работой, голодом и жестокими побоями, накапливала богатство на торговле продуктами и на даровом труде батраков.

Дочь ее, Гильда, занималась по субботам уроками музыки. После обеда в имение Эйзен приходила пожилая коротконогая пианистка в очках, и девочка садилась за рояль, разучивая несложные музыкальные вещицы.

Люся до войны училась музыке. Она иногда прислушивалась, как неуверенно барабанила Гильда гаммы и сбивалась, играя самые простенькие упражнения. «Тупа, как пробка! — говорила Люся ребятам. — Тоже мне, «чистая раса»!..

Гильда всячески старалась блеснуть перед русскими девочками. К ней приходили её друзья из «Гитлерюгенда» горланили военные песни, декламировали стихи, важничали и наперебой ухаживали за Гильдой. Это доставляло ей необычайное удовольствие.

Однажды Вова, вернувшись из поездки, увидел в беседке сада Гильду и двух юношей. Рыжеволосый мальчуган, заметив Вову, встал в позу и, задрав голову, как петух перед пением, начал декламировать.

Это рассмешило Вову. Он остановился у калитки сада, с любопытством рассматривая Гильдиных друзей. Те решили, что русский завидует им, смотрит на них, думая, что они действительно «особые люди». Когда рыжий кончил декламировать, Гильда и второй её гость, белобрысый мальчик, нарочито громко зааплодировали чтецу. Всё это было смешно и глупо.

Вова хорошо помнил стихотворение Генриха Гейне «Я хочу подняться в горы». Слушая рыжего, он понял, что тот читал стихи о любви к фюреру. «А знает ли этот рыжий балбес Гейне?» — подумал Вова. И, приняв независимый вид, с жаром прочитал на немецком языке:

Я хочу подняться в горы,
Где живут простые люди,
Где привольно веет ветер,
Где дышать свободно будет.

Я хочу подняться в горы,
Где маячат только ели,
Где журчат ключи и птицы
Вьются в облачной купели.

Гильда и её кавалеры смолкли от удивления. Они не знали стихов Генриха Гейне, но их поразило умение Вовы хорошо читать по-немецки, а ещё больше — его дерзость.

— Вас ист денн дас?[13] — выкрикнул рыжий.

— Фон Хайнрих Хайне, ферштейст?[14] — с достоинством ответил Вова.

— Раус мит дер банде да![15] — заорал рыжий и бросился к Вова.

— Цурюк![16] — грозно предупредил Вова.

— Ва-ас![17] — взвизгнул опешивший рыжий, сжимая кулаки.

Гильда невольно расхохоталась, заметив нерешительность рыжего. Взбешённый белобрысый мальчик кинулся на выручку рыжему, пытаясь ударить дерзкого противника. Но ему никак не удавалось это сделать. Вова умело подставлял то правую, то левую руку, отражая удары, и только повторяя с ненавистью уже по-русски:

— Эх, если бы ты попался мне не здесь, фашистский выкормыш, я бы тебе расквасил рожу!

Гильду просто забавляло, что оба её кавалера не могут справиться с одним.

— Бросьте с ним возиться, ещё убьёте нашего работника, — сказала она.

Вова вышел за ворота и столкнулся с Максом.

— Ты откуда знаешь Гейне? — спросил Макс так просто и мягко, что тот не мог не ответить:

— В школе учил, дома ещё.

— Но в Германии Гейне читать опасно, запрещено, знаешь?

— Как не знать! Да я бы не то ещё прочитал им! — ответил Вова, но тут же подумал, что слишком откровенничать с Мнksom всё-таки не следует.

— Они — хозяева Германии, — продолжал Макс, — ты будь поосторожнее.

Вова решил, что разговор становится слишком опасным, и ответил:

— Мне идти надо: работы много.

Макс посмотрел ему вслед и в который раз задал себе вопрос: откуда у русских ребят столько жизненной силы, уверенности и стойкости?

Сам Макс, выходец из бедной крестьянской семьи, всю свою жизнь прожил в батраках у помещиков. Много он видел на свете несправедливости и знал две Германии, бедную — для рабочих и крестьян и богатую — для капиталистов и помещиков; властную — для гитлеровцев и бесправную — для честных людей; сытую — для эксплуататоров и голодную — для тружеников. Но свободной Германии он не знал и уже переставал верить, что где-нибудь существуют свободные страны.

Теперь, сталкиваясь с русскими подростками, Макс часто думал о России. Ещё до гитлеровского режима он слышал, что в России не стало помещиков и капиталистов, что там свобода и равенство. Но Макс помнил другую Россию. Ему пришлось быть у русских в плену в 1915 году. Он тоже видел там богатых и бедных и сам, как пленный, работал у помещиков. Приходилось ему встречать и крестьянских ребятишек, разутых, раздетых, чумазных и забитых.

Но те дети совсем не походили на этих, с которыми ему теперь довелось познакомиться. «В чём дело? Что это за новая Россия?» — спрашивал себя Макс. Гитлеровская Германия покорила Европу, сильную, культурную Европу, хорошо вооружённую, и притом так быстро покорила. Даже Францию, великую державу Францию, войска Германии покорили в короткий срок. А вот Россию не могут. Солдаты гибнут, офицеры тоже. Значит, есть что-то такое в этой загадочной стране... Много думал Макс о русских и втайне думал, что, раз русские бьют армию Гитлера, значит там действительно народу есть за что драться.

Эти маленькие русские — какие-то особые люди. Они не похожи на многих других рабов, пригнанных из различных стран. Эти русские постоянно проявляют непокорность, силу и веру во что-то такое, что ему, Макс, ещё трудно понять.

Макс многое начал припоминать: и дерзкий поступок с поросёнком и поведение ребят на допросе. Сколько таких примеров, на первый взгляд незначительных, резко отличало русских подростков от других!

День ото дня Макс всё больше и больше сочувствовал русским ребятам, начинал уважать их жизненную стойкость, настоящую, большую дружбу и веру в свои силы. Он видел, что они умеют сопротивляться лучше, чем другие.

Смерть девочки, которая покончила с собой только оттого, что услышала ложные вести о падении Москвы, тоже была одним из тех толчков, которые заставили Макса подумать серьёзно об этих ребятах. И он стал ещё пристальнее наблюдать за ними. Но не для того, чтобы мешать им, нет, а для того, чтобы понять до конца, что это за люди русские, которых Эльза Карловна, да и многие другие называют дикарями.

Вова понимал, что Макс им сочувствует, но всё-таки, опасаясь его, призывал друзей к осторожности. И ребята были настороже с Максом, может быть, даже больше, чем нужно. После стычки в саду Вова одумался: «За каким чёртом я ввязался в болтовню с этими шалопаями и с Максом! Ещё донесут, и снова начнутся дела...» Но, с другой стороны, он чувствовал какое-то удовлетворение.

Ребята радостно переживали победу Вовы: хоть маленьким, хоть опасная, а всё-таки ещё одна победа! Заканчивая свой рассказ, Вова заключил:

— Честное слово, у них сплошной сквозняк в голове. Подумать только, Гейне не знают.

Под впечатлением рассказа Вовы Люся с детским задором думала: «Только бы раз, только бы раз сыграть на пианино и показать этой заносчивой девчонке, какая она бездарь».

Вскоре Люсе пришлось убирать комнату, где стояло пианино. Она вошла в тот момент, когда Гильда сидела на высоком стуле и, тыча пальцами в клавиши, что-то напевала себе под нос. Старик спал, учительница сидела в саду с каким-то вязаньем в руках, а Эльза Карловна была в городе.

Люся подошла к пианино и робко взяла аккорд. «Не разучилась ли играть!..» Потом быстро пробежала по клавиатуре и тут же вспыхнула, руки её задрожали, и она отдернула их, точно обожглась. Но Гильда вдруг молча встала и, с любопытством глядя на Люсю, указала ей на стул, видимо, интересуясь, что же она может сыграть.

Соблазн был непреодолим. Больше года Люся не имела возможности прикоснуться к любимому инструменту, а тут вот оно, чудесное пианино... И она не выдержала, присела, на мгновение задумалась и ударила по клавишам. Она заиграла свою любимую песню:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Так радостно и так горько было слышать здесь, в фашистском гнезде, эту хорошую, свободную песню, что у Люси слезы хлынули из глаз. Она беспомощно опустила голову на руки. Гильда, поражённая красотой звуков и игрой Люси, стояла рядом, разинув рот от удивления и зависти. Но это продолжилось недолго. Люся не могла видеть, что совсем рядом, опершись на косяк двери, не замеченная никем, уже несколько минут стояла Эльза Карловна. Она всё видела и слышала.

Чувство обиды за свою дочь, зависть и отчаянная злоба против этой русской дикарки, дерзнувшей показать себя, распирали грудь Эльзы Карловны.

В этот день, придравшись к тому, что стаканы плохо вытерты, она жестоко избила Люсю.

Побег

Ночь. Завывает холодный ветер, сеет мелкий, затяжной дождь, и так темно, точно землю накрыли огромным непроницаемым колпаком. В трёх-четырёх шагах можно потерять друг друга. Это и хорошо и плохо. Безопаснее для диверсии, но зато труднее пробираться по незнакомым местам и можно уйти не туда, куда следует. Ребята шли гуськом, сдерживая не только кашель, но и громкое дыхание. Впереди — Вова, за ним — Костя, Жора и Шура.

Добравшись до сосняка, откуда путь ещё труднее, Вова остановился, осмотрелся кругом и с удовлетворением шепнул:

— Вышли правильно, но теперь самое трудное, не сбиться в лесу.

Все хорошо знали свои обязанности. Несколько дней подряд каждый заучивал их, как стихи, наизусть.

Жора и Вова должны развести по местам Костю и Шуру. Место Кости — неподалёку от изгороди лагеря, в лесной просеке. Шура остаётся возле дерева, лежащего поперёк тропки метрах в пятистах от Кости. Шура и Костя должны сидеть спокойно и наблюдать за огнями в лагере. Если свет погаснет, они должны быть готовы через пятнадцать-двадцать минут встретить беглецов.

Для встречи пленных с ребятами были установлены пароль и отзыв: «Москва» и «Победа». Костя затвердил слова Вовы: «Жди. Как только заметишь одинокого человека на тропке, выходи навстречу и тихо скажи: «Москва?» Когда тебе ответят «Победа», молча иди вперёд по просеке, до места, где будет дежурить Шура»...

Сигнал к действиям Вовы и Жоры — гудок завода, который обычно даётся в два часа ночи. Услышав гудок, они должны начать подпиливать столбы. По инструкции Павлова, нужно первые два столба не допиливать до конца; третий спилить совсем, чтобы он упал и увлёк за собой первые два. Расчёт был такой: временная электропроводка не так уж прочна — одновременное падение трёх столбов не может не оборвать её.

По предположению ребят, до гудка оставалось не меньше часа. Выйдя на просеку, Вова и Жора увидели тусклые огни лагеря. Они пошли к опушке леса, стараясь уйти подальше от лагеря, чтобы подпилить столбы в более отдалённом, а значит, и безопасном месте. После того как линия будет оборвана, они должны вернуться и убедиться, что свет в лагере погас. Потому Вова часто оборачивался назад — проверял, виден ли ещё свет. Наконец они ушли на такое расстояние, что огни стали похожи на едва заметное далёкое зарево, пробивающееся меж стволов соснового бора.

Вова остановился.

— Здесь, — сказал он тихо. — Надо найти палку и сделать метку.

— Зачем? — спросил Жора.

— Чтобы место заметить. Видишь свет отсюда?

— Вижу.

— Если мы вернёмся сюда и свет не увидим, значит всё в порядке, Павлов действует. Понимаешь?

Внимательно оглядевшись, Вова поставил у сосны метку, чтобы запомнить место, и они пошли к опушке леса, где проходила электролиния.

Костя сидел на пеньке. Как только Жора и Вова исчезли во мраке и шорох их шагов смолк, ему стало не по себе. В первую минуту хотелось сорваться с места и бежать следом за ребятами, но он быстро взял себя в руки: «Нет, надо сидеть и не шевелиться».

Разглядывая тусклые огни лагеря, Костя вдруг подумал, что его могут увидеть часовые, если они пройдут за изгородью мимо просеки. Он попытался осторожно встать, чтобы отойти в сторону, куда-нибудь за сосну. Но, как только оторвался от пня, сразу почувствовал, что ноги не держат. Сердце забилося так сильно, что Костя почувствовал, как на груди поднимается намокшая рубашка. Дыхание стало хриплым, будто кто-то сжимал ему горло. «Трус, трус!» — вдруг почудилось Косте. И сразу ему стало стыдно, обидно за себя. «Нет, я не трус, я не трус», — прошептал Костя. Глубоко вздохнув, он спокойно поднялся на ноги, вплотную встал у ближайшего дерева и как бы слился с ним.

В это же время Шура сидела на мокрой поваленной сосне и думала о том, как они с Костей выведут пленных к дороге. Вдруг ей представилось, будто пленные уже рядом и они с Костей ведут их по просеке на опушку леса, а оттуда — полями в сторону усадьбы, к дороге, где их должны встретить Вова и Жора. «А если провал?» — в страхе подумала она.

Ребята условились говорить, если вдруг их станут допрашивать, что они ходили собирать гнилую картошку в поле и заблудились. Чтобы отвести подозрение, Костя взял мешочек, Шура — корзинку, а Жора с Вовой — ржавое ведро, и у всех было по несколько гнилых картофелин. Однако теперь это представлялось Шуре наивным, плохо продуманным планом. «Нет, если попадёмся, это не спасёт», — решила она.

Тяжело одной сидеть ночью в лесу, да ещё ждать и думать, будет или не будет удача. Шуре казалось, что время идёт очень медленно, что пришли они слишком рано, поэтому и сидят зря, в напрасной тревоге. «А что, если всё это ни к чему? Вдруг Павлов раздумает бежать. Может быть, пленные проспали или им что-нибудь помешало?»

Шура машинально обрывала маленькие хвойные веточки и, перебирая пальцами, отрывала длинные иголки одну за другой, шепча: «Встретимся — не встретимся, встретимся — не встретимся...»

Это успокаивало. Шура постепенно привыкла к одиночеству, к темноте и только не решалась подняться, хотя ей очень хотелось пройтись немного или потоптаться на месте, чтобы размяться и согреться...

Вова заранее высмотрел столбы. Они были очень толстые, высокие. Два из них покосились набок.

— Если мы успеем благополучно подпилить и они упадут, обрыв будет наверняка, — взволнованно прошептал Вова.

Оставалось ждать гудка. Мальчики прижались к столбу и тихо переговаривались.

— Как-то там Костя с Шурой? — беспокоился Вова.

— Шура, по-моему, ничего, а вот Костя может струхнуть.

— Нет, не может!

— Ну, скоро ли гудок? — нетерпеливо поёжился Жора.

Они стояли у столба, промокшие, тревожно вслушиваясь в завывание ветра.

— Мы во сколько вышли? — спросил Жора.

— Люся сказала, в час.

— Значит, скоро гудок...

Прошло минут десять, но гудка всё не было. Вова с Жорой начали волноваться. Им чудилось, что они уже целую вечность пробыли в лесу.

— Мы во сколько вышли? — спросил Жора.

— Люся сказала, в час.

— Значит, скоро гудок...

Прошло минут десять, но гудка всё не было. Вова с Жорой начали волноваться. Им чудилось, что они уже целую вечность пробыли в лесу.

— Может быть, мы прослушали гудок? — вдруг сказал Жора.

— Нет, не прослушали. Я всё боялся, как бы не опоздать, а вот видишь — оказалось, что пришли рано.

— Начнём? Помаленечку, чтобы потом скорее допилить, — предложил Жора.

— Давай!

Концы пилы у ручек были обмотаны тряпками, чтобы она меньше звенела. Мальчики начали пилить нерешительно, осторожно, прислушиваясь к завыванию ветра и шуму дождя...

Загудел гудок. Костя как будто ожил, услышав рёв гудка. Гудок прибавил ему бодрости и смелости. Костя высунулся из-за дерева и готов был броситься к колючей проволоке. Теперь её внимание привлекал свет на одном из столбов. Он всё ещё горел, а дождь хлестал в лицо, и ветер продолжал качать шумевшие сосны, как десять, двадцать и тридцать минут назад.

— Скоро ли, скоро ли? — твердил Костя и, не мигая, до боли в глазах, смотрел в одну точку, которая светила мутно-жёлтым огнём где-то за колючей проволокой, то расплываясь в огромное туманное пятно, то вновь принимая форму яркого маленького кружочка...

Гудок заставил Шуру подняться с места. Теперь она не сводила глаз с просеки, где, по её

представлению, вот-вот должен был появиться Павлов со своими товарищами. Она почему-то думала только о Павлове, хотя она его так же, как и других, в лицо не знала.

Прошло ещё минут десять, а свет всё горел и горел. Шура начала беспокоиться: «Может быть, Вова и Жора не смогли ничего сделать? Или заблудились?» Но тут же подумала: «А если они напоролась на охрану?» В это мгновение свет как-то странно мигнул, погас на какую-то долю секунды, опять вспыхнул, снова погас и больше уже не зажёгся. Шуру охватил сначала страх, а потом необыкновенная радость.

...К счастью Павлова, садовые ножницы оказались крепкие и хорошо наточенные. Он терпеливо разрезал проволоку, нащупывал её в темноте. Но резать было тяжело, колючая проволока шла тремя рядами и как-то странно скреживалась, точно её перепутали не специально, а по ошибке.

Около Павлова собралось уже несколько человек. С разных концов лагеря они приползли сюда почти одновременно, через несколько минут после того, как погас свет. Но некоторых ещё не было. Когда в проволочном ограждении было прорезано отверстие, Павлов шепнул:

— Ну, товарищи, в добрый час! Идите прямо и ищите просеку. Она тут недалеко.

Первая группа пролезла благополучно, но, когда около Павлова собралось ещё несколько человек и он начал пропускать одного за другим, в противоположном конце лагеря раздался выстрел. Послышался отдалённый окрик часового:

— Хальт! Хальт![18]

Почти одновременно с выстрелом Костя увидел чёрную тень. Не помня себя от волнения, он хрипло спросил:

— Москва?

В ответ услышал:

— Победа!

Ему хотелось кричать от радости. Кто-то притронулся к нему, обнял и поцеловал. Костя не успел придти в себя, как около него уже стояло несколько человек, появившихся точно из-под земли, но все они стояли молча, ждали ещё кого-то.

В лагере началась суматоха. Теперь уже не было сомнения в том, что кто-то попался. В эту минуту Костя вспомнил, что ему ведь следует уже идти, вести людей.

Павлов оставил лагерь последним. Но, как только он выполз за проволоку и встал, ему чуть выше колена обожгло ногу. Он услышал крики часовых и выстрелы из автомата. Сжав зубы, Павлов, прихрамывая, бежал следом за ушедшими товарищами. Он был уверен, что стреляли не в него. «Кто же из наших попался?» — думал он с тревогой.

Когда пленные подошли к Шуру, в лагере застрочил пулемёт и в небо взвились осветительные ракеты.

— Надо спешить, — спокойно сказал нагнавший товарищей Павлов. — Иванов, вы с первой группой бегите первым маршрутом, с девочкой. Бежать как можно быстрее, но осторожно... Вы, Бурыкин, со второй группой следуйте за мальчиком. Все идём в одном направлении до

реки, там, не пересекая её, проходим вброд метров пятьсот, чтобы скрыть следы, и соединяемся в назначенном пункте встречи с Вовой и Жорой.

Бурыкин, тот самый пленный, который первый встретился с Костей и поцеловал его, тотчас тронулся со своей группой. Когда они миновали опушку леса, Бурыкин спросил Костю:

— Правильно бежим, сынок?

— Кажется, правильно, — нерешительно ответил растерявшийся Костя.

На самом деле они сбились с пути вскоре, как покинули лес, и бежали в противоположную сторону от того места, где должна была произойти встреча с Вовой и Жорой.

Шура вела свою группу по намеченной дороге. Ей было легче, так как тропинка выводила прямо к реке. Все бежали тяжело, выбиваясь из последних сил. Двое пленных поддерживали Шуру за руки, и ей чудилось, что она летит по воздуху, не касаясь земли, однако и она почувствовала усталость, когда добежала до реки. Вброд по реке шли молча, спокойно, только Шура, наконец, опомнившись, упрекала себя в трусости, потому что, когда в лагере застрочил пулемёт, она подумала: «Погоня за нами».

В действительности же в лагере даже не заметили побега и подняли тревогу по другой причине. Когда свет погас, один из часовых выстрелил, чтобы дать тревогу. Кто-то из пленных растерялся и в темноте налетел на другого часового, который дал длинную очередь из автомата и убил пленного. После этого застрочили пулемёты с вышек, взяв под перекрёстный огонь изгородь лагеря. Тогда-то и был ранен шальной пулей Павлов, последним выбиравшийся из лагеря.

Теперь он шёл по реке вместе с группой Шуры, напрягая все силы, чтобы не отстать, пока не доберутся до места.

Где Костя?

Ещё до рассвета все ребята, кроме Кости, вернулись в имение.

Не встретившись с Костей, Вова почувал неладное. — «Не попался ли он вместе с пленными? Где он? Где пленные, которых он увёл?» — Утром, чуть свет, Вова запряг волов и, сказав старику, что отправляется за кормами, выехал в поле узнать, не встретились ли с группой Павлова Костя и его товарищи. Жора погнал скот на пастбище, чтобы Эльза Карловна не заметила отсутствия Кости.

Договорились так: если до сумерек Костя не появится, они скажут Эльзе Карловне, будто он утром угнал скот и не вернулся.

Шура рассказала Люсе обо всём, что произошло ночью, и девочки также не находили себе покоя. От имения Эйзен совсем недалеко до лагеря. Гестаповцы с ищейками могли появиться в любую минуту.

Люся постоянно стирала бельё всех ребят. Поэтому ещё на рассвете, как только они вернулись, забрала у них одежду и замочила в корыте, как обычно делала перед стиркой. Так они договорились заранее. Промокшая, грязная одежда могла вызвать подозрение, если вдруг нагрянут с обыском гестаповцы.

В середине дня девочки услышали треск мотоциклов за воротами. Шура выбежала во двор и сквозь щель в заборе увидела, как по дороге в сторону леса пронеслось несколько мотоциклов с вооружёнными солдатами.

— Ищут! — сообщила она Люсе.

— Где ищут?

— Там, в лесу... Я мотоциклы сейчас видела, туда проехали.

Тревога ребят усилилась, когда вечером выяснилось, что Костя так и не вернулся и группа пленных, ушедших с ним, так же неизвестно где. Пленные из группы Павлова, прятаясь в скирдах, ночью должны были уходить дальше, но сам Павлов, раненный в ногу, идти не мог.

Больше всего Вову беспокоило отсутствие Кости. По указанию Павлова, никто из ребят не должен был бежать с пленными, чтобы этим не навлечь беду на тех, кто оставался в имении.

Вове не спалось. Он встал с постели, вышел и тихонько постучал в каморку девочек. Они ещё не спали. Вова рассказал им о своих опасениях. Все хорошо понимали: как только Эльза Карловна узнает о побеге Кости, им не миновать новых допросов, а то, чего доброго, и прямого подозрения в соучастии в побеге пленных.

Долго говорили, прикидывали, советовались и, наконец, по предложению Шуры, решили объявить Эльзе Карловне, что Костя утонул. Костину фуражку и старый пиджак Жора должен был взять с собой и бросить на берегу реки там, где они обычно поили скот. В карман пиджака ребята положили записку, составленную Вовой.

Вова попросил девочек приготовить для Павлова чистых тряпок и, если можно, достать какое-нибудь лекарство.

— Хорошо бы марганец!

— Знаю, — ответила Шура, — но где его взять?

— А у Эльзы нельзя?

— Была не была! Попробуем! — решила Люся.

— Понимаешь, Люся, — стараясь сохранять спокойствие, объяснял Вова, — надо осторожно, очень осторожно... Если Павлова обнаружат, его ведь сразу расстреляют. Да и нам всем — конец.

Пленные должны были в эту же ночь забрать продукты, спрятанные в скирдах, и уйти. Павлов волей-неволей до выздоровления оставался на попечении ребят. Он приказал Вове не приходить к нему, пока всё не уляжется и ребята не убедятся, что опасность миновала.

...А группа Бурыкина за ночь ушла далеко.

Костя ни словом не обмолвился с Бурыкиным о своём желании продолжать путь с ними, но про себя решил: «Как только доберёмся до места, посоветуюсь с Вовой и честно скажу ему, что хочу бежать вместе с пленными.

Перед рассветом группа Бурыкина вышла к реке, километрах в двадцати от лагеря, и во время

короткого отдыха в лесу приняла решение продолжать путь самостоятельно.

Костя чувствовал себя очень скверно. За ночь он многое взвесил и, когда представил себе, что побег его может навлечь беду на друзей, ужаснулся: «Как я раньше не подумал об этом? Нет, я не смогу оставить в опасности Вову, Жору и девочек».

Ему вспомнилось всё: и смерть Ани и отъезд Юры в лагерь. «Вот я, возможно, доберусь до родных, а они, мои верные друзья, останутся у Эльзы Карловны и, может быть, все погибнут, как Аня и Юра».

Костя решил рассказать Бурыкину о своих мыслях и планах и попросить разрешения вернуться к товарищам, в имение. Бурыкин хорошо понял Костю, но, подумав, решил, что отлучка мальчика, конечно, уже обнаружена. Если он вернётся, его могут подвергнуть допросу и пыткам, а это может погубить не только Костю, но и всех его товарищей. И Бурыкин, отрицательно покачав головой, взял Костю за плечи:

— Возвращаться тебе, Костик, теперь уже нельзя. Придётся идти с нами.

Слушая Бурыкина, Костя соглашался с ним, но у него уже не было той радости, какую он испытывал до побега, думая о своём возвращении на Родину. Ведь Вова и остальные ребята могут счесть его трусом и эгоистом. А на самом деле он всегда был с ними заодно, думал о них и своей осторожностью лишь старался уберечь их от излишних несчастий. И, чем дальше он уходил, тем сильнее росла в нём тревога за судьбу покинутых друзей. Они становились для Кости всё дороже и роднее. Он теперь совсем не думал, не беспокоился о себе, хотя путь, предстоявший ему и пленным, был более опасен, чем жизнь в имении.

...На другую ночь Павлов провожал своих товарищей в дальний путь на восток.

— Пробирайтесь осторожно, больше ночами, — напутствовал он. — Не теряйте друг друга из виду. Взаимная выручка во всём. Доберётесь до Польши — там будет легче, найдутся люди, которые помогут. Больше выдержки, товарищи!

Павлов, большевик, крепкий духом человек, считал, что из-за него никто не должен задерживаться. Один из пленных хотел остаться с ним, но Павлов на правах старшего группы приказал ему идти. И добавил уверенно:

— За меня не беспокойся. Я доберусь, как только окрепну, а тебе рисковать не следует.

Выходили пленные из скирды поодиночке. Павлов, преодолевая боль, вылез проводить товарищей. Когда все один за другим скрылись в ночной мгле, Павлов вздохнул с облегчением. Но физически он чувствовал себя очень плохо. Боль в ноге усиливалась и разливалась по всему телу.

«Эх, чёрт возьми, хоть бы марганцем промыть!» — думал Павлов. Ночь тянулась медленно. Наконец, сверху сквозь солому пробился луч утреннего солнца. Павлову страшно хотелось вылезть наверх, но это могло стоить жизни. «Как там сейчас у ребят?» — беспокоился Павлов. С каждым часом ему становилось всё хуже. Он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

Поздно вечером ребята решили ещё на день отложить разговор с фрау Эйзен об исчезновении Кости. Может быть, Эльза Карловна не заподозрит тогда, что пропажа мальчика связана с происшествием в лагере военнопленных. Шура заметила, как мимо окна прошёл старик.

— Лунатик идёт! — известила она.

— К нам? Сюда? — забеспокоился Вова.

— Кажется.

Но старик медленно прошёл мимо.

Полужинав, Жора и Вова пошли на голубятню и внезапно столкнулись на лестнице со стариком. Оказывается, он уже побывал у них наверху, но мальчики не придали этому особенного значения. Потом старик пошёл в каморку девочек, открыл дверь, посмотрел и молча удалился.

Вова и Жора уже засыпали, когда старик снова вошёл к ним и включил свет. Ребята открыли глаза. Лунатик забормотал, указывая на пустое место, где обычно спал Костя. Вова развёл руками. Старик свирепо оглядел Вову, повернулся и вышел. Вскоре прибежала запыхавшаяся Люся:

— Вова, ведьма тебя вызывает.

— Ну, кажется, начинается! — произнёс Вова упавшим голосом.

— Вот это да! Старый чёрт пронюхал! — Жора тоже начал одеваться.

— Ты, Жорка, сиди тут — не надо показывать, что мы встревожены, — сказал Вова, уходя с Люсей.

Жора погасил свет и прилёг на постель.

...Вова вернулся хмурый, Жора вскочил.

— Ну, что она?

Понимаешь, рычит: «Ти руссиш швайн, ти руссиш швайн, пошему молчать, собак? Где этишь фаш Костя?» А потом — бац меня по лицу, сама трясётся, красная, как рак, слюной брызжет...

— А ты что сказал?

— Я сказал, что не знаю. Ушёл Костя куда-то вечером и пропал.

— Правильно.

— Правильно или неправильно, а, кажется, завтра будет нам баня...

Ребята притихли. Вова хотелось сейчас же сбегать к Павлову за советом. Но этого нельзя было делать. Павлов не велел приходить, да и сам Вова понимал, что встречаться сейчас с Павловым он не имеет права — это может погубить всех: Лунатик ходит за ребятами по пятам.

Утром приехали гестаповец с переводчиком. Первым допрашивали Вову. Он заявил, что Костя последнее время чуждался их, ходил скучный, а при встрече за завтраком и за обедом говорил, что сделает с собой что-нибудь, как та девочка, которая повесилась.

— Он последнее время, — выдумывал Вова, — делал так: пригонит скот и сам уйдёт куда-то. Мы уж спать ложились и часто не слышали, когда он приходил.

Из допроса Вова заключил, что гестаповец и переводчик не связывают побега пленных с исчезновением Кости. Такой ход дела успокаивал его. На вопрос, видел ли он вчера вечером

своего товарища, Вова ответил утвердительно и добавил, что он и Жора работали допоздна и спать легли, не обратив внимания на отсутствие Кости.

Жора вошёл, приветствуя представителей власти шальным выкриком «Хайл фюрер!», вместо обычного «Хайль Гитлер!», и, не дожидаясь приглашения, уселся на стул, будто перед ним были не фашисты, а приятели. Гестаповец сухо ответил «Хайль», а переводчик улыбнулся и сказал по-русски:

— Молодец!.. Куда ушёл этот шалопай?

— Он, господин переводчик, и впрямь шалопай, — начал Жора. — Мы работали, устали, а, когда пришли спать, его уже не было. Подумали, что опять где-нибудь уединился. Он часто от нас уходил, всё сторонился нас.

— Говорил он с тобой о побеге? — спросил переводчик, надеясь на откровенность Жоры, которого принял за простоватого мальчугана.

— Что вы, господин переводчик! Он такой скрытный, всё делал тайно от нас, а последнее время только и твердил, что жить не хочет, что завидует той девчонке, которая повесилась, помните?

Шура и Люся отвечали на вопросы переводчика так, как было заранее условлено с Вовой. Одинаковые показания ребят облегчили дело. Допрос закончился для них без осложнений. Гестаповец и переводчик, захватив с собой Жору — он уже завоевал их доверие, — пошли на реку. Жора шёл впереди и про себя думал: «Я вас проведу, собаки». Он прошёл мимо вещей Кости, брошенных на берегу, будто не заметил, хотя сам клал их сюда. Переводчик и на самом деле не увидел их, но гестаповец вдруг остановился:

— Вас ист дас?[19]

Жора повернул назад. Гестаповец пренебрежительно пошевелил ногой пиджак, потом кепку Кости. Жора с растерянным и испуганным лицом сказал:

— Ой, это же кепка его.

— Чьи вещи? — спросил переводчик.

— Его, его, господин переводчик! Ах он, чёрт, да неужто он туда, в реку?.. Вы знаете, он у нас такой, плавал, как топор, у берега больше хлюпался...

Берега реки в этом месте были обрывистые и узкие. Вода точно кипела и с шумом неслась вдаль. Гестаповец обшарил карманы пиджака, вынул листок, оказавшийся обложкой от тетради. На обратной стороне было что-то написано. Гестаповец ткнул пальцем и попросил переводчика разобраться. Кепку и пиджак Кости забрали, как вещественное доказательство.

Вернувшись в имение, гестаповец и переводчик составили акт об утопленнике, дали всем расписаться и уехали.

Они легко поверили в самоубийство Кости. Видно, нередко, доведённые до отчаяния, невольники кончали самоубийством.

Шура успокоилась, но Люся не особенно верила в то, что гестаповцы больше их не потревожат. Она хорошо помнила историю с Аней и с замиранием сердца говорила:

— Эта ведьма будет драть с нас теперь три шкуры от злости. Помните, как она после смерти Ани гоняла нас? А теперь последние жилы вытянет.

Отважные

Павлов тихо стонал. Он был в жару и надолго терял сознание. А, приходя в себя, из-за острой боли не мог пошевелиться, чтобы взять оставленную Вовой пищу, спрятанную в этой же скирде.

Глубокой ночью, побывав в лесу, Вова возвратился в усадьбу расстроенный. Он мучительно думал над тем, как бы поскорее помочь Павлову. Жора ещё не спал.

Глубокой ночью, побывав в лесу, Вова возвратился в усадьбу расстроенный. Он мучительно думал над тем, как бы поскорее помочь Павлову. Жора ещё не спал.

В последнее время у него на теле стали появляться фурункулы. Сначала это были небольшие нарывы, и Жора не испытывал особенных мучений, но вот два дня тому назад на животе вскочил большой фурункул. Жора с трудом двигался, но работать должен был по-прежнему. К ночи у него так разболелись нарывы, что он ни на минуту не сомкнул глаз.

Друзья вместе думали, где достать лекарства для Павлова, и решили с утра поговорить с девочками. Но утром Вова неожиданно получил от Эльзы Карловны распоряжение собираться в город, где ему предстояло пробыть вместе с ней целую неделю.

«Кто теперь поможет Павлову? — беспокоился Вова. — Если и удастся достать лекарства, кто их отнесёт? Ни Шура, ни Люся не знают, где скрывается Павлов, а Жорка болен».

Он разыскал Люсю в саду и рассказал ей, в каком состоянии находится Павлов.

— Только стрептоцид и марганец могут спасти его от смерти, — озабоченно говорил Вова.

— Ладно, Вова. Я, может быть, найду что-нибудь у Эльзы Карловны.

— А кто понесёт?

— Я! — ответила Люся, пытливо глядя на Вову и робко добавила: — Ты расскажи, нарисуй мне план, как найти то место.

— Ночью всё равно тебе не найти, — вздохнул Вова.

— Найду! — решительно заявила Люся.

Они присели за кустом шиповника. Вова достал из кармана маленький листик бумаги и огрызок карандаша. Молча он вывел три квадратика, означавшие усадьбу Эльзы Карловны. Затем повел волнистую линию на север, вверх листа, и под резким углом повернул её на северо-запад. Потом начал, как бы пересекая линию, рисовать деревья. Люся смотрела на всю эту несложную, но малопонятную схему и старалась уяснить её себе.

Нарисовав план со множеством знаков, квадратиков, точек, кружков и каких-то загадочных каракулей, Вова стал тихо объяснять:

— Понимаешь, Люся, ты иди до леса прямо по дороге, никуда не сворачивая. Вот эта линия — дорога. Потом сверни налево, опять по дорожке вот сюда... Она идёт в лес. Понимаешь?

— Понимаю.

— Потом дорога исчезнет. А вот здесь попадётся тебе большое поле жнивья. Его, если ночь лунная, хорошо видно.

— Так.

— Ну, а там и скирды соломы видны — иди к ним. В средней, что побольше других, находится товарищ Павлов.

Люся молчала. Всё было просто и вместе с тем сложно. Вова тоже замолчал. Он думал, как бы лучше объяснить, а Люся думала о том, как бы ей ночью не сбиться с дороги в незнакомом месте. Наконец Вова поднял глаза, и взгляды их встретились. Только сейчас оба почувствовали, как всё-таки хорошо в этом богатом саду: лопались почки деревьев, наполняя воздух пьянящим ароматом, цвела первая сирень, и так хорошо и приятно щебетали птицы, не зная тех забот и тревог, которые испытывали Люся и Вова.

Люся протянула руку к листу бумаги. Её плечо коснулось подбородка Вовы. Он вздрогнул. Люся взяла листок и, краснея неизвестно отчего, принялась рассматривать непонятные каракули. Она ничего не понимала в эту минуту, а Вова смотрел на неё с нежностью и думал: «Какая она хорошая, Люся!» И обоим как-то сразу теплее стало на сердце.

Вова уехал. Шура с утра принялась разыскивать марганец, стрептоцид и бинты. Она обшарила в доме много ящиков и коробок, но безуспешно. На другой день она случайно наткнулась на аптечку и взяла понемногу всего, что попало под руку, думая, что всё это надо отнести товарищу Павлову, а он уж сам разберётся. Едва Шура успела спрятать медикаменты, как в комнату вошёл Лунатик и не выходил уже до конца уборки.

Ночью Люся отправилась к Павлову, но, измучившись, вернулась обратно ни с чем. Она не нашла скирды с соломой, которую так ясно изобразил Вова на бумаге.

— Ничего не поделаешь, надо идти к Жорке, — решили девочки.

Уже светало, и Люся смело вошла в голубятню, зная, что в это время Лунатик переставал бродить по двору.

— Вот это да! И как же ты не могла найти! — удивился Жора.

— Не нашла, да и только! — виновато и с обидой ответила она.

— Пойдём со мной.

— А ты дойдёшь?

— Дойду. Раз надо — значит доберусь, хоть ползком.

На следующую ночь они пошли вдвоём. Шли долго, Жора часто отдыхал, потому что боль сковывала его движения. Когда забрались в скирду, Жора засветил фонарь, предусмотрительно взятый из коровника. Павлов тяжело стонал и метался в бреду. Люся не сводила взгляда с его худого, пышущего жаром лица. Глаза были закрыты, губы потрескались. Руки беспомощно

шарили по соломе.

— Пить, пить... — шептал Павлов, не открывая глаз.

Жора нашёл флягу. Она оказалась полной.

— Вот это да! Значит, он все дни не пил.

Подняв голову Павлова, Жора наклонил флягу. Больной не открывал рта. Вода лилась на подбородок, на голую вспотевшую грудь, запорошенную мелкой соломой.

— Молока лучше дать, — сказала дрожащим голосом Люся.

— Как дать? Он, видишь, не открывает рта.

— А ты намочи ему голову, — сказала Люся и поднесла к носу больного пузырёк с нашатырным спиртом, который Шура посоветовала ей взять с собой.

Жора смочил Павлову лоб и волосы. Через несколько минут Павлов чуть приоткрыл красные веки и тихо произнёс:

— Вова... сынок...

— Это мы с Люсей! — торопливо отозвался Жора. После того как Павлов выпил немного молока, ему удалось с помощью Жоры и Люси привстать.

— О, да вас двое!

Люся быстро делала перевязку, Жора светил фонарём.

— Мы, товарищ Павлов, не могли раньше, — виновато объяснял Жора, — я болел, Вова уехал, а Люся и Шура дороги не знали. Вы уж нас простите.

— Ничего. Вы молодцы, — тихо ответил Павлов.

— Вам не больно? — спрашивала Люся тревожно.

— Ничуть, — морщась от боли, отвечал Павлов.

Закончив перевязку, Люся подняла глаза на Павлова. Он сидел спокойно, тяжело дыша и слабо улыбаясь.

— Только советские ребята способны на такое, — сказал он. — Вот я смотрю сейчас и думаю: сколько растёт нам на смену настоящих, верных Родине, партии, людей!.. Эх, родные вы мои, да если бы вы знали, какие вы сильные, отважные! Вот почему нас не победит никакой враг!..

Люся с Жорой возвращались довольные, забыв усталость и опасность.

— Как ты думаешь, Жора, товарищ Павлов выживет?

— Ну, конечно! — с жаром ответил он.

— Ему больно, наверно: ведь рана-то какая!

— Конечно, больно. У него кость перебита.

— А почему он не стонал? — удивилась Люся.

— Потому что он большевик, коммунист!

— Но ведь ему больно?

— А ты не знаешь, как он нам сказал с Вовкой в прошлый раз. «Большевики, — говорит, — это люди крепче стали». Вот как. «Это, — говорит, — люди особые». Ну, как бы тебе сказать... Это люди, которых ни огонь, ни тюрьма, ни смерть — ничто взять не может.

— Но ведь и они на войне погибают, — сказала Люся, — как и все.

— А вот и не как все!

— А как?

— Как большевики! И мы тоже большевики, — с гордостью заявил Жора.

— Ну, какие мы большевики! — усомнилась Люся.

— А вот и большевики! Товарищ Павлов так называет нас!

Юные мстители

Павлов выздоравливал. Вова по ночам навещал его. Если он был занят, Павлова навещала Люся или Шура. Ребята не могли и представить себе, как они останутся без старшего товарища и друга.

Однажды Вова пришёл к Павлову возбуждённый и встревоженный. Гитлеровцы поймали бежавшего в одиночку русского пленного и отвели его, избитого, еле живого, в лагерь. Сопровождали беглеца трое вооружённых солдат с огромной сторожевой собакой. Всё это не могло не вызвать у ребят страха за Павлова. Разговаривали долго. Павлов рассказывал о войне, о своей жизни и заверял Вову, что он не попадётся врагам. Сам он, конечно, не был в этом уверен, но говорил так для того, чтобы успокоить Вову и его товарищей. В этой душевной беседе Вова вдруг спросил у Павлова о том, как он попал в плен?

— Попал я, сынок, нелепо, — тяжело вздохнув, сказал Павлов. — Мы были в обороне. Наш батальон прикрывал отходящие части. С флангов силы были слабые. Связь с соседями, которые действовали рядом, нарушилась, но бой мы всё-таки вели. Мы и не знали, что нас уже окружили. Меня в бою контузило. А очнулся я уже в плену...

Вова слушал внимательно и чувствовал, что Павлов разговаривает с ним, как со взрослым...

Мальчики были озабочены заготовкой продуктов на дорогу для Павлова, который собирался скоро уходить. В одну из поездов на станцию за углём они заметили на складе какие-то ящики.

— На станции, товарищ Павлов, — рассказывал Вова, — есть склады. Только вот мы не знаем, как подобраться да стянуть пару ящиков... Там, наверное, есть что-нибудь съестное. Вот бы хорошо для вас на дорогу!

Павлов задумался и, помолчав, спросил:

— Склады военные?

Павлов задумался и, помолчав, спросил:

— Склады военные?

Не знаю. Часовые ходят с автоматами.

— Нет, это не годится. Это дело, сынок, пахнет порохом, — сказал Павлов, — на мушку можно попасть. Повременим, может, что-нибудь подвернётся попроще.

Во всём поведении Павлова Вова видел осторожность, расчёт, в разговорах он давал умные советы, наставления. Начиная даже маленькое дело, Вова тоже старался походить на него, сдерживал ребят от излишнего задора, а, когда собирались вместе, рассказывал им о Павлове, подражая его манере говорить тихо, спокойно, обдумывая каждое слово.

Однако время шло, а продуктов ребята не добыли. Посоветовавшись с Жорой, Вова решил, что им надо действовать более решительно, чем до сих пор.

Уголь, который они возили для усадьбы Эльзы Карловны, находился метрах в десяти от склада. Станция была тесная, забитая вагонами, разбитыми паровозами, застроенная складскими помещениями. Под навесом с замаскированной крышей были сложены небольшие тёмно-зелёные ящики, бумажные мешки и огромные бочки. Склад был длинный, метров восемьдесят, без стен, на чугунных столбах и упирался одним концом в штабель угля, другим — в тупик железнодорожного полотна.

Часовой мерно расхаживал у склада. Вова начал изучать его повадки. Если часовой, проходя вперёд, делал две остановки, Вова успевал сосчитать до трёхсот; если останавливался один раз — до двухсот семидесяти; если не останавливался совсем — до двухсот пятидесяти.

«Значит, — решил Вова, — дорога часового до тупика занимает около четырёх минут».

Оставалось проверить, часто ли часовой не доходит до конца, поворачивает ли голову назад и вообще, как рьяно выполняет свой служебный долг.

Жора нервничал от нетерпения. Он по-приятельски упрекал товарища:

— Слишком долго кумекаешь! Чего ждать! Да я — раз и готово! Пока немец ползёт туда и обратно, я сумею добежать до склада и вернуться с ящиком...

Но Вова не решался действовать очертя голову. Он опасался, как бы не появился кто-нибудь со стороны линии. Наконец время подошло к вечеру.

— Пора! — сказал Вова, как заправский разведчик обшаривая взглядом местность.

Часовой пошёл к тупику. Вова предупредил Жору: «Следи за линией и, если покажется кто-нибудь, дай знать», а сам кинулся к складу, не сводя глаз со спины часового.

Обратно он бежать не мог и шёл медленно, сгибаясь под тяжестью ящика, будто в нём было не десять килограммов, а целых сто. Лицо Вовы покраснело, глаза блестели, а сердце стучало так, точно хотело вырваться из груди.

Жора кинулся ему навстречу и подхватил ящик. Через минуту куски угля глухо застучали по

крышке, но ребята всё ещё не решались взглянуть на часового.

Когда ящик был спрятан, они подняли головы. Часовой шёл обратно спокойным, размеренным шагом и глазел на проходящий поезд с солдатами.

— Ну и ну! — произнёс Жора и посмотрел на друга такими довольными и озорными глазами, что тот заулыбался.

Однако ящик, добытый с таким трудом, разочаровал их. Там оказались не продукты, а что-то совершенно непонятное: рыжевато-жёлтые кубики, шнур и гильзы красной меди. Уходя к Павлову, Вова взял пару кубиков, моток шнура и несколько гильз.

— Мы думали, что продукты, — виновато говорил он, — а это оказалась вон какая штуковина!

— Где взяли? — удивлённо спросил Павлов.

— На станции, на складе, — печально ответил Вова, стараясь не глядеть в глаза Павлову.

— Да это же взрывчатка, тол! Понимаешь ты, сынок, какой это «продукт»? Из этого «продукта» мы заварим такую кашу, что гестаповцы с ног собьются. Только бы удалось!

Павлов внимательно разглядывал толовые шашки, шнур и взрыватели, вертел их в руках и долго не мог оторваться от Вовиного «подарка». Он смотрел на кубики, как голодный на кусок хлеба. Павлов о чём-то сосредоточенно думал.

— Ну, так... действуем, сынок! — произнёс, наконец, Павлов, и начал трепать Вову за волосы, приговаривая: — Ну и молодцы, ну и удружили!..

Готовились к диверсии долго, осторожно. Вначале Вова, по поручению Павлова несколько раз ходил на линию железной дороги, чтобы понаблюдать, как часто и в какое время ночи на перегоне между станцией и разъездом появляется обходчик, какие расположены поблизости строения. Железнодорожная линия проходила лесом. Невысокие деревья посажены рядами. При случае можно было укрыться, выждать удобный момент.

Наконец Павлов сам побывал на станции вместе с Вовой.

Ночь была лунная. Бор показался Вова сплошной стеной с зубчатой, причудливой верхушкой. Где-то гудел паровоз, скрипели сухие сосны от сильного ветра. Добравшись до линии, они осторожно пошли по опушке. Вова смутился, когда Павлов остановился и сказал:

— А вот мостика этого ты и не заметил...

И в самом деле, Вова точно впервые видел небольшой мостик, хотя бывал здесь несколько раз.

— Да, сынок, место что надо, хорошее. Вот здесь, у мостика, мы и попробуем. Только ночью надо выбрать подходящую, тёмную, ненастную. Как думаешь, сынок?

— Я... я думаю, это правильно, — запинаясь, ответил Вова. Его даже в жар бросило — так было приятно, что Павлов советуется с ним.

На диверсию вышли ночью.

Павлов рыл гнёзда под шпалами у самого основания моста и закладывал шашки, а мальчишки засыпали их песком и землёй. Они очень спешили: скоро с разъезда должен был выйти поезд.

— Готово. Отходим! — тихо произнёс Павлов, уводя ребят и сторону.

Он оставил их на опушке леса, метрах в четырёхстах от линии, а сам пошёл назад, чтобы поджечь бикфордов шнур.

Ждите меня здесь, — сказал он и скрылся в темноте.

С соседнего разъезда слышались гудки и шипение паровозов, стук колёс и звонкий лязг вагонных буферов.

Вова и Жора сидели, затаив дыхание. По их расчёту, поезд приближался к тому месту, куда ушёл Павлов. Они сидели и ждали, прислушиваясь к каждому шороху, но Павлова всё не было.

И вдруг страшный взрыв потряс воздух и землю. Эхо мгновенно подхватило гром, треск и скрежет металла и понесло по лесу.

— Так их, проклятых! — внезапно выкрикнул Вова.

— Ну и тряхнул их товарищ Павлов, — тихо добавил Жора.

Вова и Жора поднялись на ноги, всматриваясь в темноту и с тревогой думая о старшем товарище.

— Может, с ним случилось несчастье? — вдруг спросил Вова не своим голосом.

— Ну, нет. Он не такой, — уверенно возразил Жора.

Из темноты появился Павлов.

— Вот и порядок! — сказал он, и они скрылись в лесу.

На другой день по всей округе разнеслась весть о том, что «по какой-то странной случайности подрывался и слетел под откос военный эшелон, уходивший на Восточный фронт».

Пожалуй, впервые с тех пор, как их увезли в неволю, Вова и Жора почувствовали себя счастливыми: они тоже борются с врагом!

Но и забот у них прибывало. Павлов советовал последить за Максом. Макс, по мнению Павлова, не внушал доверия, хотя, по словам Вовы, он был «хорошим немцем». «Кто знает, может, его подослало гестапо, чтобы наблюдать за ребятами!» — думал Павлов и каждый раз подробно расспрашивал Вову о встрече и разговорах с Максом.

На этот раз Павлова заинтересовало, как отнесётся Макс к диверсии, что он знает о ней, и вообще заговорит ли на эту тему с ребятами. Вове он строжайше запретил самому начинать об этом разговор. И всё-таки Вова не утерпел. Он целый день ждал, что Макс сам с ним заговорит, но тот был почему-то особенно мрачен. Вова решил вызвать Макса на откровенность.

В обед Люся вынесла мальчикам суп с вороньим мясом. Последнее время Жора приспособился ловить ворон маленьким капканчиком, который он случайно нашёл на скотном дворе. Однако Эльза Карловна запретила варить «эту падаль» в доме и есть ворон на кухне.

— Макс, попробуешь нашей «дичи»? — предложил Вова.

Макс улыбнулся и покачал головой:

— Пока не хочется, но скоро фрау Эйзен, кажется, и меня заставит жарить ворон.

Они разговорились. Макс пожаловался, что Эльза Карловна считает его лодырем, бездельником и собирается выгнать.

— И как мне быть? — говорил Макс. — Ноги мои, видишь, плохие. Ходить тяжело, только и живу тем, что руки целы. Я сказал хозяйке, что договор наш ещё не окончился и она не может меня прогнать, пока я место не найду, а она заявила, что я неблагонадёжный немец, и пригрозила сообщить об этом агенту по борьбе с внутренними врагами Германии.

— Это как понять — «неблагонадёжный»? — поинтересовался Вова.

— Любого бедняка можно сделать неблагонадёжным, — нахмурился Макс, — вот сегодня уже ищут таких неблагонадёжных. Но их-то найти трудно, это народ крепкий, вроде ваших русских партизан.

— Где ищут? — насторожился Вова.

— Везде. Поезд подорвали вчера на линии. Вот и ломают головы в гестапо.

— Поезд? — Вова сделал недоуменное лицо. — Скажите! А это опасно быть «неблагонадёжным» немцем?

— Поезд? — Вова сделал недоуменное лицо. — Скажите! А это опасно быть «неблагонадёжным» немцем?

— Не будь у меня двоих детей и жены больной, не стал бы я терпеть, — почти злобно сказал Макс, — ничего бы не испугался. Я теперь многое понял...

Появление Эльзы Карловны прервало их беседу, но Вова поверил словам старого работника и понял, что опасаться Макса ребятам нечего. Но и откровенничать особенно, тоже не следует, кто знает, как может обернуться дело.

«Не сдадимся!»

Давно ушёл большевик Павлов, неизведанными дорогами пробиваясь на Родину. Уходя, он дал слово своим маленьким друзьям вернуться вместе с Красной Армией.

Прошло лето, осень прошла, наступила зима. В декабре 1942 года в доме Эльзы Карловны разместилось отделение госпиталя.

Раненые солдаты часто повторяли: Сталинград, Москва, Волга, Ленинград. «Где сейчас немцы? — думали ребята. — Может быть, и в самом деле в Сталинграде или в Ленинграде, а то и у стен Москвы?» Ведь они ничего не знали.

Однако по виду Эльзы Карловны и из разговоров раненых ребята поняли, что фашистам в России «жарко». Однажды Жора спросил у раненого.

— Как в России — гут, хорошо?

— Нихт гут, некарашо. Руссиш зима никарашо, руссиш Катюша некарашо.

— А что это за Катюша такая? — интересовались девочки, когда Жора рассказал им об этом.

— Пойдите, узнайте у них! — пожимал он плечами. — Всё время бормочут про какую-то Катюшу: «Катюша пук-пук...» Я так ничего и не понял.

— А кто же всё-таки, эта Катюша? — не унималась Шура.

— А помните песню про Катюшу? — Люся тихонько пропела:

— Расцветали яблони и груши... Наверное, Катюша — это героиня... Понимаешь, народная героиня. Смелая, гордая, бесстрашная. Она фашистов бьет, прославилась на всю нашу Родину, вот вояки фашистские от страха и бормочут: «Катюша! Катюша!»

Так и решили ребята, что Катюша — это народная героиня.

В другой раз Жора принёс ещё новость: на фронте убит муж Эльзы Карловны — Фриц Эйзен.

— Сам видел, — торопился рассказать Жора. — Подали ей пакет с чёрной каёмкой. Она разорвала его, посмотрела на листок да как завопит: «Фриц, Фриц!.. Майн Фриц капут!..»

Люсе и Шуре не разрешили больше доить коров, чистить картофель, печь хлеб для раненых: им не доверяли. Они только убирали в комнатах, топили печи, вместе с ребятами резали сено, помогали ухаживать за скотом.

Жора по-прежнему приносил какие-нибудь новости. Однажды он прибежал к девочкам и весело доложил:

— В Германии траур! Панихиду служат по фрицам, укокошенным под Сталинградом!

— Правда? Ты как узнал? — спросила Шура.

— Везде флаги траурные, немцы твердят: «Сталинград, Сталинград...» Я спрашиваю у Макса: «Почему все ваши немцы наш Сталинград знают?» А он отвечает: «Ваши русские дерутся там, как черти», а сам говорит без злобы, улыбается.

— Эх, если бы послушать Москву! — вслух мечтала Люся.

Вошёл Вова.

— Траур по всей Германии! Поняли! Траур! Колом в горло дал фашистам наш Сталинград.

Он был весел, говорил, что видел многих немцев с чёрными повязками на рукавах.

— А Макс ходит без повязки, — улыбнулся Вова. — Я спросил у него: «Что это все чёрные повязки на рукава понацепляли, а ты не носишь?» Он ответил: «Я, наверное, скоро дождусь, что по мне траур носить станут». — «Это как же так?» — спрашиваю. А он засмеялся и отвечает тихо, будто по секрету: «Мы, думается мне, допобеждались до того, что скоро всех калек, таких, как я пошлют на Восточный фронт и самого фюрера защищать будет некому». Как он это сказал, я подумал: Макс настоящий человек, хоть и немец... Понятно, дали наши перцу фашистам под Сталинградом, ох, дали!

— И ещё дадут, — добавил Жора.

— Точно. В Германию придут! Теперь уж я уверен, придут! — закончил Вова.

* * *

Ребят очень воодушевили слухи о победе Красной Армии. Им так хотелось чем-нибудь помочь своим наступающим войскам, сделать такое, чтобы можно было сказать: «И мы боролись, не сидели сложа руки».

Английские и американские самолёты стали часто сбрасывать бомбы над городом. Однако завод, находившийся неподалёку от усадьбы, оставался почему-то невредимым. Это больше всего удивляло ребят, но, когда Жора спросил об этом Макса, тот ответил:

— Ворон ворону глаз не выклюнет.

В часы бомбёжек все обитатели имения, кроме ребят, лезли в подвал. Зато они в это время могли делать всё, что угодно.

Во время ближайшего авиационного налёта Вова собирался спалить стоящее в скирдах сено — пусть думает Эльза Карловна, что на её сено упала зажигательная бомба.

Самолёты налетели неожиданно. Вова бросился к скирдам. В руках у него была зажигалка и флакон с бензином. По дороге он соображал, с какой стороны лучше запалить сено.

Самолёты гудели где-то над головой. Невдалеке таяли зенитки, и совсем близко рвались бомбы, но опять не над заводом, а где-то в городе, Вова вернулся усталый, мокрый и перепуганный.

Уже подбегая к усадьбе, он обернулся и увидел, как запылало сено.

Он тут же обнаружил свою ошибку: на снегу был отчётливо виден след, ведущий от усадьбы к стогам. Только сейчас Вова понял, как оплошал. Надо было выбежать сначала на дорогу, к лесу, а потом уже свернуть к стогам, а он туда и обратно бежал прямо через поле от усадьбы.

Ребята встретили Вову радостно, но сразу заметили его мрачное лицо.

— Что случилось? — спросил Жора.

— Я, кажется, наделал беды. Утром всё может обнаружиться.

Вова рассказал, в чём дело. Все молча переглянулись — правда, это могло плохо кончиться.

— Может, ещё снежок пойдёт, — успокаивал Жора.

Всю ночь никто не сомкнул глаз. Шура выбежала на улицу чуть свет и вернулась весёлая:

— Снег-то какой! Хлопьями валит, хлопьями!..

В это утро, убирая комнаты, Шура нашла ампулу с какой-то жидкостью и на всякий случай положила её к себе в карман. За обедом она вспомнила про свою находку, и показала её Жоре.

— Что это, по-твоему, такое?

Он взял ампулу, повертел в руках, прочёл надпись и, вскинув живые, острые глаза, сказал:

— Это стрихнин!

— А для чего он?

— Волков травить, — ответил за товарища Вова. — У нас старичок-охотник рядом жил, так он зимой волков травил стрихнином.

— Дай-ка мне! — загорелся Жора.

— Нет, — спокойно ответила Шура, — не дам.

— Зачем тебе? Отдай, — сказала Люся.

Но Шура положила ампулу в карман, подмигнула многозначительно и ушла.

После обеда Жора снова встретился с Шурой. Он таинственно подозвал её и тихо шепнул:

— Отдай мне стекляшку.

— Зачем тебе?

— Отдай! — настаивал Жора. Глаза его горели. Он уже обдумал, как употребить яд, и поэтому был так настойчив.

— Ну, зачем она тебе? — повторила Шура.

Жора нагнулся к её уху:

— Коров да свиней травить. Вот будет порядок!

— Коров и свиней? — повторила тихо девочка.

— Да.

— Ладно, потом, — сказал Шура и убежала.

Вечером в имении появился незнакомый офицер. Из разговоров его с Эльзой Карловной Шура поняла, что он просит у хозяйки разрешения сделать в её доме короткий привал для своего отряда, отправляющегося на станцию, а оттуда на фронт в Россию.

Ампула с ядом была всё ещё в кармане у Шуры. Она не отдала её Жоре, потому что боялась, как бы сгоряча он не сделал какой-нибудь глупости.

Шура собиралась посоветоваться с Люсей, куда девать яд, и забыла про ампулу. Она вспомнила о стрихнине только теперь, узнав, что отряд фашистов идёт на Восточный фронт.

Из окна кухни Шура наблюдала, как солдаты заполняли двор, как они, засучив рукава и перешучиваясь, готовились мыть руки. Шура смотрела на них, бледная, охваченная одним чувством безудержной ненависти: «Они поедут к нам, в Советский Союз, убивать наших людей...»

Она стояла, засунув руки в карманы и гневно сжав кулаки. И вдруг нащупала маленькую, хрупкую ампулу. Мысль, мгновенно поразившая Шуру, была так отчётлива, что она удивилась, как не подумала об этом раньше. Ей показалось, что время остановилось и кругом стало очень тихо, словно весь мир прислушивался сейчас к тому, что происходило на кухне. Сейчас она уничтожит этих солдат, которые идут на Восточный фронт.

Шура еще раз взглянула на них. Но солдаты уже не смеялись. Они рассаживались как попало — на земле, на дровах. Как видно, первое возбуждение, вызванное радостью предстоящего отдыха прошло, а сам отдых обещал быть слишком коротким, чтобы ему радоваться. Лица солдат были усталые, на них не оставалось и признака веселья.

Шура жадно и торопливо оглядывала одного, другого... Как много среди них пожилых. А вот один совсем старый, у него даже волосы седые...

Солдат посмотрел на неё и улыбнулся обыкновенной, доброй улыбкой. Когда Шура отпрянула от окна, на его лице появилось выражение не то растерянности, не то обиды. Он вздохнул, отвернулся и стал оглядывать массивные, прочные сараи Эльзы Карловны равнодушно, даже, пожалуй, отчужденно. Никогда не доводилось ему владеть такими сараями.

Шура отошла от окна, разбитая и ослабевшая, словно не один миг, а долгие часы глядели друг другу в глаза она и тот пожилой, усталый солдат. Шура не могла бы даже сказать, о чём думала она в эту минуту и правильно ли было то, о чём она думала, но она вполне отчётливо сознавала, что не может убить этого простого старого человека.

Измученная, она вынула из кармана ампулу и, ни о чём не думая, рассматривала её, положив на ладонь. Как раз в тот момент на кухню вошла санитарка. Она пристально посмотрела на Шуру и выслала её из кухни, подозрительно поглядывая на молоко, стоявшее в огромном эмалированном ведре. Машинально положив ампулу снова в карман, Шура взяла таз с водой и мыло, думая только о том, как бы не споткнуться, у неё подкашивались ноги.

После рабочего дня, когда ребята собрались на кухне ужинать, Шура рассказала, что её вызывал гестаповец и отобрал у неё ампулу с ядом. Не закончив рассказ о том, что там было, она закрыла лицо руками и заплакала.

— Надо разобраться, — сказал Вова, — а в панику бросаешься зря.

За столом воцарилась тишина. В этот вечер никто не притронулся к ужину. Все поняли, что история с ядом не кончится так просто, санитарка, конечно, может сказать что угодно, но ведь ей поверят больше, чем русским ребятам.

Шуру забрали ночью. Люся видела в окно, как её, избитую, с растрёпанными волосами, провели через двор в кирпичную пристройку с решётками. Она шла, еле передвигая ноги. Солдат открыл дверь и толкнул Шуру прикладом автомата так, что она упала через порог.

Затем посадили в подвал Жору, Люсю и Вову, но отдельно от Шуры. В подвале было темно, холодно, сыро. За дверью раздавались мерные шаги часового. Ребята долго не могли придти в себя и сидели молча. Но вот шаги часового стали глуше.

— Давайте, ребята, договоримся, как держаться — предложил Вова. — Будем отвечать, что ничего не знаем. Согласны?

— Согласны-то согласны, — начал Жора, — но я думаю, Вова, так: лучше объявить, что яд нашёл я, а не Шура.

— Нет, Жорка, не выйдет. Ведь санитарка всё видела, — сказала Люся.

Шаги часового раздались у двери. Все замолчали.

Жора мысленно готовился к истязаниям и дал себе слово, что бы с ним ни случилось, ничего не говорить этим мерзавцам. Люся думала только о Шуре и тихо шептала:

— Шурочка милая, что же будет с тобой?..

Вова упрекал себя в том, что вовремя не отобрал яд у Шуры. А теперь разве эти звери поверят ей? «Как же это я прозевал?» — сокрушался он.

...Гестаповец с круглыми ледяными глазами сидел за столом, не сводя тупого жесткого взгляда с Шуры. На ней, вместо платья, болтались лохмотья, лицо было в ссадинах и синяках. Она не могла стоять — её поддерживали двое охранников.

— Ты большевичка? — спросил переводчик.

Шура подняла голову. Да, этот немец совсем не похож на того, седого, улыбнувшегося ей. Твёрдым голосом она ответила:

— Я советская школьница.

— Где взяла ампулу с ядом? — допытывался переводчик.

— Подобрала на полу в госпитале.

— Украла?

— Я уже ответила, — повторила Шура.

— Ты хотела вылить яд в молоко?

— Если б хотела, то вылила бы, не побоялась!

— Но тебя остановила санитарка?

— Вы лжете, вы просто фашистский холуй, мерзавец!

Переводчик торопливо перевёл её слова. Гестаповец сразу переменился в лице. Он встал из-за стола, взял пистолет. Его удивляла и злила смелость этой избитой маленькой, худенькой девочки.

Гестаповец вышел на середину комнаты и впился в Шуру глазами стервятника. Потом со всего размаха ударил её пистолетом в грудь.

Шура с коротким стоном упала на пол, стукнувшись головой о каменную стену подвала. Она хотела что-то сказать, но гестаповец ударил её сапогом в грудь и крикнул бешено:

— Убрать!

Девочку вытащили волоком из комнаты и бросили в машину, дежурившую у подъезда. Она была без сознания, умирала.

Вову, Люсю и Жору ещё до вызова к гестаповцу жестоко избили. Люся стояла перед столом офицера и дрожащим голосом сквозь слёзы отвечала, что она ничего не знает. Она не имела права говорить больше, чем ей было позволено Вовой, как старшим товарищем. После безуспешных попыток добиться от Люси чего-нибудь ее пинком сапога, выбросили за дверь.

Жора и Вова были вызваны одновременно. Жора бойко прокричал приветствие «Хайль фюрер!» и прямо подошёл к столу, пошатываясь, но стараясь сохранить бодрый вид. Вова следовал за ним. Гестаповец, видимо, принял ребят за простачков. На них были старые пиджаки с длинными рукавами, сползающие с бедер брюки. В этих костюмах они казались совсем заморышами, щуплыми и забитыми мальчишками.

Они рассказали, что весь день возили ящики с продуктами для госпиталя и Шуру с утра не встречали. Это же подтвердили Эльза Карловна и Макс. Гестаповец определил, что виновата во всём только Шура, однако для устрашения и «порядка» избил ребят до такой степени, что они самостоятельно не могли выйти из подвала. Выброшенные за дверь, они лежали там до тех пор, пока гестаповец не уехал. Только под утро Макс помог им добраться до голубятни и трое суток ухаживал за ними украдкой от Эльзы Карловны.

* * *

Наступили тяжёлые дни. Шура не вернулась. Все поняли, что больше её не увидят... Жестокая расправа заставила Вову, Жору и Люсю задуматься: как быть дальше, что делать? Сидеть сложа руки они уже не могли, однако, как ни душила злоба к фашистам, действовать надо было очень осторожно: за каждым их шагом следили.

Однажды Макс и Вове пришлось вместе ремонтировать забор. Они работали молча. Когда Макс присел отдохнуть и закурил, Вова сел рядом. Деревья скрывали их от посторонних глаз. Вдруг Макс спросил:

— Это правда, что ваша девочка вылила яд в молоко для солдат?

— Нет, неправда, — сказал Вова.

Но рассказывать, как было дело, он не стал. Говорить об этом с Максом не хотелось, он не поверит...

— Тогда почему же её убили?

— Ваши убили уже многих из нас... И Аня погибла и Юрку увезли в лагерь умирать. Что ни день — мученье, смерть... Вы ведь сами всё видите...

В словах Вовы Макс почувствовал горькую правду, упрёк, это обожгло его сердце ещё и потому, что в последние дни он сам всё сильнее испытывал жестокую несправедливость.

Фрау Эйзен, ни с того ни с сего нарушив договор, наполовину уменьшила ему плату. Он пробовал протестовать, и тогда на голову его обрушились угрозы.

— Я, — кричала фрау Эйзен, — помогаю фюреру и Германии, а ты ешь мой хлеб! Ты неблагодарный! Я отправлю тебя туда, где ничего платить не будут и спустят с тебя шкуру!

Вначале Макс думал, что всё обойдётся, фрау Эйзен одумается. Но вышло не так. На следующий день его вызвал агент гестапо и заявил, что располагает документами, уличающими его в преступлениях против фюрера и Германии.

— Теперь я подследственный немец, неблагонадёжный, — закончил Макс дрожащим голосом. — Да, ты прав, мальчик, вот какие у нас порядки!

Весь день Макс был скучный, неразговорчивый, жаловался на плохое настроение, точно

чувствовал, что с ним произойдёт какая-то неприятность.

Под вечер в имение привезли раненых с Восточного фронта. Помогая разгружать автобус, Макс поднял какой-то листок, свёрнутый вчетверо. Отойдя в сторону, он развернул листок и не смог от него оторваться. Это была русская листовка на немецком языке, которую, наверное, обронил кто-нибудь из солдат. Макс прочитал её несколько раз, свернул и положил в карман. Офицер, стоявший около машины, сделал ему повелительный жест, подзывая к себе. Макс подошёл к нему. Офицер строго спросил:

— Вы листовку читали?

— Никак нет! — ответил Макс.

Я требую вывернуть карманы! — кричал он.

— Господин обер-лейтенант, я ничьих карманов не проверяю и вас прошу не проверять моих.

Офицер ударил Макса костылём. Жора и Вова прильнули к окну голубятни как раз в тот момент, когда у автобуса поднялась возня и раздались крики.

— Гляди, гляди, Макс дерётся! Вот это да! — закричал Жора.

Но Макса уже уводили. Избитый, беспомощный, он ещё больше согнулся, еле ступая на больную ногу. Злобным взглядом провожали его за ворота Эльза Карловна, Лунатик и раненые офицеры. Только двое русских мальчиков — Вова и Жора — с сочувствием глядели ему вслед. Но Макс их не видел.

Когда Макс и сопровождающие его солдаты скрылись за изгибом каменного забора, Вова со вздохом сказал:

— «Неблагодёжный» немец вряд ли вернется в имение.

— Да, упекут его в тюрьму, хоть он и немец.

Мальчики понимающе поглядели друг на друга, может быть, впервые заметив, как они оба выросли, возмужали, стали разбираться в таких вопросах, которые ещё год назад казались им неразрешимыми.

— Нельзя их в покое оставлять, — сказал Жора, провожая ненавидящим взглядом Эльзу Карловну, входившую в дом в сопровождении офицера на костылях.

— Нельзя их в покое оставлять, — сказал Жора, провожая ненавидящим взглядом Эльзу Карловну, входившую в дом в сопровождении офицера на костылях.

— Помнишь, как у челюскинцев на льдине газета называлась? — как бы невпопад ответил Вова.

— Не помню.

— Хорошее название они придумали: «Не сдадимся!»

— Не сдадимся. Драться будем. Да? — повеселел Жора.

— Угадал, — ответил Вова, — будем, обязательно будем!

— Пойдём вниз, не надо Люсю одну оставлять.

Они спустились с лестницы в обнимку. Им, казалось, что ступеньки выстукивали с сердцем в лад: «Не сдадимся! Не сдадимся!»

Часть третья

Ганс Клемм

Ганс Клемм — член гитлеровской партии национал-социалистов был командирован на завод нового оружия. Инженер по образованию, фашист по убеждению, он получил назначение мастером в цех, где начинались головки фаустпатронов[20] секретным взрывчатым веществом, обладающим огромной силой сосредоточенного взрыва.

На заводе Ганса Клемма никто не знал. До сорока лет он прожил в Западной Германии и ни разу не бывал дальше Эльбы, а теперь собирался ехать на службу в Восточную Германию.

Старый холостяк, страшно беззаботный и всегда нагло-весёлый, Ганс Клемм перед отъездом в Берлин расхвастался в кабаке о том, какое важное получил он назначение. Его болтливостью воспользовались подпольщики.

Отъезд Ганса Клемма ожидался со дня на день. Его уже ждали на заводе, но дело задерживалось из-за оформления специальных документов, которые он поехал получать в Берлин лично.

Получив документы, Ганс Клемм, насвистывая весёлый мотивчик, зашёл в один из дешёвых ресторанов Берлина, чтобы пообедать, выпить на радостях и вечером на собственной машине «Опель адмирал» выехать на завод по автостраде Берлин — Бреслау.

Подпольный комитет имени Эрнста Тельмана хорошо изучил характер, манеры и привычки Ганса Клемма и подготовил ему двойника, который, вместо него, должен был прибыть на завод и развернуть там подпольную работу.

За Гансом Клеммом было установлено наблюдение. Поэтому, когда он вошёл в ресторан, его ждал там человек.

Все столики были заняты. В маленьком ресторане, торговавшем пивом, было всегда многолюдно, — он стал любимым местом средних чинов гитлеровской армии и тыловых гитлеровцев, которые часто после службы заходили сюда, чтобы выпить пива или вина, послушать музыку, а также последние новости с фронтов «из первых рук», то есть от прибывших в отпуск офицеров.

Человек, которому было поручено встретиться с Гансом Клеммом, уже сидел за единственным столиком, не занятым, кроме него, никем. Ганс Клемм не сразу увидел свободный столик, но, пройдя вперёд, понял, что мест нет, и повернул к выходу. Как раз у входа, в углу, за столиком на три персоны сидел человек в костюме лётчика. Ганс Клемм подошёл к нему и, приветствуя «Хайль Гитлер», спросил:

— Могу ли я занять одно место?

— Прошу вас, — любезно ответил лётчик.

— Вы, вероятно, ждёте кого-нибудь?

— Совершенно верно, ожидаю товарища-фронтовика, — ответил тот.

— О, это интересно, я очень буду рад познакомиться с вами и вашим товарищем!

Клемм сразу проникся доверием к лётчику, у которого на кителе болталось два железных креста — высшая награда Гитлера.

— Вы давно с фронта?

— Второй день, — ответил лётчик.

— Откуда?

— С востока.

— О, это тем более интересно, — снова воскликнул Ганс Клемм и начал жаловаться на судьбу специалистов, обречённых отсиживаться в тылу.

— Вы знаете, — начал он, — я служил в концлагере и, признаться, эта работа надоела мне. Представьте себе, — хвастал он, чтобы расположить лётчика, — мне ежедневно приходилось допрашивать десятки всяких политических негодяев, возиться с ними и часто «разговаривать» оружием. Под конец я дошёл до того, что стал расстреливать каждого, кто не очень охотно отвечал на мои вопросы, но некоторые сердобольные сослуживцы сочли, что я стал перехватывать через край. Потом я разбил череп одному видному коммунисту, вместо того чтобы добиться от него нужных нам показаний. За это мне и пришлось уйти на новую, более спокойную, но не менее почётную и нужную работу для фюрера, для Великой Германии.

— Ну что ж, мы воюем на фронте, а вы в тылу, — охотно согласился лётчик.

— Это верно! Вот я сейчас получил назначение на завод. Буду делать новое оружие — оружие победы над всем миром.

— Новое?

— Да, совершенно потрясающее, необыкновенное...

— Прекрасно! Значит, скорее победим Россию, — задорно заключил лётчик.

— Я уверен, — высокомерно согласился Ганс Клемм и предложил:

— Выпьем за нашу победу! — Они чокнулись.

Сходство военного с Гансом Клеммом было настолько велико, что, когда вошёл его товарищ, он невольно произнёс.

— Чёрт побери, да ты никак, Карл, с братом встретился?

— Да, — ответил тот и расхохотался.

— Вы находите? — весело пробормотал Ганс.

— Представьте себе, вы похожи друг на друга.

— Ну, дружище, ты и угадал! И в самом деле, у нас есть сходство: наши матери были обе женщины, — пошутил лётчик.

Оба военных засмеялись, а подвыпивший Ганс Клемм просто заливался весёлым смехом, думая о том, какие хорошие эти парни. Сидели за столом долго, пили вино, пиво, говорили о пустяках, шутили, пока военные не решили, что им пора действовать.

— Ну, нам пора! — сказал лётчик и подозвал официанта, чтобы рассчитаться.

— Как, вы уходите? — недовольно спросил Ганс Клемм.

— Да, я и мой друг, к сожалению, через час должны ехать.

— Куда, если не секрет? — спросил Ганс Клемм.

— В Штейнау-на-Одере.

— Куда, в Штейнау?! — подпрыгнул от радости Ганс.

— Да, я в Штейнау-на-Одере — к отцу, он тоже со мной по пути — к семье, — ответил лётчик.

— Прекрасно!.. — громко крикнул Ганс и, повернув голову в сторону официанта, рявкнул:

— Человек, бутылку лучшего вина!

— Значит, в Штейнау-на-Одере, — враспяжку повторил Ганс Клемм, разливая вино и думая о том, как приятно он удивит их сейчас.

— Ну-с, так вот что, друзья, — продолжал Ганс. — Представьте, я тоже еду в ту сторону и еду тоже через час... Если говорить откровенно, вы просто обрадовали меня. Я предлагаю тост за дружбу, за совместную дорогу... Моя машина к вашим услугам. Согласны?

— Пожалуй, если это вас не затруднит.

— Что вы! Я считаю за честь ехать с вами, — почти кричал Ганс Клемм, разгорячённый вином.

— Мы вам очень благодарны, — заговорил лётчик, — но я должен предупредить вас. Моему другу необходимо заехать немного в сторону, правда, не так далеко (он назвал населённый пункт). Будет ли это удобным господину Клемму?

— Это пустяки, буду рад доставить вам удовольствие! — охотно согласился Ганс Клемм, обрадованный тем, что ему не придётся ехать одному...

Тёмной ночью машина с тремя спутниками покинула Берлин. Ехали с полным светом и с большой скоростью. Хозяин сам вёл машину. Рядом с ним сидел лётчик с железными крестами, а на заднем сиденье — его товарищ, ожидавший сигнала к действию. В его задачу входило нанести Клемму первый удар, от которого тот не должен опомниться ровно столько, сколько потребуется времени другому, чтобы взять руль машины в свои руки.

В ста километрах от немецкой столицы машина Ганса Клемма свернула в сторону. Дорога шла теперь через сосновый лес. Въехали в глубь сосняка. Дальше всё произошло молниеносно. Лётчик дал условный сигнал, дважды наклонив голову. Глухой удар — и с коротким криком Клемм повалился набок, выпустив из рук руль.

Когда машина вышла снова на автостраду, Карл Кернер спокойно сказал товарищу:

— Больше Ганс Клемм не будет убивать лучших сынов Германии и делать смертоносное оружие.

С документами Ганса Клемма прибыл на завод коммунист-подпольщик Карл Кернер. Через неделю он был уже на подпольном совещании небольшой группы рабочих-коммунистов. Он рассказал им об условиях подпольной работы и о тех трудностях, которые предстоят им в борьбе против гитлеровского режима.

Группа рабочих-коммунистов, возглавляемая Карлом Кернером, работала на одной операции, начиная готовые детали фаустпатронов взрывчаткой. Эту операцию доверяли только особо проверенным, и тем не менее сюда проникли коммунисты, потому что цех возглавлял подпольщик из группы сопротивления.

Карл Кернер (он же Ганс Клемм) быстро завоевал доверие администрации завода. Он проявлял показную жестокость, чтобы не вызвать подозрения у шпионов, засылаемых гестапо в среду рабочих. Малейший промах мог разоблачить его и погубить всё дело.

Среди рабочих-коммунистов люди были проверены достаточно хорошо. Однако в группе сопротивления на заводе было очень мало коммунистов. Эта группа с каждым днём росла, мало-помалу в неё вливались передовые сознательные беспартийные рабочие, которые самостоятельно старались вредить, действуя тайно от других, в одиночку. Они иногда, вместо взрывчатки начинали снаряды опилом с песком или мелкой металлической стружкой.

Мастер Клемм, наблюдательный, хорошо знавший своё дело, не мог не замечать, когда какой-нибудь отважный рабочий, вместо взрывчатки, засыпал песок или металлическую стружку в оправу снаряда, но делал вид, что не замечает этого. Однако трудность для таких рабочих-смельчаков заключалась в том, что взрывчатки им выдавалось точно по весу и по количеству заготовок снарядов, поэтому оставшуюся взрывчатку надо было суметь припрятать, а затем вынести из цеха.

Перед группой организационных подпольщиков встал вопрос, куда девать остаток взрывчатки, как её выносить из цеха, где хранить и где использовать для диверсионной работы, а также каким образом объединить одиночек-рабочих в единую группу.

Завод, изготовлявший фаустпатроны, находился недалеко от имения помещицы Эйзен. Взрыв, произведённый Павловым, Вовой и Жорой, привёл гестаповских ищущих и агентов на этот завод. Гестаповцы решили, что раз взрыв железнодорожного полотна произошёл в этом районе, значит, надо искать следы преступления среди рабочих предприятия. На заводе произвели расследование, и часть людей была арестована. К счастью для основной группы подпольщиков, были арестованы мастер цеха, настоящий фашист, и несколько рабочих-одиночек, которые были на подозрении. Гестапо предложило заводскому начальству заменить в цехе беспартийных рабочих гитлеровцами.

Всё это Карл Кернер знал ещё до прибытия на завод, но тогда ему казалось, что, как только он свяжется с подпольщиками, всё пойдёт по-другому. На деле это оказалось гораздо сложнее.

За несколько месяцев работы мастеру Клемму действительно удалось кое-что сделать. Они уже сумели переправить часть взрывчатки другой группе сопротивления за пределами завода, часть припрятать на заводе, но осталось не сделанным главное: не выявлены все одиночки и не объединены в единую группу сопротивления.

В самом дальнем углу заводского двора находился всеми забытый склад, в котором хранились старые деревянные модели, поломанная мебель и разная рухлядь, выброшенная из цехов. Чтобы пробраться к этому складу, надо было пройти через пустынный заводской двор, пробираясь между старых поломанных станков, беспорядочно разбросанных по двору, и через горы вывезенных из цехов металлической стружки и шлака.

Именно этот заброшенный склад и был избран местом для тайных собраний группы подпольщиков. Здесь же хранилась и взрывчатка, которую приносили сюда определенные люди, работающие по очистке цехов от шлака, мусора и стружки.

Очередное собрание коммунистов было назначено на десять часов вечера, после смены. Группа коммунистов-подпольщиков добровольно изъявила согласие поработать сверх положенного времени на очистке цеха. Так устраивалось в цехе мастера Клемма каждую субботу. Администрация завода ставила в заслугу мастеру, что он сумел организовать это дело.

Мастер Клемм и коммунисты-подпольщики пользовались тем, что, работая на очистке цехов в ночное время, не могли вызывать подозрения, так как администрация доверяла мастеру и наблюдателей за их работой не выставляла. Благодаря этому подпольщики могли свободно, вместе с мусором, выносить из цеха взрывчатку и проводить короткие партийные собрания в заброшенном складе.

На этот раз собрание должно было решить два важных вопроса: кто переправит заготовленную взрывчатку группе «сопротивления гитлеризму», действующей за пределами завода, и каким путём коммунисты-подпольщики должны работать дальше, так как администрация заменила многих беспартийных и «неблагонадёжных» рабочих новыми людьми, подобранными и присланными через гестапо.

— Теперь на заводе есть группы подпольщиков и в других цехах, — говорил Клемм на собрании, — создан параллельный комитет на случай провала нашей группы, но работать становится, товарищи, всё сложнее и опаснее. Сложность эта вызывается жалобами военных на то, что многие фаустпатроны не взрываются. Поэтому в наш цех засланы шпионы. Не случайно, за последние дни арестовано несколько передовых рабочих, правда, не из нашей группы. Нам нужна крепкая дисциплина и особая осторожность. Вести с фронта приходят всё менее утешительные для фашистов, — продолжал мастер, — это подталкивает сознательную часть рабочих активнее вести внутреннюю борьбу с гитлеровским режимом, искать сближения с нами, с коммунистами подполья.

Собрание затянулось. Люди, отработавшие десять часов в смену, около трёх часов на очистке цеха и просидевшие на собрании длительное время, сильно утомились. Два подпольщика были назначены дежурными, чтобы предупредить, если вдруг кто-нибудь посторонний появится в районе склада. Однако один из дежурных, поставленный на пост первой очереди, присел на ящик из-под шлака и заснул. Поэтому, когда гестаповцы появились на заводском дворе, у подпольщиков не оставалось иного выхода, как уходить через слуховое окно старого склада. Люди должны были подняться на чердак, оттуда спрыгивать за высокую изгородь заводского двора и уходить поодиночке.

Поданный вторым постовым сигнал сразу поднял всех. В первую минуту люди растерялись. Только мастер Клемм спокойно сказал:

— Кто останется со мной, должен помнить, мы здесь отдыхали. Остальные через слуховое окно должны без паники, но быстро покинуть склад.

Чтобы создать видимость, что люди действительно отдыхали, мастер Клемм закрыл дверь склада на задвижку изнутри и молча лёг на ящик. Трое оставшихся с ним рабочих сделали то же самое.

Когда послышался резкий стук в дверь, мастер Клемм спокойно поднялся и, подходя к двери, с удовлетворением подумал: «Как хорошо, что взрывчатка отправлена товарищам».

С этими мыслями он открыл дверь.

Гестаповец без единого слова ударил его рукояткой пистолета по голове. Теряя сознание, Кернер подумал: «Кто же меня предал?..» Он не подозревал, что гестаповцы раскрыли убийство Ганса Клемма.

Одиночная камера

— Нет, чёрт возьми, ещё не всё кончено!.. — выкрикнул Карл Кернер, брошенный в машину.

Лица его не было видно, так как дневной свет еле проникал через решётку единственного маленького оконца специальной машины гестапо. Этот человек, как показалось Макс, влетел в машину, как тяжёлый мешок. Он больно ударился головой о кромку скамейки и сначала неловко повернулся на бок, потом приподнял голову и, перегибая туловище вперёд, с лёгким стоном присел, вытягивая ноги. Только теперь Макс заметил, что у него на руках металлические наручники и ноги связаны верёвкой.

— Нет ли, приятель, закурить? — хриплым голосом спросил человек.

Макс пошарил больной рукой в кармане и только теперь вспомнил, что его сигары забрали при обыске. Он виновато ответил:

— Сожалею, но ничего нет, отобрали при обыске.

— Политический или уголовный? — спросил тот же хриплый голос.

— Я вас не понял, — ответил Макс.

— За что вас сюда бросили?

Не знаю. Русскую листовку я поднял, — робко объяснил Макс историю своего ареста.

— Понятно, товарищ. Они готовы каждого посадить в тюрьму за любой пустяк, будто и без того в Германии Гитлера мало концлагерей. Но ничего, мы ещё сочтёмся с ними!

В общей камере, куда доставили Макса и других его спутников, арестованных было много. Некоторые сидели по несколько месяцев без следствия и суда. Другие были брошены в тюрьму недавно, но все они, это Макс понял скоро, держались дружно, нередко, хотя и тихо, но откровенно разговаривали, проклиная Гитлера и гестапо. Были здесь и такие, как Макс, молчаливые, робкие, мало понимающие в политике, но заподозренные как «опасные люди».

В тюрьме, ожидая суда, Макс понял многое. Здесь он вспомнил смелых русских мальчиков и девочек из имения фрау Эйзен, научился разбираться в друзьях и врагах, понял, что есть две Германии, и как-то привык к мысли, что и он пострадал за лучшую Германию, которая будет. Особенно помогло ему знакомство с Карлом Кернером. Не раз подолгу задушевно беседовал он

с Максом, разъяняя ему смысл происходящих событий.

Через неделю часа в три ночи охранник отворил железную дверь камеры:

— Карл Кернер на допрос!

Карл поднялся и пошёл. С допроса его притащили без сознания. Макс до утра ухаживал за ним, как мог. Когда Карл Кернер пришёл немного в себя, он рассказал:

— Охранник привёл меня в совершенно пустую и холодную камеру в подвале. Собачий холод, полумрак. Я сразу понял, что это камера пыток, а не кабинет следователя. Потом явилось три молодчика, отстёгивают от поясов резиновые дубинки, и «допрос» начинается с удара по голове. Вскоре я потерял сознание.

Так шли дни, недели. Потом состоялся суд над Кернером. В камеру он больше не вернулся.

Осуждённый к пяти годам строгого тюремного заключения, Макс, как и другие политзаключённые, попал в одиночную камеру. Сосед через стену постучал, что Карл Кернер казнён. Эта весть о смерти дорогого товарища потрясла Макса. Он теперь уже думал не только о жене и детях, но и о судьбе товарищей по заключению, о судьбе своей родины. Встреча с коммунистами была для него политической школой, сблизила его с людьми, которые стали дороги ему.

Так шли дни, недели. Потом состоялся суд над Кернером. В камеру он больше не вернулся.

Осуждённый к пяти годам строгого тюремного заключения, Макс, как и другие политзаключённые, попал в одиночную камеру. Сосед через стену постучал, что Карл Кернер казнён. Эта весть о смерти дорогого товарища потрясла Макса. Он теперь уже думал не только о жене и детях, но и о судьбе товарищей по заключению, о судьбе своей родины. Встреча с коммунистами была для него политической школой, сблизила его с людьми, которые стали дороги ему.

Первое время после суда Макс отмечал на стене камеры дни, потом недели и, наконец, месяцы своего заключения. Когда прошло больше года, он потерял надежду на свободу, начал падать духом, метаться по камере, как обречённый.

В одну из тоскливых тюремных ночей Макс неожиданно услышал стук в стену. Это из соседней камеры передавали:

«Русские в Германии... Русские форсировали Одер, скоро, наверное, будут в Берлине, и тогда Гитлеру смерть — нам свобода...»

Макс невольно вспомнил русских подростков из имения помещицы Эльзы Карловны, их борьбу и свою роль пассивного наблюдателя. Теперь ему хотелось встретиться с ними, о многом рассказать, извиниться, объяснить, что не помогал им потому, что сам ничего не понимал так ясно, как понимает, теперь.

Тюрьма на многое открыла Максиму глаза. Он стал человеком, начинавшим понимать, какой Германии он может посвятить остаток дней своей жизни, если только вернётся на свободу. Только бы дожить до светлого дня освобождения!.. Макс перебирал в памяти все пережитое им в тюрьме. «О, если бы эти стены могли рассказать о столах истязаемых!» — думал Макс.

Но не только бы об этом рассказали стены, если бы могли. Они рассказали бы и о том, как закаляется, как вырабатывает в себе ненависть и силу истинный немец, борющийся против Германии Гитлера.

Возмездие близко

В один из осенних дней 1944 года Эльза Карловна получила известие, что сын её тяжело ранен. Люся по лицу хозяйки догадалась, что письмо не из приятных. Эльза Карловна долго сидела, как пришибленная, устремив глаза в одну точку, но потом всё же вспомнила про вырученные от торговли деньги и бросилась их пересчитывать.

Гильда села рядом с матерью и долго смотрела, как мать считает деньги. Наконец она спросила:

— Тебе помочь?

— Я сама, — тихо ответила Эльза Карловна.

— Нет, мама, я тоже хочу считать деньги, — настаивала Гильда, и глаза её загорелись жадным блеском.

Эльза Карловна нехотя положила перед Гильдой пачку рваных, замусоленных марок.

— Война приносит выгоду? Да, мама? — спросила Гильда, следя, как мать складывает в сейф пачки бумажных денег. — Война прекрасна, говорят у нас в организации «Гитлерюгенд». Ты согласна, мама?

Находясь в другой комнате, Люся слышала их разговор. Теперь она уже почти всё понимала по-немецки.

В открытую дверь ей было видно лицо Эльзы Карловны. Люсе показалось, будто нечто похожее на протест промелькнуло на этом лице, когда дочь её восхваляла войну. Но, услышав «Гитлерюгенд», Эльза Карловна вздрогнула, подтянулась, словно кто-то третий вошёл в комнату, и торопливо ответила, как заученный урок:

— Да, конечно! Германия завоюет весь мир, и каждый немец будет богат.

Люся с любопытством смотрела на Эльзу Карловну. Да, она не ошиблась! Хозяйка со страхом взглянула в эту минуту на дочь.

Люся вспомнила, как Вова из разговоров с Максом сделал однажды вывод, что в гитлеровской Германии, наверное, дети на родителей и родители на детей доносят в гестапо.

В этот день Гильда с матерью поехали в город, в кирху. Эльза Карловна стала теперь гораздо чаще посещать городскую кирху. Здесь за молитвой удобно было договариваться с торговцами и спекулянтами о продаже им продуктов, которые они перепродавали населению по бешеным ценам.

После ареста Макса Вова заменял ещё и кучера. Въехав в город, он нарочно сдерживал лошадь, чтобы лучше рассмотреть, что делается вокруг. На площади, где Эльза Карловна приказала остановиться, старики, женщины и дети с лопатами и ломом расчищали прилегающую к площади улицу, заваленную обломками разрушенного бомбой дома. У лавок и

магазинов стояли в очередях хмурые, молчаливые немцы. «Среди них, наверное, немало таких, как Макс», — думал Вова, вглядываясь в почерневшие исхудалые лица старых немков и немцев, которые совсем не обращали внимания на визгливый грохот громкоговорителей. Из слов диктора Вова понял, что речь шла о заменителях мяса, жиров и хлеба. Диктор с особым усердием восхвалял кригсброт — военный хлеб, — выпекаемый из суррогатов. Вова насторожился, когда диктор перешёл к сообщению о положении на фронтах.

Однако он не услышал ничего интересного — передавалась обычная ложь о победах немецкой армии. Закончил диктор призывом к населению: активнее принимать участие в расчистке улиц после бомбёжек, верить в победу немецкой армии.

Дождаясь у кирхи Эльзу Карловну и Гильду, Вова промёрз и топтался на месте, стуча деревянными подошвами по холодному асфальту. Хотелось поскорее вернуться в имение, поделиться с товарищами своими впечатлениями.

На обратном пути он долго бежал рядом с повозкой, чтобы согреться. Когда Эльза Карловна приказала ему сесть, чтобы ехать быстрее, Гильда запротестовала:

— Пусть бежит, мне нравится: он как собачонка.

Она сказала это по-немецки, но Вова понял и тотчас выполняя приказание фрау Эйзен, уселся на сиденье, изо всех сил хлестнул лошадь и подумал о Гильде: «Подожди, не то заговоришь, когда придёт наше время».

* * *

Танковая часть, в которой служил майор Павлов, стояла под городом Бриг. Однажды вечером в свободную минуту он рассказывал бойцам:

— Знаете, товарищи, вернулся я из плена тощий, больной, оборванный. Выдохся, пока был в плену, пока пробирался к своим. И, когда шёл, всё беспокоился: скоро ли смогу вернуться на фронт? А, когда пришёл на свою землю, увидел, с какой страстью работает народ, не вытерпел и попросился в часть задолго до конца лечения.

— Воевать хотели! — сказал сержант Зорин, механик-водитель танка.

— Правильно, Зорин. Весь народ рвётся в бой, у всех накопело против фашистов. Да, ненависть к врагу — большая сила. Вот взять хотя бы меня. Вы знаете, сколько у меня злобы? За десятерых. Да что там за десятерых! Я здесь сижу с вами на отдыхе, а у самого так тяжело, так беспокойно на душе. Вот мы с вами видели наших людей, освобождённых из плена. Во что они превратились? Кожа да кости. И это взрослые. А что с детьми? Вот попробуйте представить их в таком положении.

Майор замолчал.

— А почему вы, товарищ майор, вспомнили о детях? — спросил кто-то.

— Совсем недалеко отсюда в 1942 году оставил я наших советских ребятишек. — Павлов достал карту. — Вот смотрите. Это Заган. Туда идет наш маршрут. Сколько, по-вашему, отсюда до Загана?

— Немного. Можно высчитать.

Зорин принялся было считать по квадратикам, но майор прервал его:

— Так вот, товарищи, в районе Загана я оставил тех самых ребятишек, которые спасли мне жизнь. Да и не только мне.

И Павлов рассказал о своих юных друзьях.

— Вот почему, — закончил он, — я с нетерпением жду боя. Мы должны их освободить, если они ещё живы, я слово им давал. Выросли, наверное, ребятишки. Год назад довелось мне встретить их товарища — Костю. Совсем большой парень стал. Да только вот болеет туберкулёзом...

Зорин, уткнувшись в карту, изучал местность и прикидывал, с какой стороны удобнее подойти к имению Эйзен.

— Товарищ майор! — обратился он вдруг к Павлову. — Знаете, что я думаю?

— Что?

— Вот как подойдём к Загану, обратимся к командованию — пусть pošлют наш танк первым.

— Это почему ваш? — загудели вокруг. — А мы, что хуже?

Павлов улыбнулся и, оглядев бойцов, сказал:

— Только бы приказ дали поскорее! Все туда пойдём!

* * *

В начале 1945 года с восточных границ Германии в глубь страны на машинах, повозках, велосипедах, нагруженных домашним скарбом, а то и просто пешком с рюкзаками на спине, потянулись беженцы. Одни бежали, потому что боялись заслуженной кары, другие — поддаваясь общей панике, созданной гитлеровской пропагандой.

Эльза Карловна выжидала. Имение её находилось за Одером, далеко от границы, а Гитлер продолжал уверять немцев, что Одер неприступен, что русские на Одере будут разбиты.

Однако в конце февраля выдержка покинула фрау Эйзен. Даже успокоительные радиопередачи из Берлина больше не действовали на неё. Она заметно «подобрела»: стала меньше бить ребят и лучше их кормить. Старик-хозяин больше не донимал ребят своими посещениями. Только Гильда по-прежнему держалась высокомерно, видимо, считая своей обязанностью играть роль молодой требовательной хозяйки. Она часто появлялась возле ребят во время работы и, явно подражая своей матери, делала им замечания. Ребят смешил её глупый, надутый вид, а Жора, чтобы повеселить товарищей, иногда заводил с ней разговор.

— Гроссхозяйка идёт! — громко, чтобы она слышала, произносил он, принимая почтительную позу, и добавлял: — У неё в голове сплошной сквозняк. Настоящее создание гитлеровской эпохи.

— Яволь, яволь![21] — одобрительно кивала головой Гильда.

— Ну, чего стоишь, как чучело? — издевался Жора. — Арбайтен[22], помогай, ферштейст? Бери лопату и работай.

— Гут, гут! — кричала Гильда, думая, что Жора докладывает ей о том, как они старательно работают.

— Да не то, не то! Учись, дурёха, сама работать. Не всё же мы будем на вас спину гнуть. Ну-ка, попробуй. — Он протянул ей лопату.

— Их вилль нихт![23] — испуганно отступила Гильда.

— Чего? Трудно, ручки боишься испачкать, да? Голубая кровь в жилах течёт?

— Яволь, яволь! — повторяла, как попугай, Гильда, ничего не понимая.

— Подожди, скоро поймёшь, чистокровная свинья!

Жора снимал шапку и с пресерьёзным видом махал ею перед Гильдой. Та, довольная, шла к дому, думая, что хорошо исполнила роль хозяйки. Ребята хохотали от души.

— Ну, теперь можно и отдохнуть! — бросая лопату, говорил Жора.

Однажды Жора увидел, как по дороге тянулись повозки, нагружённые разными домашними вещами. В первую минуту ему и в голову не пришло, что это немцы удирают с восточных границ в глубь Германии. Он побежал навстречу к беженцам и из обрывков их разговоров понял, что происходит. «Вот это да, вот это здорово! Бегут те самые немцы, которые мечтали уничтожить, закабалить нашу Родину!» Жора вихрем помчался назад и, еле переводя дух, захлёбываясь, рассказал друзьям, что творится на дороге.

— Неужели это наш праздник начинается? — всплеснула руками Люся, не смея поверить в такое счастье.

— В такой день грех на фашистов работать! — сказал Жора.

Ребята не успели ответить: их внимание привлёк шум, доносившийся из дома. Вова подкрался к окну и стал прислушиваться.

— Ну, им теперь не до нас! — с торжеством сказал он, вернувшись от окна. — Дом подожги — не заметят. Пошли, ребята, в сад!

За высокой изгородью сада начинался другой мир. Ровным строем тянулись яблони с выбеленными стволами, длинные и красивые аллеи, журчащий ручей с причудливым мостиком — всё это напоминало о мире и благополучии.

Ребята уселись в уголке сада на широкой скамье, где обычно, когда созревали фрукты, Лунатик ночами сидел и стерёг каждое яблоко. Так непривычно было им среди бела дня сидеть сложа руки и дышать полной грудью! Они давно уже отвыкли отдыхать, чувствовать себя свободными.

— Что ж ты в доме увидел? — спросил Жора.

— В доме, ребята, всё вверх дном! Ясно — удирать собираются, вещички укладывают. Гильда мамаше чуть в волосы не вцепилась — видно, всё хочет с собой забрать, да укладывать некуда. А этот, гроссфатер, старается внучку оттащить, да куда ему!

— До чего же на них смотреть гадко! — поёжилась Люся. — Я как-то видела, как мать с дочкой считали деньги. Глаза у них жадные, руки трясутся. Они, как увидели меня, даже задрожали.

Гильда деньги руками прикрывает, а фрау на меня замахала: мол, уходи! Испугалась. Думает, все такие же, как они, грабители проклятые! — Люся покраснела и сжала кулаки.

— Ты чего расстраиваешься? — пожал плечами Жора. — Разве они люди? Только что на двух ногах и хвоста не видно, а так — волки настоящие.

— Ну, какая у них цель в жизни? — вслух размышлял Вова. — Нажраться до икоты, побольше для себя урвать, нажиться на чужом несчастье. Макс вот говорил: семья для них — главное. Но они и в семье друг другу горло перегрызут за копейку. А чего уж говорить о таких, как Макс! Они его в тюрьму загнали, а жену и детей лишили куска хлеба.

И каждый вспомнил свою семью, родной дом, который был маленькой частицей их Родины, со всеми её большими трудами, планами, радостями.

Люсе ещё десять лет не минуло, а она уже в мечтах видела себя инженером транспорта. Как серьёзно, любовно и увлекательно говорил с ней об этом отец! Он принёс ей однажды чудесную книжку с картинками, и, читая её, девочка решила, что она обязательно откроет что-нибудь из того, что ещё не открыто, только бы не опоздать...

У каждого с детства было что-то своё, заветное. В сердце каждого созревала и ширилась любовь к Родине, жажда принести пользу людям делами рук своих. Им светила с колыбели, их вела за собой вперёд звезда коммунизма. Какое это счастье — жить свободно, во имя великой, справедливой цели...

Охваченные этими мыслями, подростки сидели молча, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви, осыпанные первыми цветами, пробегали по их не по возрасту серьёзным лицам...

— Как хорошо, тихо, — сказала Люся.

И в тот же миг из дома донесли истерические вопли Гильды.

— Вот это да! Мордобой пошёл в хвалёной фашистской семейке. Ты знаешь, Вова, я уверен, они друг друга с тележки спихнут, лишь бы барахло увезти, — заметил Жора — Таким всё равно, что с их Германией будет, лишь бы шкуру свою спасти. Вот увидишь, если туго придётся, Эльза и папашу тут бросит.

— Довольно, довольно про этих уродов!

Люся подбежала к дереву, сорвала цветок и вколола его в волосы. Ее голубые лучистые глаза сияли сейчас такой радостью, что Вова даже зажмурился. «Вот она какая стала!» — впервые подумал он, заглядевшись на Люсю. Две тугие косы, венчиком уложенные на голове, придавали её лицу какую-то особенную милую прелесть. Открытый высокий лоб прорезала едва проступавшая морщинка. Старое узкое платье, из которого она давно выросла, плотно облегалo стройную фигуру и даже казалось не таким уж ветхим. В движениях её загорелых, огрубевших от работы рук уже не было детской угловатости.

— Завтра день моего рождения, ребята, — объявила Люся.

— Как? — удивились мальчики.

Все эти годы они старались не вспоминать, что есть в жизни их особенные счастливые праздники.

— Так сколько же тебе лет?

— Шестнадцать!

— Ну, кто из нас самый старший? — огляделся Вова. — Я! Мне уже почти семнадцать! Сейчас бы я в девятом учился, давно бы комсомольцем был.

— Скоро будешь, — уверенно сказал Жора. — Да, я считаю, ты и так настоящий комсомолец. — И он впервые по-взрослому пожал Вова руку.

— Пойдёмте, всё-таки, — забеспокоилась Люся, — а то вдруг хватятся!

Но их отсутствия никто не заметил. Долго ещё из дома доносились споры, крики, стук молотка. Только перед самым обедом вышла во двор заплаканная Эльза Карловна и позвала ребят. Наконец всё выяснилось. Завтра утром фрау Эйзен с дочерью собирались ехать, забрав с собой наиболее ценные вещи и двух коров. Вова и Люся должны были их сопровождать. Жоре было приказано остаться со стариком в усадьбе.

Вечером ребята горячо обсуждали, ехать или отказаться наотрез. Очень страшно было расставаться. И так уж их мало осталось. Успокаивало только то, что фрау Эйзен должна была вернуться в имение за остальным имуществом.

— Что ж, — решил Жора, — пока Красная Армия далеко, никуда отсюда не убежишь. В этой фашистской Германии корки хлеба не достанешь. Здесь многие готовы тебя схватить и в гестапо сдать. Лучше поезжайте, да постарайтесь вернуться поскорее.

Вова и Люся с грустью согласились, что так будет правильнее:

— Ну ладно, Жора. Жди нас, будь осторожен, — сказал Вова. — Когда вернёмся, наши уже близко будут. Удёрём и пойдём навстречу...

Всю ночь в имении Эйзен шли сборы в дорогу. Наконец Эльза Карловна открыла вделанный в стену потайной сейф, вынула оттуда пачки денег, пересчитала их и уложила в жёлтый кожаный чемодан. Затем быстро выбежала из комнаты и, вернувшись, что-то прошептала на ухо старику. Тот растерянно посмотрел на неё, на окна, на чемодан, потом с усилием поднял его и неслышно шагнул к двери, чтобы вынести и спрятать деньги.

За Одер!

На рассвете Эльза Карловна приказала грузить на автокачку ящики, чемоданы, ковры. Сзади за повозкой привязали двух коров. Все кое-как расселись в нагружённой доверху повозке и выехали по направлению к Берлину.

После отъезда друзей Жора совсем было приуныл. Дни и ночи теперь тянулись мучительно долго, было одиноко и тоскливо.

Однажды на рассвете Жора вышел во двор, чтобы дать корм скоту. Стояла та особенная тишина, которая предвещает тёплый солнечный день. На голубом, чистом небе угасали последние звёздочки. На востоке разгоралась заря. И вдруг среди этой тишины послышались какие-то глухие звуки, похожие на отдалённые раскаты весеннего грома. Они то усиливались, то ослабевали. Жора понял: это гром орудий! Он бросился на чердак.

Но с чердака не удалось ничего увидеть, а раскаты слышались даже слабее, чем на земле.

Но всё-таки это, несомненно, была артиллерия.

— Красная Армия идёт за Одер! Сюда идёт! — прошептал Жора, прижимая руки к груди.

С этого дня Жору не покидало радостное предчувствие скорого освобождения и тревога за друзей. Лунатик стал теперь удивительно рассеянным. Он бесцельно бродил по двору, ни на что не обращая внимания.

Но с чердака не удалось ничего увидеть, а раскаты слышались даже слабее, чем на земле.

Но всё-таки это, несомненно, была артиллерия.

— Красная Армия идёт за Одер! Сюда идёт! — прошептал Жора, прижимая руки к груди.

С этого дня Жору не покидало радостное предчувствие скорого освобождения и тревога за друзей. Лунатик стал теперь удивительно рассеянным. Он бесцельно бродил по двору, ни на что не обращая внимания.

Жора чувствовал себя свободнее. Он рано ложился спать, а перед рассветом вскакивал, снова и снова прислушивался к отдалённым раскатам артиллерийского грома и до боли в глазах смотрел на восток. Каждое утро ему представлялось, что уж сегодня обязательно придут родные люди в серых шинелях.

* * *

Эльза Карловна с дочерью сидели в это время в автокачке, обтянутой брезентом, похожей на фургон, и медленно ехали в глубь Германии. Хозяйка сама правила лошадей; Гильда отсыпалась на пуховиках, а сзади шагали Люся и Вова, подгоняя коров. Ехали днём и ночью, но продвигались вперёд медленно из-за частых заторов на дорогах.

За несколько дней Эльза Карловна постарела, обрюзгла. Когда фургон подолгу стоял на дороге, она плакала и с ненавистью поглядывала на Вову и Люсю, словно это они выгнали её из насиженного гнезда и заставили скитаться по развороченной, как муравейник, Германии.

Во время пути Вова и Люся могли свободно разговаривать. Они радовались, что настали чёрные дни и для мучителей. Но их терзала мысль, что с каждым днём они всё дальше уходят от своих освободителей. Шагали молча, понурые, думая об одном и том же: как бы поскорее вернуться в имение Эйзен. А вдруг там уже русские?

Однажды на остановке Люся куда-то ушла и долго не возвращалась. Вова встревожился и бросился её искать. Он нашёл Люсю сидящей под деревом. Незаметно подошел и стал за её спиной. Обняв колени руками и уронив на них голову, она тихо плакала.

— Шура, Шурочка... — шептала Люся. — Вот и ещё год прошёл... И нас всё меньше и меньше. Проклятая чужбина!

Наверное, услышав Вовино дыхание, она подняла заплаканные глаза:

— Ты что?

— А ты?

— Я... я просто отдыхаю.

Вова сел рядом с ней.

— Не надо, Люся, не плачь... Страшно вспомнить: не уберегли мы Шуру, виноваты. Но за неё отомстят. Мы отомстим! Ведь мы уже не те, что были тогда. Сама понимаешь.

Вове хотелось сказать Люсе что-нибудь такое, от чего бы ей сразу стало легко и хорошо.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила Люся.

Вова смутился. Не зная, что сказать, он вынул из кармана плитку шоколада и протянул Люсе. Она, удивлённая, взяла и неловко улыбнулась. Вова понял, что не так это получилось — он вовсе не хотел успокоить её, как успокаивают маленьких детей конфетками. Ведь они уже не дети. Ему стало неловко.

Но Люся правильно поняла его. Разломив плитку на две равные части, она сказала:

— Зачем же ты заботишься только обо мне!

— А разве тебе это неприятно?

— Нет, почему же, я всегда любила шоколад, но и ты ведь голодный.

Люся улыбнулась и покраснела. Они смотрели друг другу в глаза, как смотрят много испытавшие вместе товарищи, детство которых осталось далеко позади.

Навстречу беженцам двигалось много немецких танков, машин с солдатами. Это тревожило Люсю.

— А что, если Красная Армия не дойдёт сюда, в глубь Германии? Что будет тогда? — спрашивала она у Вовы.

— Раз наши до Одера дошли, значит, и сюда придут... Танков и пушек у нас уж, наверное, хватит!

Разговаривая, они не обратили внимания на приближающийся рёв самолёта. Авиация налетела неожиданно. Немецкие танки на большой скорости разворачивались в обе стороны от дороги. Солдаты кинулись в прилегающий лесок, беженцы заметались, бросая повозки и тележки. Эльза Карловна с пронзительным криком устремилась в глубь фургона и зарылась там в пуховики. Было смешно смотреть на фрау Эйзен и радостно, что русские самолёты появились в небе Германии.

Вова стоял посреди дороги, запрокинув голову, и смотрел, как краснозвёздный самолёт пикировал на танки.

— Наши! Наши! — не помня себя от радости, повторял он.

Рядом с Вовой стояла Люся. Судорожно сжимая кулаки, она смотрела широко открытыми, горящими глазами, как советские самолёты один за другим сбрасывали бомбы на автомашины, танки самоходные установки, сбившиеся у леса, в километре от дороги.

Вова представлял себе, что он видит сидящих в самолётах русских лётчиков. Ему даже показалось, что, незримые, они говорят с ним, улыбаются.

— Бейте их, проклятых, бейте!.. — шептала Люся.

Самолёты отбомбились и, разворачиваясь, уходили назад, а Вова не удержался и помахал рукой, посылая привет.

Когда самолёты скрылись из виду, он радостно сказал:

— Вот она, наша сила, видеела?

— Ох, как хорошо на душе, Вова!

Ребята тут же решили, что им надо бежать назад во что бы то ни стало, бежать при первом удобном случае.

Поток беженцев увеличивался с каждым днём. На дорогах становилось тесно и шумно. Днём навстречу повозкам, фургонам и бесконечному потоку пешеходов продолжали двигаться танки и автомашины с пушками, броневики и мотоциклы, колонны пехотинцев. Это шли части, снятые с Западного фронта и брошенные на Восточный. Солдаты бесцеремонно, грубо сталкивали беженцев с дороги, упрекая их за панику и беспорядки; беженцы не менее грубо отвечали солдатам, обвиняли военных в том, что им, мирным жителям, приходится вести теперь кочевую жизнь.

Ребята начали опасаться, что не успеют вернуться к Жоре до прихода Красной Армии. Особенно нервничала Люся. За последние дни она похудела, ослабла и еле волочила ноги. Бежать назад, в имение, было невозможно; на обратный путь потребовалось бы не меньше двух недель. Вова знал, что этот путь по дорогам, заполненным войсками и беженцами, был бы для них верной гибелью.

Но Люся несколько раз заговаривала о побеге.

— Мы лучше вернёмся с Эльзой, — убеждал её Вова. — Если побежим сейчас, нас наверняка поймут, и тогда — прямо в лагерь, в глубокий тыл.

— А если Эльза не поедет обратно, тогда что будем делать?

— Поедет, — уверенно заявил Вова. — Она скорее повесится, чем откажется от своего добра.

Последние дни Эльза Карловна нередко уставала править лошадьё и передавала вожжи Люсе, а сама ложилась отдыхать.

Тогда Вова подбегал к Люсе и говорил:

— Гони, Люся! Я успею подгонять коров, гони скорее. Быстрее вернёмся.

Гильда после бомбёжки большей частью или спала, или делала вид, что спит. Она лежала, накрывшись с головой, испуганная и присмирившая.

— Поджала хвост! — усмехался Вова.

Лошадь была откормленная, и фургон фрау Эйзен обгонял многих беженцев, но коровы начали уставать, рвали поводки и останавливались. Копыта у них обломались и кровоточили. Уже перед самой Эльбой одна корова издохла. Эльза Карловна приказала Вове обмотать уцелевшей корове ноги тряпками.

Последние два дня Эльза Карловна ребят почти не кормила. Им доставались только жалкие объедки, да и то потому, что она знала: без ребят ей не добраться до места. Однако сами «хозяева» аккуратно ели четыре раза в день.

Люся с ненавистью и отвращением поглядывала на них, а Вова упрекал себя, что не догадался воспользоваться мясом павшей коровы и хоть этим поддержать себя и Люсю.

Однажды ночью, когда Эльза Карловна и Гильда уснули, Вова отыскал ящик с продуктами, взял круг колбасы, кусок хлеба и несколько сухарей. Люся правила лошадьё и даже не заметила, как Вова орудовал в повозке.

Когда Вова протянул Люсе кусок белого хлеба с колбасой, она даже рот открыла от удивления:

— Ты у Эльзы украл?

— Не украл, а взял, — спокойно ответил Вова.

Сам Вова съел крохотный кусочек колбасы и два сухаря, остальное спрятал в карманы пиджака и брюк. «Этого, — думал он, — должно хватить для Люси, а я как-нибудь пробьюсь на объедках фрау Эйзен».

В город, где жили родственники Эльзы Карловны, въехали поздно вечером. В сплошном мраке долго пробирались по узким улицам, заваленным обломками. Эльза Карловна сокрушённо вздыхала: «И здесь война...»

Обессиленные долгой дорогой и голодом, Люся и Вова сидели в кузнице, куда их втокнули, как только все вещи Эльзы Карловны были перенесены из автокачки в дом. Дверь хозяин запер снаружи на засов.

— Почему нас посадили сюда? — спросила Люся, беспокойно осматриваясь.

— Не расстраивайся, завтра будет видно.

Вова догадался, почему их заперли здесь, только не хотел огорчать Люсю. Но в душе он ругал себя за легкомыслие. Он должен был предвидеть, что с ними поступят именно так.

Вечером, перетаскивая вещи, он незаметно бросил маленький мешок с хлебом под автокачку, рассчитывая потом взять его на обратный путь. И вот рушились планы. Их бросили, как преступников, в клетку и заперли. «Не может быть, чтобы хозяин всё время сторожил нас! — размышлял Вова. Но тут же рождались другие тревожные мысли: — А если вдруг Эльза Карловна не поедет обратно? Или сама уедет, а нас оставит здесь! Нет, бежать, бежать сегодня же! — решил Вова. — Теперь уж выбора не оставалось. Что бы ни случилось в дороге, хуже, чем здесь, не будет».

Он предложил Люсе поужинать остатками сухарей, а сам принялся обследовать кузницу.

Люся, смертельно уставшая, давно спала, когда Вова разыскал кусок железа, молоток и осторожно принялся выламывать железную решётку на узком окне кузницы.

Самолёты появились над городом перед рассветом, в тот самый момент, когда Вова почти доломал решётку и собирался вылезть во двор. Рёв моторов придал ему новые силы.

Вова оказался на свободе. Неподалёку; что-то горело. От зарева на дворе было светло, как

днём. Вова забрал мешок с хлебом, быстро открыл дверь и вошёл в кузницу.

Люся не сразу проснулась и со сна плохо понимала о чём говорит Вова.

— Бежим, Люся, бежим! Остаться нельзя, до утра надо выбраться из города.

Вова выбежал из кузницы посмотреть, нет ли кого-нибудь поблизости. За калиткой он лицом к лицу столкнулся с Эльзой Карловной.

— Ты, русский свинья, почему ходишь ночью? — закричала она.

Вова опешил. Эльза Карловна вцепилась в рукав его пиджака. Рванувшись изо всех сил, он бросился к кузнице. Почти одновременно с ним вбежала Эльза Карловна, и не успел Вова опомниться, как на него посыпались удары, Люся вскочила и бросилась к двери. Вова защищался яростно. Перед его глазами мелькнул молоток, неизвестно как оказавшийся в руках Эльзы Карловны. Вова повернулся, с силой толкнул немку и бросился к выходу. Вместе с Люсей он очутился за дверью, захлопнул её и задвинул засов.

Среди грохота и стрельбы до их слуха донёсся вой падающей бомбы.

— Ложись, ложись! — закричал Вова, схватив Люсю за руку.

Они ничком упали в канаву. Сильный взрыв оглушил ребят. Вова еле поднялся. Во рту он ощущал какую-то горечь, хотелось поглубже вздохнуть. Пыль заволокла двор, пахнуло едкой гарью. Услышав стон Люси, Вова подбежал и помог ей подняться. Они огляделись. Стена кузницы обвалилась, провисшая крыша горела. Вова вспомнил про хлеб и бросился к кузнице. Тут он увидел Эльзу Карловну. Она лежала на земле, до пояса придавленная грудой кирпичей. Лицо её, выпачканное грязью и кровью, искажилось от ужаса. Вова не раздумывая, кинулся ей на помощь. Он было уже схватил её за руки, но взгляд его неожиданно упал на молоток, валявшийся рядом, тот самый молоток, который несколько минут тому назад был занесён над его головой. Вова невольно отбежал прочь. В это мгновение крыша рухнула и погребла под собой Эльзу Карловну. Люся ахнула и закрыла лицо руками.

Через несколько минут Вова и Люся бежали по разрушенным улицам ночного города.

Снова лагерь

В этот же день Вова и Люся были доставлены в лагерь. Никто не знал, откуда они, куда бежали. Их поймали случайно. Получилось это сразу после того, как они миновали окраину города. Уставшие, они решили немного отдохнуть и обдумать, как и куда им бежать. Настроение было тяжёлое, голод и страх окончательно надломили Люсю. Присели на обочину дороги и заговорились. Вдруг по дороге из города показалась автомашина. Вова и Люся поднялись, чтобы отбежать от дороги, но было уже поздно, всюду виднелась голая степь. Машина остановилась. Шофёр и охранник, везшие продукты, решили, что ребята — беглецы из лагеря. Посадили их в машину и доставили в тот самый лагерь, откуда они были проданы Эльзе Карловне. Когда Красная Армия подошла к границам Германии, этот лагерь, как и многие другие, был переведён в глубь страны, за Эльбу.

Здесь в таких же, как и раньше, длинных бараках с узкими окнами и низкими потолками, жили их сверстники. Небольшой двор был обнесён простым забором. Охраны совсем не было. Только по верху забора в две нитки тянулась колючая проволока. Гитлеровцы знали, что отсюда,

далеко от восточных границ Германии, бежать на восток невозможно.

На территории лагеря стояли два низких закопчённых здания. Из труб валил чёрный дым. Это был завод, изготовлявший противогазы, мины и фаустпатроны, принадлежащий разбогатевшему Штейнеру.

Русских ребят здесь было сравнительно немного. Жили они в двух отдельных бараках. Но зато всюду слышалась незнакомая речь подростков, привезённых сюда из Чехословакии, Польши, Болгарии...

В обед на площадке Вова снова увидел Штейнера, Глайзера, Дерюгина. Штейнер показался ему ещё более сухощавым и злым, чем тогда, в первые дни их «знакомства». У Глайзера вырос живот, и от этого он казался совсем коротконогим.

На переключке Вова стоял в первом ряду.

Перед ребятами только что выступал Штейнер. Сейчас он говорил о чём-то с Глайзером, неприятно шевеля бледными губами. Глайзер услужливо изгибался перед ним, как провинившийся. Вова заметил: с ребятами он держался осторожней, чем раньше. «Может, сейчас Штейнер ругает его за это?» — подумал он.

Погружённый в свои мысли, Вова не почувствовал, как его взяли за руку. У самого уха кто-то прошептал:

— Я тебя знаю... И Жору, твоего друга, помню...

Вова обернулся. Рядом с ним стоял высокий худой юноша с длинными руками и бледным лицом. Он радостно улыбался, но где-то в глубине его больших серых глаз светилась тревога и усталость.

— Андрей? — обрадовался Вова, узнав товарища.

Ведь это Андрей первый вслух назвал Дерюгина предателем, это Андрей вместе с Жорой объявил борьбу «гроссмясорубке» на торфяном болоте!

— Ишь, паразит, как заигрывать стал! — сказал Андрей, кивнув на Глайзера.

Вова прислушался.

— С завтрашний день, — жевал тот по-русски, — с завтрашний день будет другой порядок. Понимайт? Кормить будут карашо, порядок будут карашо, если ви рапотать будут карашо. Понимайт?

Ребят разбили на группы по десять человек. С первых же слов товарища Вова понял, что Андрей не знает о происходящем сейчас на немецких дорогах.

Вечером, когда в бараке у Вовы собрались ребята, выяснилось, что в лагере, действительно ничего не знают о положении на фронте и о событиях в Германии.

Вова с радостью рассказал товарищам и про немецких беженцев, которых они с Люсей видели по дороге от Загана до Эльбы, и о том, что Красная Армия уже за Одером, в Германии.

С какой жадностью, с каким восторгом слушали его! Все сразу воспрянули духом. Кто-то даже вспомнил старую песню и тихонько запел:

Не скосить нас саблей острой,
Вражьей пулей не убить —
Мы врага встречаем просто:
Били, бьём и будем бить!

— Кто поёт? Прекратить! — неожиданно раздался грозный голос.

На пороге стоял Дерюгин. Однако он не решался войти в барак. Ребята узнали Дерюгина по голосу. Вова выкрикнул:

— Гад ползучий, подлиза фашистская!

Точно по команде, все закричали, затопали ногами, засвистели, а кто-то из смельчаков запустил в него куском торфа. Полицейский повернулся и убежал в дежурное помещение, где находился вооружённый немецкий охранник.

— Раньше он бы ворвался к нам и начал избивать всех, — возбуждённо говорил Вова, — а сейчас, сами видите, чует расплату!

Барак гудел. Кто-то предложил сейчас же дать знать ребятам из соседнего общежития, что Красная Армия уже в Германии.

Все забарабанили в стены к соседям с криком: «Красная Армия в Германии! Скоро фашистам конец!»

Через полчаса вооружённые охранники увели Вову в карцер.

Дождался своих

Снаряды дальнобойных орудий изредка рвались у шоссе, совсем близко от имения Эйзен. Жора уже несколько суток плохо спал: всё ждал Вову и Люсю. Но их не было. Жора выходил ночью из дому — теперь он спал в доме, в том самом доме, где раньше ребятам не разрешалось бывать, — забирался на черепичную крышу и слушал нарастающий гул русской артиллерии.

Старик тоже плохо спал и слонялся по двору всю ночь, попыхивая трубкой.

— Эй, послушай, я-то знаю, почему не сплю, а ты? Кого ты ждёшь? — посмеиваясь, кричал старику Жора, когда они встречались. Старик молчал.

Разрывы дальнобойных снарядов не пугали Жору. Зато для старика каждый сотрясающий землю взрыв был, как видно, ударом в сердце.

Почти после каждого разрыва (снаряды падали ещё редко) Жора лез на крышу, чтобы посмотреть, не показались ли советские танки. Прошлой ночью он почти не слезал с крыши. Но к рассвету гул канонады стал утихать.

Фашистские тяжёлые танки «тигр» появились около усадьбы, когда Жора спал. Проснувшись и увидев танки, Жора в первую секунду подумал, что пришла Красная Армия, и чуть было не закричал от радости. Но тут же разглядел на машинах жёлто-белые кресты.

Утро было тихое, солнечное. Где-то лаяли собаки и пели петухи. По двору, прихрамывая, тащился Лунатик. Одной рукой он опирался на палку, а в другой держал огромный узел с домашними вещами. «Прячет барахлишко, — подумал Жора. — Значит, наши совсем близко».

Громкий рокот неожиданно заполнил воздух. «Самолёты!» — Жора быстро выскочил из дому во двор, оттуда — в сад.

Самолёты шли низко. На их крыльях отчётливо виднелись красные звёзды. Жора сдёрнул с головы кепку и замахал ею. Ему захотелось кричать, прыгать...

Утро было тихое, солнечное. Где-то лаяли собаки и пели петухи. По двору, прихрамывая, тащился Лунатик. Одной рукой он опирался на палку, а в другой держал огромный узел с домашними вещами. «Прячет барахлишко, — подумал Жора. — Значит, наши совсем близко».

Громкий рокот неожиданно заполнил воздух. «Самолёты!» — Жора быстро выскочил из дому во двор, оттуда — в сад.

Самолёты шли низко. На их крыльях отчётливо виднелись красные звёзды. Жора сдёрнул с головы кепку и замахал ею. Ему захотелось кричать, прыгать...

Самолёты резко снизились, держа курс в сторону завода. Жора кинулся по лестнице на чердак и, забравшись на крышу, присел за трубой. Послышались глухие взрывы. Через минуту-другую над лесом у завода поднялся столб чёрного дыма, запахло гарью, а взрывы всё чаще и чаще начали сотрясать землю.

— Вот это да-а! Так их, так! — твердил Жора, совершенно забыв о собственной безопасности, забыв о «тиграх», стоявших возле дома.

Между тем «тигры» наводили орудия в сторону дороги. Первым выстрелил «тигр», стоявший почти у самого дома и нахально задравший кверху жерло пушки. Жора вздрогнул, словно его рванули за пиджак.

Потом он увидел, что около сотни фашистских солдат небольшими группами строем идут к дому Эйзен. В руках они держали не очень длинные зелёные трубы с конусообразными круглыми наконечниками.

Жоре совсем не хотелось попадаться им на глаза, и он скрылся в свинарнике.

Немцы, как видно, занимали оборону. К вечеру около имения появились новые танки, броневики, тягачи с орудиями. По дороге, которая хорошо была видна из свинарника, в сторону города неслись, обгоняя одна другую, машины, вездеходы, танки, мотоциклы вперемежку с гражданскими повозками, фургонами и пешеходами. Войска и толпы беженцев к вечеру шли сплошным потоком, забившим не только дорогу, но и придорожные тропы.

«Драпают непобедимые!» — радовался Жора.

Старик весь день таскал узлы и какие-то ящики за скотный двор. Жора не видел, куда он прятал своё добро, но догадывался, что старик, наверно, зарывает всё в силосную яму. Скот ревел: Жора забыл покормить его в этот день. Он старался не показываться старику на глаза. «Пусть думает, что я сбежал», — рассуждал он, отсиживаясь в свинарнике, куда старик не заглядывал.

* * *

Танк майора Павлова шёл в передовом отряде соединения. Ещё перед форсированием Одера командир части вызвал его к себе.

— Вы, майор, кажется, хорошо знаете эти места? — спросил он, показывая карандашом на карту.

— Не особенно, товарищ полковник, но бывать здесь приходилось.

Павлов рассказал о своём побеге из плена, о ребятишках, которые помогли ему бежать.

Полковник встал из-за стола и, расхаживая по комнате, слушал его очень внимательно. Когда-то и сам он бежал с помощью детей, только не из Германии, а из сибирской ссылки...

— Так, так... Ну, вот что, майор, — заключил полковник. — Вижу, что вам хочется поскорее добраться до ребят. Вижу и понимаю вас. — Он помолчал, посмотрел ещё раз на Павлова и добавил, сурово нахмурив брови: — Вы просились на этот участок — вам и честь и первое место. Пойдёте в авангарде. Желаю успехов! Объявите личному составу батальона, почему именно ваш батальон идёт первым, расскажите эту историю с детьми.

— Я уже рассказывал, товарищ полковник.

— Тем лучше, отважнее будут драться.

В город Заган танкисты Павлова ворвались сразу с трёх сторон. Гитлеровцы не выдержали мощного натиска и покидали квартал за кварталом.

— Ну, вот мы уже совсем рядом с ребятами! — Павлов глядел на красный кружок на карте, которым было обведено имение Эйзен.

Последние два дня Жора прятался и наблюдал из засады за немецкими танками, пулемётами и броневиками.

На рассвете, когда около усадьбы остались только два «тигра» и немецкая засада для контроля дороги, Жора выбрался во двор. Глазам его представилась странная картина.

Ворота на улицу были полуоткрыты. На воротах хлева висел замок. Двери амбаров были заколочены досками, и только одна была открыта настежь.

У открытой двери, на каменном приступке, лежал Лунатик и трясся, как в лихорадке. Правая нога его была вытянута, левая рука, как плеть, лежала на жёлтом чемодане. «Рехнулся!» — подумал Жора, глядя на его бессмысленные, выпученные глаза и открытый рот.

В последние дни старик всё заколачивал, забивал, прятал. За несколько часов до появления Жоры во дворе он вышел из дому с жёлтым чемоданчиком в руках и, озираясь по сторонам, направился к амбару, где в укромном месте уже были спрятаны наиболее ценные вещи и запасы продуктов.

Но едва он занёс ногу на приступок, как дверь амбара распахнулась и из неё один за другим вышли четверо немецких солдат, нагружённых вещами. Старик тяжело рухнул на землю: его разбил паралич.

В хлеву надсадно ревели коровы, визжали свиньи. Жоре стало жаль голодных животных. Он

подошёл к запертым дверям, потрогал замок и вернулся к старику:

— Где ключи? Дайте ключи!

В глазах старика вспыхнуло дикое беспокойство; он судорожно вцепился правой рукой в чемодан и пытался повернуться, чтобы накрыть его своим телом.

— Ключи где? — крикнул Жора и пнул ногой чемодан.

Чемодан скатился со ступенек и раскрылся. Старик задрожал. Жора отшатнулся. Чемодан был полон денег бумажных немецких денег. Жора наклонился, взял одну большую пачку и растерялся. «Что делать с деньгами? Собрать, спрятать и потом отдать нашим? — подумал Жора. — Нет! — И он бросил пачку обратно в чемодан. — Никому уже больше не пригодятся эти деньги!»

Жора побежал к хлеву и стал сбивать топором замок.

Накормив животных и снова забравшись на чердак, он увидел, что на дороге горят танки.

Из-за будочки в саду выглядывал эсэсовец. Он держал трубу с наконечником... Жора сразу понял, что фашист подкарауливает русских. Через какую-то долю минуты он был внизу. Схватив стоявший в углу, у крыльца, железный лом, он, прячась за низкие подстриженные кусты, начал подкрадываться к эсэсовцу. Тот сидел на корточках, сосредоточенно следя за дорогой. Жора не видел того, что видел эсэсовец, но ясно слышал приближающийся лязг гусениц и рёв мотора. Тяжёлый удар по голове поразил фаустника в тот момент, когда он готовился нажать спусковой крючок фаустпатрона.

На минуту, голова у Жоры закружилась, в глазах потемнело. Опомившись, он схватил три фаустпатрона и, пригибаясь к земле, проскользнул в дом.

«Тигр» стоял почти рядом с домом и стрелял в сторону дороги, скрытой от Жоры растущими у дома деревьями. Жора видел несколько раз, как фаустники брали трубу подмышку, нажимали на крючок, и тогда из трубы вырывался сноп огня и дыма, а головка фаустпатрона исчезала. Жора хотел действовать наверняка. Прицеливаясь и примериваясь, он, наконец, пристроил фаустпатрон на подоконнике и нажал на спуск. Дым заполнил комнату. Жора сидел у подоконника на корточках, от испуга он не решался посмотреть, что же произошло с танком. Он держал в руках новый фаустпатрон, но не в силах был подняться, чтобы снова выстрелить. У него сильно стучало сердце, тряслись руки и кружилась голова.

«Тигр» горел. Это был последний немецкий танк у дома Эйзен, контролировавший дорогу. Танки майора Павлова вырвались вперёд, в район завода.

— Полным к одиночному дому! — скомандовал Павлов.

Скотный двор, сарай и амбары фрау Эйзен горели, подожжённые отступавшими немецкими солдатами в большом кирпичном доме лопались последние стёкла. Стрельба удалялась, и было слышно, как бушует пламя пожара.

Во двор вбежали двое военных. Они осмотрелись, стали кричать:

— Эй, кто тут есть?

Не получив ответа, решительными шагами, с автоматами наперевес направились к дому.

В большой просторной комнате на полу, возле окна, сидел Жора, держа в руке фаустпатрон. Он не понимал, почему всё вдруг стихло. Может, фашисты увидели, как он выстрелил из дома по танку, ищут его и поэтому не стреляют?..

— Ты кто? — вдруг раздался голос.

Жора вздрогнул, обернулся и увидел военного.

— А... а вы кто? — проговорил он, растерявшись.

— Я русский, советский танкист!

— Советский танкист? — недоверчиво произнёс Жора, пытаясь подняться с пола.

Ноги отказались служить ему. Но он всё ещё держал в руке фаустпатрон.

— Да, советский — повторил военный, улыбаясь и рассматривая щуплую, худую фигурку Жоры. — А это для чего тебе? — ласково спросил он, указывая на фаустпатрон.

Жора не ответил — его душили слёзы, к горлу подступил тяжёлый ком. Тогда военный взял из его рук фаустпатрон, помог ему подняться и сделал шаг к окну. Увидев подбитый «тигр», он сразу всё понял и обнял Жору.

— Я старший сержант Зорин. От товарища Павлова, может, помнишь?..

На пороге появился запыхавшийся Павлов.

Свобода близка

На пороге появился запыхавшийся Павлов.

Свобода близка

Кольцо вокруг Германии замыкалось. Английские и американские войска были ещё совсем далеко от Берлина, но Советская Армия наступала по всему советско-германскому фронту — от Балтики до Карпат. В конце марта 1945 года половина населения Германии была в движении. Из Восточной Германии, немецкой Силезии в глубь Германии, на юг, к Мюнхену, тащились охваченные паникой беженцы.

Штейнер энергично продолжал делать своё дело. Его завод, приобретённый на деньги, заработанные благодаря нещадной эксплуатации подростков, разросся и стал солидным военным предприятием.

Голодные, оборванные подростки работали у него до изнеможения, умирали от болезней, истощения и побоев. Платы им не полагалось. Вернее, в ведомостях аккуратно отмечалась выдача заработка, но дети никогда заработанных ими денег не видели, всё шло в карман Штейнеру в виде удержаний за «одежду, общежитие и питание».

Став полным хозяином предприятия, Штейнер решил бросить службу и заняться только заводом. Но уйти с военной службы, покинуть лагерь было не так просто. У Гитлера не хватало

солдат. В армию брали всех, даже полукалек. Волей-неволей Штейнеру приходилось ждать лучших времён и надеяться на победоносный исход войны.

Весна 1945 года оказалась тревожной. Беженцы, бомбёжка, война на территории Германии, русские за Одером, на Шпрее... Всюду паника. «Даже в Берлине, — рассказывали Штейнеру очевидцы, — хаос». Правда, бомбёжка не слишком беспокоила его.

Самолёты американцев и англичан нередко сбрасывали бомбы на городок, возле которого располагался завод и лагерь, но военные объекты, в том числе завод Штейнера, неизвестно почему оставались в целости и сохранности.

Так было не только здесь, но и во всей Западной Германии. Гитлеровцы открыто поговаривали о «великодушии» англичан и американцев, а наиболее осведомлённые говорили прямо, что у капиталистов Германии, Англии и Америки есть общие интересы, ради которых союзники русских сохраняют заводы Германии.

Когда Штейнеру доложили о беспорядках в бараках русских, он приказал посадить зачинщиков в карцер, но не бить их. Он был напуган слухами о приближении русских.

Люся не знала, что Вову посадили в карцер за распространение «вредных мыслей». Она также без соблюдения каких-либо особых предосторожностей рассказала девочкам всё, что знала о Германии и о скором приходе Советской Армии. Но не все верили, что скоро наступит конец мучениям. Люсю удивили суровые, насторожённые лица. Она думала, как расшевелить своих новых подруг, вызвать их на откровенный разговор. «Почему они все такие хмурые?» — спрашивала себя Люся. Она обняла высокую незнакомую девушку и тихо сказала:

— Давай познакомимся: меня Люсей зовут, а тебя?

— Галя.

— Почему ты всё молчишь, Галя?

— А ты, наверное, про нас думаешь: «Какие они робкие, кашлянуть боятся, слова громко не скажут». А мы просто злые стали. Такое здесь пережили, что и самим не верится.

И Галя медленно, ровным, бесстрастным голосом начала рассказывать:

— Зимой эти изверги испытывали противогазы. Отобрали несколько десятков девочек, приказали надеть противогазы, втокнули их в подземную камеру, а потом пустили какой-то газ.

Галя на мгновение умолкла, прислушалась и, убедившись, что их никто не подслушивает, закончила шёпотом:

— Все так и остались там, в камере, умерли... А на следующий день немцы привели другую партию. На них тоже надели противогазы и опять загнали в камеру и пустили другой, новый газ. Только одна из девочек осталась живой, остальные погибли. Мы потом видели их: все синие, из носа и рта ещё текла кровь и пена...

Люся, с замиранием сердца слушала Галю. Когда Галя на минуту умолкла, она спросила:

— Как же уцелела одна из них?

Галя ответила не сразу — видно было, что ей трудно говорить об этом.

— Когда девочки из второй партии узнали, что те, первые, погибли, они решили умереть сразу, не мучиться. В противогазе смерть наступает постепенно, — поясняла она. — Вот они сговорились раньше и сдёрнули с себя противогазы, чтобы умереть сразу. А одна осталась в противогазе.

— А где же та девочка, которая выжила? — дрогнувшим голосом спросила Люся.

— Она потом тоже погибла: сошла с ума, зачухла и умерла. Но не сразу. Сначала день и ночь ходила по лагерю, что то говорила, пела, плакала... Жаль было её... Фашисты держали её при себе, как шута, дразнили, издевались...

Широко открытыми от ужаса глазами Люся молча смотрела на Галю, а та припоминала всё новые и новые подробности лагерной жизни:

— Прошлым летом кто-то пустил слух, что больных будут отправлять на родину. Больных было много. У нас один барак назывался «для смертников». Там лежали тифозные, дизентерийные и вообще заразные больные. Ну, и вот, как только об этом узнали девочки и мальчики, тут и началось. Пойдёт кто-нибудь к больным тифом, наловит вшей и посадит к себе на тело, чтобы заболеть. Думали так: «Может, и не умру. Поболею-поболею, а там, смотришь, домой отправят».

— Ну, и отправляли? — спросила Люся.

— Сперва мы думали, что да, но потом узнали, что отправляли отправляли, да только не домой, а в камеру смерти.

— Куда?

— В камеру смерти. Придёт машина, посадят больных а увезут куда-то. Ну, мы и думаем: домой. Тогда и начали все. Кто расчешет ногу до крови и натрёт лютиком едким — цветок такой жёлтенький есть. Ну, и разнесёт её, как колоду... То заразятся тифом... Всё делали, только бы заболеть. Но фашисты убивали больных в душегубках. Сначала тайно от всех, а, когда узнали, что многие заболевают намеренно, стали открыто убивать. Камера смерти прямо во двор въезжала. Это машина такая, крытая, как автобус. Загонят в машину ребят, закроют дверь и включают мотор. Что делалось в машинах! Кричат, плачут, стучатся в стены, бьются изо всех сил, да так и гибнут там.

— Не надо! Не надо больше! — отшатнулась Люся.

Но Галя неумолимо продолжала свой рассказ о зверствах и унижениях, которым подвергались они в лагере.

Полными слёз глазами смотрела Люся на эту спокойную девушку с твёрдым, открытым взглядом. Только теперь она поняла, какими малыми и ничтожными были её горести и страдания по сравнению с тем, что вынесли тысячи и тысячи её сверстников за колючей проволокой. Бледными и беспомощными казались ей все слова утешения. «Какие героини!» — думала Люся, вглядываясь в лица девушек. И, порывисто обняв Галю, она крепко поцеловала её.

* * *

Из карцера Вову повели на допрос. У входа его ждали трое ребят во главе с Андреем, чтобы узнать, избит он или нет. Но на этот раз Вову никто не тронул. Это ещё больше убедило ребят в том, что гитлеровцы боятся. Незаметно подмигнув Воле, Андрей побежал в барак рассказать, что всё в порядке. Вова понял, что Андрей дежурил у карцера. Это обрадовало его. «Значит, есть и тут настоящие товарищи», — решил он и смело вошёл в комендатуру.

Допрашивал сам Штейнер. При взгляде на него Вова сразу вспомнил смерть Толи. Дрожь пробежала по его телу. Однако он овладел собой и решил начать с того, с чего так удачно начинал на допросах Жора.

— Хайль фюрер! — прокричал он, сделав глупое лицо и глядя в бесцветные глаза сидевшего за столом Штейнера.

Штейнер поднял голову, слегка улыбнулся и пренебрежительно ответил:

— Хайль!.. Ты почему нарушать порядок, дисциплин нарушать?

— Я, господин комендант, не нарушал порядка, — спокойно ответил Вова и изобразил на лице такое удивление, что даже Штейнер подумал: «Какой это зачинщик! Какого чёрта они тащат ко мне таких идиотов!»

— Ты что говорил свой коллегам про Германия?

— Ничего, господин комендант. Я только сказал, что Германии, господин комендант, сейчас тоже тяжело в войне, потому что всем тяжело.

— Карашо говоришь, — процедил сквозь зубы Штейнер и окончательно решил, что этот дурак Дерюгин создаёт излишние хлопоты. — Идись работать, — неожиданно приказал комендант.

В тот же день вечером над городом появились самолёты союзников. Пользуясь тем, что Штейнер и его приспешники спрятались в подвал, Вова собрал ребят своего барака и рассказал о беседе с комендантом.

— А мы тут всю ночь за тебя беспокоились, — облегчённо вздохнул Андрей.

— Даже хотели идти к Штейнеру, — раздалось из темноты.

— Могло бы закончиться плохо, — заметил Вова. — А вообще я вам вот что скажу...

Все насторожились.

— Срывайте эти проклятые фашистские номера! Срывайте смело! Конец фашистской Германии идёт! — и Вова первый сорвал с себя номер.

— Срывай, ребята, рабскую метку! — поддержал Андрей. — Если мы все это сделаем, ничего не будет.

Ребята зашевелились, зашумели. Многие начали срывать нашивки.

— Надо быть готовыми к моменту, когда придут наши, — слышался уверенный голос Вовы. — Не упустить Штейнера, охранников и Дерюгина. Понятно?

— Понятно! — раздалось несколько голосов.

Вова вошёл в барак девушек. Как обрадовалась ему Люся!

На груди у Вовы она увидела чёрное пятно — след нашивки на выгоревшем пиджаке.

— Как же это, Вова?.. Девочки ещё носят! — удивилась Люся.

— А ты скажи им, пусть срезают, срывают. Смелее, скоро конец мученьям! Наши, наверное, к Берлину подходят. Понимаешь, что это значит? — спросил Вова.

— Понимаю, — радостно ответила Люся.

— Свобода, Люсенька, мир — вот что это, — восторженно произнёс Вова.

Расплата

Апрель был на исходе. Всё пышнее становился убор лесов, поля и луга покрылись яркой зеленью, воздух наполнился ароматом. Такой весны не видали ребята за все годы, проведённые ими в Германии. Эта весна была добрая, тёплая, многообещающая. Ребята с волнением ждали самого счастливого в своей жизни дня — дня победы, мира, освобождения.

Уже неделю никто не работал — царило безвластие. Каждому было ясно, что война идёт к концу, что фашистская «империя» доживает свои последние часы.

Штейнер и Глайзер появлялись на площадке редко и вели себя с подчёркнутой вежливостью. Лагерная охрана делала вид, будто не замечает, что юноши и девушки самовольно срезали номера.

Русские свободно знакомились с чехами, поляками, болгарами и быстро находили себе друзей.

У Вовы тоже нашлись новые товарищи. Вместе с Андреем и Люсей он сколачивал группу наиболее смелой и решительной молодёжи.

Штейнер не распускал лагерь и в то же время не знал, что ему делать. Из Берлина никаких указаний не поступало. Местные власти не решались самостоятельно предпринимать что-либо, хотя Штейнер обращался к ним уже не раз. И комендант вместе со своим неизменным другом и помощником Глайзером пьянствовал, стараясь заглушить тревогу и страх перед неизвестностью.

Войска союзников пришли на Эльбу без боёв. В этом им оказали немалую помощь генералы и офицеры гитлеровской армии. Они понимали, что война проиграна, и потому пусть на Эльбу и дальше, в Берлин, приходят лучше американско-английские и французские войска, нежели русские. На Восточном фронте против Советской Армии гитлеровцы продолжали вести упорные бои, бросая всё новые и новые силы с Западного фронта, ослабляя сопротивление против союзников русских, подходящих к Эльбе.

Штейнер и Глайзер крепко спали у себя на квартирах и не подозревали, что ночью в городе появились американцы. Первыми узнали об этом трое: Дерюгин, от страха не спавший по ночам, и Вова с Андреем, следившие, чтобы палачи не ускользнули из их рук.

За несколько дней до прихода союзных войск Вова и Андрей создали в лагере «комитет по аресту Штейнера и других палачей», куда вошли от девушек Люся и Галя.

Комитет решил: как только появятся части Советской Армии, захватить Штейнера, Блайзера, Дерюгина, остальных охранников, прислугу обезоружить.

Андрей, работавший в цехе, изготавлиющем оружие, с большим трудом достал несколько ручных гранат. Другие члены комитета вооружились железными прутьями, палками и камнями.

Рано утром Вова и Андрей увидели несколько машин с солдатами в незнакомой форме, проходивших мимо лагеря по дороге в город. «Наверное, американцы или англичане!» — подумали ребята и бросились к бараку, решив, что пора действовать.

— Выходи живей! — крикнули они товарищам по комитету, ожидавшим их сигнала.

— Наши? — раздались радостные голоса.

— Нет, союзники.

Решили выходить не все сразу, а по два-три человека.

Лагерь ещё спал. Первой же группе, которую возглавлял Вова, попался Дерюгин, рыскавший по двору.

— Стой! — скомандовал Вова и направился к полицейскому, приготовив гранату.

— Что тебе надо? — произнёс полицейский. Он, видимо, не допускал и мысли, что ребята осмелятся напасть на него.

— Взять предателя! — приказал Вова.

Андрей забежал сбоку, чтобы отрезать Дерюгину путь к отступлению.

— Не тронь! — рявкнул полицейский.

Андрей с силой ударил его железным прутком. Палач закричал, но подскочивший Вова тряпкой заткнул ему рот. На полицейского навалилось несколько юношей. Ему связали руки и повели в барак. Сопровождали его Люся, Галя и два мальчика.

— Не бить, но охранять строго! — распорядился Вова. — Ты, Люся, отвечаешь за него, смотри, чтобы не удрал.

Вид связанного полицейского взбудоражил всех заключённых. Мгновенно человек двадцать подростков выбежали из барака и, поднимая по дороге камни и палки, кинулись к одноэтажному дому, где жили инструктора, переводчик и охрана.

Подбежав к дому, ребята в нерешительности остановились. Один заявил:

— Надо вызвать переводчика и объявить, что они арестованы.

— Правильно! — поддержали в толпе.

— Нет! — решительно возразил рослый юноша. — Так они перебьют нас. Надо налётом, внезапно.

Он отделился от толпы и смело вошёл в дом. За ним двинулось ещё несколько человек.

Остальные остались у входа. Вскоре все вышли обратно, и вожак растерянно объявил:

— Никого... Удрали.

Вова и Андрей с группой ребят подошли к дому Штейнера. У парадного входа, где раньше всегда стоял часовой, было пусто. Медленно и безмолвно поднимались ребята по лестнице на второй этаж. Постучали. За дверью послышался шорох, и на пороге появился ординарец Штейнера. Его заспанное лицо выражало недовольство и удивление только что разбуженного человека.

Увидев ребят с поднятыми над головой гранатами, он затрясся, как в лихорадке, и беспомощно залепетал:

— Гитлер капут!.. Берлин капут!..

Эти слова были поняты ребятами по-своему. Они подумали, что в Берлине Красная Армия, а Гитлер пойман. Это известие прибавило им бодрости, и они смело направились в квартиру.

Штейнер спал непробудным сном после очередной попойки. Вова, Андрей и ещё двое юношей подошли к его кровати.

— Вставай, гад! — крикнул Вова.

Штейнер поднял голову, буркнул что-то и снова опустился на мягкую подушку.

— Вставай, вобла! Ну, живо! — ещё резче крикнул Вова.

На этот раз Штейнер понял, что у него в спальне происходит что-то необыкновенное. Он сел и, свесив голые ноги, потянулся к ночному столику, где лежали очки. Вова схватил свободной рукой очки и повторил приказ:

— Встать! Хенде хох!

Штейнер, стуча зубами, поднял руки, оглядывая ребят осоловелым, тупым и испуганным взглядом.

— Пистолет где, оружие? — кричал Вова.

Штейнер протянул руку под подушку. Но Андрей предупредил его:

— Ахтунг!

Комендант повиновался. Грозные окрики ребят, державших наготове гранаты, лишили его способности соображать.

Пистолет Штейнера перешёл в руки Вовы.

Коменданта вывели во двор. Он был в длинной ночной рубашке, ночных туфлях и очках, возвращённых ему Вовой. Ребята возбуждённо и весело переговаривались.

— Битте, битте![24] — кричал кто-то, указывая на карцер.

— Попался, паразит, в чём мама родила!

— Здорово мы его сцапали!

Вова, сурово нахмутив брови и держа наготове пистолет, молча следовал за Штейнером. По бокам шли по три человека, впереди — Андрей. При общем одобрении Штейнер был водворён в карцер. Дверь закрыли на замок и выставили несколько часовых для охраны.

Глайзер успел скрыться.

— И как это мы коротконового прозевали? — сокрушались ребята.

— Выводи полицейского! — приказал Вова.

На лагерной площадке Вова обратился к собравшимся юношам и девушкам:

— Нашему комитету, товарищи, не удалось арестовать всех преступников. Но Штейнер и вот этот, — Вова пренебрежительно указал на полицейского, — попались. Мнение комитета: с этим гадом и предателем покончить сейчас, а со Штейнером будет особый разговор. Согласны, товарищи?

— Согласны, согласны! — раздались выкрики. — Пусть получает по заслугам!

Вова сказал:

— Голосую: кто за смертную казнь предателю?

Лес худых рук поднялся в воздух. Из других барачков на площадку бежали всё новые и новые группы подростков: болгары, поляки, чехи...

Насмерть перепуганный полицейский упал на колени, прося пощады.

— На столб, на столб его! — раздались гневные голоса.

Это были голоса справедливой и неумолимой мести предателю Родины.

Митинг

Слухами земля полнится. Теперь уже весь лагерь знал, что война окончена, что советские воины взяли Берлин и дошли до Эльбы. Все волновались, не понимая, почему их до сих пор не отправляют на родину: русских — в Советский Союз, болгар — в Болгарию, чехов — в Чехословакию, поляков — в Польшу...

С тех пор как в лагере появилось новое, американское начальство, ребята почувствовали что-то неладное.

Американцы прибыли в тот день, когда был казнён полицейский и арестован Штейнер.

Американский офицер и десятка два вооружённых автоматами солдат открыли ворота лагеря и с видом освободителей торжественно вошли на его территорию. Из барачков на площадку мгновенно высыпали все ребята и девочки. Группа подростков во главе с Вовой радушно приветствовала прибывших от лица всех освобождённых. Офицер произнёс короткую речь. Щеголеватый переводчик перевёл речь офицера. Он сказал:

Американцы прибыли в тот день, когда был казнён полицейский и арестован Штейнер.

Американский офицер и десятка два вооружённых автоматами солдат открыли ворота лагеря и с видом освободителей торжественно вошли на его территорию. Из бараков на площадку мгновенно высыпали все ребята и девочки. Группа подростков во главе с Вовой радушно приветствовала прибывших от лица всех освобождённых. Офицер произнёс короткую речь. Щеголеватый переводчик перевёл речь офицера. Он сказал:

— Война окончена. Германия капитулировала. Американские, английские и русские войска одержали славную победу. Мы, ваши освободители, поздравляем вас с окончанием войны и свободой.

Но в этой речи ни словом офицер не обмолвился о том, когда они, «освободители», помогут ребятам вернуться на родину.

От подростков выступал Вова.

В соломенной шляпе, рваном и грязном пиджаке, длинных заплатанных брюках и тяжёлых ботинках, стоял он перед собравшимися. На бледном лице с высоким лбом и пушком на верхней губе выделялись большие, выразительные глаза. Вова говорил просто от души и сильно волновался.

— Мы просим передать вашему начальству, что все мы желаем уехать на родину как можно скорее. Нам надоел фашистский лагерь! — он поднял руку и звонко крикнул: — Да здравствует наша освободительная Красная Армия! Да здравствует мир!

Как взрыв, прозвучали на разных языках восторженные возгласы огромной толпы подростков:

— Да здравствует мир!

— Да здравствует Родина!

— На здар, на здар![25]

— Нех жие вызволенье![26]

— Ать жие Руда Армада![27]

Офицер вежливо улыбнулся и торопливо объявил, что митинг окончен.

После этого он спросил у Вовы, указывая на столб с гонгом, где висел полицейский:

— Кто это? За что повешен?

— Его повесили мы, — гордо начал Вова. — Это изменник Родины, наш мучитель. Мы повесили его, господин офицер, как предателя и палача по общему справедливому суду.

Переводчик добросовестно перевёл объяснение Вовы. Вова вдруг почувствовал, что офицер смотрит на него с выражением явного недовольства. Лицо офицера помрачнело, скулы напряжённо задвигались, словно он хотел и не мог что-то разгрызть.

— Это очень сурово. Но я понимаю русских. Они все суровы, так же как их край, — деланно улыбнувшись и стараясь казаться вежливым, сказал офицер.

Ещё больше нахмурился американский «освободитель», когда из карцера вывели Штейнера. Бывший комендант выглядел довольно непривлекательно. Помятая ночная рубашка, бледное испуганное лицо и голые тонкие волосатые ноги в ночных туфлях делали его похожим на чучело. Штейнер воровато озирался по сторонам. В толпе раздавались хохот, едкие насмешки:

— Вот он, осколок «великой империи»!

— Завоеватель мира!..

— Прикидывается, овчарка фашистская!..

Из толпы кто-то выкрикнул:

— На столб его, рядом с полицейским!

Офицер-американец не мог удержаться от улыбки, но заговорил со Штейнером мягко, не так, как следовало бы говорить с преступником.

— Мы вынуждены вас арестовать, — сказал он. В голосе его слышалось сожаление.

Штейнер покорно и заискивающе кивнул американцу.

— До выяснения степени вашей вины перед нашим командованием и армией, — добавил американец.

Всё время, пока шла официальная беседа между Вовой и офицером, солдаты-американцы сочувственно поглядывали на Вову и его товарищей. Когда офицер направился к выходу, сержант-американец бросился к Вове. Он сунул ему в руку блокнот и самопишущую ручку с золотым пером и о чём-то с жаром попросил.

— Американский сержант просит вас расписаться на память в его блокноте, в знак уважения к вам и вашим товарищам, — сказал переводчик.

Вова смутился. Он взял ручку и осторожно, боясь сломать перо, написал в блокноте свою фамилию, имя, город, где он родился и жил. В конце пометил: «10/V 1945 г. Лагерь смерти. Германия».

Переводчик прочитал сержанту написанное. Сержант потряс Вове руку:

— О'кей! Сенк'ю![28]

Вова протянул ему ручку, но сержант сделал отрицательный жест. Переводчик сказал:

— Возьмите её себе на память, боевой товарищ.

Вова улыбнулся, ещё раз пожал руку сержанту, и тот, довольный, зашагал к выходу из лагеря.

Американцы увели Штейнера с собой, позволив ему одеться, в военную форму гитлеровской армии.

После ухода американцев Вова и Андрей устроили совещание активистов. Всех пленников удивило, что на их вопрос о возвращении на родину американец не ответил. Это сильно беспокоило каждого, и теперь то один, то другой, то целые группы приходили к Вове с тем же вопросом, который беспокоил его, Андрея и других.

— Что будет дальше, как и с кем говорить о возвращении на родину? — спрашивали они.

— Мы и сами не знаем, — отвечал Вова. — Подождём день-другой, а там начнём действовать.

Но, как действовать, что предпринять, Вова представлял себе смутно. Собрание, которое они провели, тоже ничего не дало. Однако решили: немедленно обратиться к новому коменданту, назначенному американцами, с просьбой о решении этого вопроса.

Несмотря на то, что в лагере ликовали, пели песни, смеялись, радовались, продолжали митинговать, писали на стенах лозунги о мире, о победе и свободе, многих насторожила встреча с американцами.

Американские покровители

События в лагере развернулись так, что ни Вова, ни его товарищи не могли понять толком, что же произошло. Появились новые хозяева — американцы. Они переименовали лагерь смерти в «лагерь перемещённых лиц», но на родину по-прежнему никого не отправляли.

Когда, в довершение всего, в лагере неожиданно появился Штейнер в качестве инструктора, ребята пришли в замешательство.

Все были уверены, что Штейнер не избежит заслуженного наказания, будет казнён, как преступник-гитлеровец. Ребята долго ломали голову, обдумывая всё происходящее, и недоумевали. Да и откуда им было знать причину странного превращения Штейнера!

В первые дни ареста Штейнер и сам готовился сесть на скамью подсудимых, но одно непредвиденное обстоятельство неожиданно изменило его судьбу.

На допросе в комиссии американских оккупационных войск «по расследованию военных преступлений» со Штейнером беседовали трое: американец — майор от местной комендатуры, в погонах военного лётчика, мистер Грей — представитель по изучению германской военной промышленности, и полковник — уполномоченный главной американской ставки оккупационных войск в Берлине.

Допрос близился к концу. Всё сводилось к тому, что Штейнер должен пойти под суд за уничтожение и эксплуатацию славянских подростков, за активную помощь гитлеровскому правительству вооружением и военными материалами. Но положение неожиданно изменилось, как только стало известно, что Штейнер знает, где находятся секретные документы о производстве нового взрывчатого вещества.

— Скажите, Штейнер, — обратился к нему мистер Грей, — это ваш завод являлся обладателем секрета нового взрывчатого вещества?

— Да, сэр, — покорно сознался Штейнер.

— Вы бы могли представить американскому командованию соответствующие документы? — спросил полковник.

— Я рад, сэр, служить вам, если это сейчас возможно.

И Штейнера выпустили на свободу под залог в десять тысяч долларов «за недостаточностью состава преступления».

Так из преступника-фашиста он превратился в «порядочного немца». В официальных следственных документах значилось, что Герман Штейнер, офицер гитлеровской армии, служил по мобилизации, нелегально состоял в партии социал-демократов и вёл подрывную деятельность против гитлеровского режима.

Выйдя на свободу, Штейнер задумался над тем, где добыть доллары, чтобы внести залог. Завод его подлежал ликвидации, все средства, нажитые на войне, были конфискованы при аресте. Других средств Штейнер не имел. Он уже стал подумывать, не лучше ли ему скрыться, но его неожиданно пригласили к мистеру Грэйю.

Штейнер подошёл к подъезду роскошного особняка и не без робости прикоснулся к блестящей кнопке звонка. Открылась огромная тёмно-коричневая дверь. Он очутился в прихожей старинного красивого дома, украшенной дорогими коврами и картинами. Человек, встретивший Штейнера, проводил его в приёмную мистера Грэя.

Штейнер сидел в мягком кресле в ожидании вызова и раздумывал, правильно ли он поступил, придя сюда.

— Заходите, прошу! — приветливо произнёс неслышно появившийся Грэй.

Штейнер робко зашёл в кабинет.

— Я вижу, вы, мистер Штейнер, застенчивы, как девушка, — рассмеялся мистер Грэй и ласково похлопал Штейнера по плечу, словно они были старыми приятелями.

Это ободрило Штейнера, и он, склонив голову, ответил:

— Таково, сэр, положение побеждённого.

— А вы, мистер Штейнер, будьте смелее. Да, смелее. Мы должны понимать друг друга. Вы заводчик, деловой человек, я тоже, — значительно повысил голос мистер Грэй.

— К сожалению, я уже не заводчик, сэр, — ответил Штейнер.

— А вы бы хотели получить свой завод обратно?

— Это, к сожалению, сэр, маловероятно.

— Но возможно, — лукаво улыбнулся Грэй, потирая руки.

— Как!

— Надо только захотеть, — ответил уже серьёзно американец. — Вы мне — патент на взрывчатку, я вам — свободу действовать...

Грэй совсем не собирался отдать секрет производства новой взрывчатки в руки военных властей Америки. Он заранее решил, что сможет выгодно продать военному ведомству Америки этот же патент.

Сделка между Штейнером и мистером Грэем, американским представителем по изучению немецкой военной промышленности, состоялась.

На прощанье мистер Грэй сказал Штейнеру:

— Важно всегда уметь становиться на ноги, как это делают кошки.

Штейнер подобострастно пожал мистеру Грэю руку, небрежно протянутую ему на прощанье.

...Через месяц после «проверки» американцы предложили Штейнеру службу в лагере, в том самом лагере, где он обворовывал, убивал и калечил детей. Он получил службу как «знаток русских и специалист-педагог».

Теперь Штейнер вознаграждался за своё усердие не марками, а долларами, отчитывался не перед гитлеровскими властями, а перед американским оккупационным командованием и носил не германский военный мундир с железным крестом, но американский, цвета хаки.

В лагере постепенно восстанавливались порядки, почти ничем не отличавшиеся от тех, какие были при фашистах, хотя ребят пока не избивали.

Штейнер служил усердно. Он стремился всеми силами замести следы преступления. Вернувшись в лагерь, он первым делом уничтожил остатки бумаг, документов, инструкций и приказов, изданных им самим. Впрочем, американских начальников, наблюдателей и надзирателей меньше всего заботило поведение Штейнера.

Вскоре ему удалось получить разрешение использовать группу подростков для изготовления портсигаров, зажигалок и разного рода сюрпризных шкатулок с надписью: «В честь победы американских войск». Это был лицемерный, но ловкий ход фашиста Штейнера. Этим он льстил местным оккупационным властям. «Отлично!» — думал про себя Штейнер, потирая руки, после того как мистер Грэй и власти одобрили его начинание.

Штейнер становился «на ноги, как кошка». Он рассчитывал добиться исключения своего завода из списка военных предприятий, подлежащих ликвидации.

Через месяц по всему городу и за пределами его уже распространялся товар завода Штейнера, скромно именуемого на вывеске: «Мастерская сюрпризных изделий Германа Штейнера». Его шеф, мистер Грэй крупный заводчик и владелец табачной фабрики в Северной Каролине, был коммерсантом, «человеком дела». Грэй не смущало прошлое фашистского коменданта. Занимали его только деловые связи, сбыт своих сигарет, присылаемых из Америки и бизнес от патента на новую взрывчатку. Раньше он делал сигареты, смешивал табак «Вирджиния Бройт» с особо ароматичным болгарским. Но сейчас такой возможности не было. Мистер Грэй получал из Америки сигареты сомнительного качества, однако с помощью Штейнера ему удавалось сбывать их по баснословным ценам.

Дела Штейнера налаживались, шли в гору.

Сначала он побаивался своих пленников, как живых свидетелей, и нередко с сожалением вспоминал те времена, когда он мог расправляться свободно с каждым, не думая об ответственности. Сейчас наступили другие времена, но он превосходно приноровился и к ним, найдя среди американцев покровителей.

Зимой в лагере появились люди в модных пальто и шляпах, с тросточками, вежливые и учтивые. Они говорили на разных языках, читали для ребят лекции, проводили беседы. Рассказы сопровождались показом кинокартин, каких ребята прежде никогда не видывали. В одной из них, например, показывалось, как какой-то подросток-беспризорник шатался по узким улицам среди американских небоскрёбов, спал в мусорных ящиках, ездил на крышах поездов. Но вот он познакомился с дочкой владельца завода. Они влюбились друг в друга, и беспризорный, стал женихом этой девушки. Костюм бродяги сменился чудным смокингом

богатого американца, юноша приобрёл свой дом с огромным садом и автомобиль; при помощи своего покровителя-тестя он превратился в миллионера.

— Вова, что ты скажешь по поводу всего этого? — спросила его однажды встревоженная Люся после демонстрации фильма.

— Я перестаю что-нибудь понимать, — сказал угрюмо Вова. — Вернее, я начинаю кое-что понимать, — добавил он, помолчав, и вдруг крепко стиснул её руки. — Только береги силы, Люсенька! Береги выдержку и силы. Мне кажется, они нам ещё понадобятся! Нас отравляют всеми этими тошнотворными картинками.

Как-то в лагерь прибыло сразу несколько «докладчиков». Все они разошлись по баракам и читали лекции на тему: «Страна чудес, лучшая страна в мире — Америка». И тут же раздавали толстые журналы на русском языке с цветными фотографиями и рисунками.

В другой раз к ребятам приехали те же люди, но с другим докладом: «Современная Россия — страна голода и разрухи». Снова появились журналы и газеты, только на этот раз иллюстрации были весьма мрачного характера. Изображались какие-то лачуги, раздетые, тощие дети. Под одной из фотографий, изображавшей оборванных ребят, стоящих с котелками в очереди за пищей, подпись гласила: «Русские дети, потерявшие родных на войне, живут в домах для безродных».

Прочтя эти строки, Вова схватил журнал и кинулся к человеку в шляпе:

— Вы обманщики и мерзавцы! Это что? Это неправда, ведь это же снимки фашистских лагерей! Это мы так жили здесь, в Германии! — Вова задышался от злости.

Кто-то уже начал рвать журналы и газеты, разбрасывая клочья по бараку. Докладчик попятился к дверям.

— Вон отсюда, фашистские собаки! — раздался голос Андрея.

Прибежал Штейнер, американец-комендант, охранники. Ребята не унимались. Низкие стены грязного барака дрожали от криков:

— Долой фашистов-provокаторов!

— Домой, в Советский Союз!

— Да здравствует Родина!

Протест против лжи и клеветы на Советский Союз, начавшийся по инициативе Вовы и его боевой дружины, распространился по всему лагерю. В одном из барakov ребята выбили окна, разломали нары, выбросили железные печи и сняли с петель двери. Все требовали немедленной отправки на родину.

За бунт и беспорядки нескольких человек посадили в карцер. Среди них был и Вова. Андрей бегал по баракам, уговаривал пойти на выручку товарищей. Большая толпа юношей и девушек двинулась к карцеру. Дверь была сорвана, а Вова и его друзья выпущены на свободу.

После этого в лагере долго не было никаких докладчиков и кинокартин. Но ребят стали брать измором. Кормили плохо, перестали одевать, с рассветом выгоняли под охраной на расчистку города от мусора и камня, запретили собираться после десяти часов вечера.

Боевая дружина, созданная Вовой и Андреем для борьбы за свои права и отправку на родину, продолжала добиваться своего: писала жалобы, собирала подписи. Ей удалось добиться разрешения послать свою делегацию к коменданту города.

Майор-американец, тот самый, который приходил «освободить» лагерь, принял ребят, как показалось Воле, довольно добродушно.

Вова знал наизусть жалобу и изложил её сжато и убедительно. В жалобе майор не мог не заметить законности требований подростков. Он сделал вид, что искренне сочувствует ребятам, но ответ дал малоутешительный.

— Жалоба ваша будет доведена до сведения властей в Берлине, а пока вам придётся потерпеть.

Ребята вышли от коменданта унылые, разочарованные. В лагере их сообщение вызвало ещё большую тревогу. На следующий день поголовно все отказались выйти на работу и потребовали отправки делегатов в Берлин.

Но на этот раз из их затеи ничего не вышло. Активистов перевели на голодный паёк, а Вову и Андрея арестовали. Когда их товарищи попытались снова разбить двери карцера, многих избили и пригрозили отправить в тюрьму.

Самым тяжёлым ударом, обрушившимся за последние дни на Вову, была разлука с Андреем. Видимо, американская администрация быстро выяснила, кто из подростков является организатором демонстраций протестов, и решила ослабить «боевую дружину», разлучив её вожakov. Несколько подростков были спешно отправлены в другой лагерь, как «не поддающиеся обычному воспитанию». Андрея увезли так неожиданно, что Вова даже не успел с ним попрощаться.

Любимый спорт янки

— Я хочу знать, куда меня отправляют? — спросил Андрей.

— Ты бунтарь и объясняться с тобой будут потом! — резко ответил переводчик.

— Я не поеду! — категорически заявил Андрей, когда переводчик, солдат и он остановились у автобуса.

— Я не поеду! — категорически заявил Андрей, когда переводчик, солдат и он остановились у автобуса.

Вместо дальнейших объяснений, по знаку сопровождающих Андрея насильно втолкнули в автобус двое солдат, стоявших у машины. В большом автобусе уже находилось человек десять. Андрей сразу понял, в чём дело: среди пассажиров находились все активисты комитета, «бунтари», как объяснял переводчик.

Ребята сидели скучные, мрачные. Андрею это не очень понравилось. Чтобы развеселить товарищей, он громко произнёс:

— Ну и свобода в Америке. Вы, наверное, без таких почестей садились, как я?

Все присутствующие засмеялись.

Двое солдат, затолкнувшие Андрея в автобус, как ни в чём не бывало уже сидели рядом с ребятами и смотрели на них, не понимая, почему они смеются.

— Куда же они нас собрались везти? — спросил один, обращаясь к Андрею.

— На допрос.

— Ну, о чём же нас допрашивать? — возразил другой паренёк.

— Как о чём? Скажут, битте, пожалуйста, рассказывайте, как бунт устроили, как окна выбили и тому подобное.

— Так мы им и расскажем, — сразу отозвалось несколько голосов, — от нас дождётся, только спроси...

— Вот что, ребята, — начал Андрей. — Даю вам слово, где бы мы ни оказались, а я сбегу. Обязательно сбегу, махану через Эльбу и дам нашим знать, где находится этот проклятый лагерь «перемещённых лиц»... Как, одобряете?

— Ты тише, Андрей, — предупредил товарищ, кивнув на солдат.

— Они не понимают по-русски.

— Ты прав, надо бежать, если удастся, — согласились все.

Но Андрей и его товарищи ошиблись. Их не на допрос везли, а просто в такой же лагерь для «перемещённых лиц». Оказавшись на новом месте, ребята поняли, почему с ними так поступили. И этот лагерь не отличался от того, в котором только что находился Андрей и его товарищи. И здесь проводилась та же американская «забота» о душах русских подростков. Даже библию читали, заставляли молиться.

В один из воскресных дней читалась лекция о физическом воспитании. Прибывший лектор рассказывал о том, как широко развит физический спорт в Америке, и что любой из прилежных и физически развитых подростков может избрать себе любимый вид спорта и стать знаменитостью. Конечно, — говорил лектор, — он рассказывает это для тех, кто собирается поехать в Америку. Лектор надеялся, что русские подростки поймут, как им будет хорошо жить в Америке.

После лекции, как бы в подтверждение сказанного, состоялось представление прямо на дворе лагеря. На этот раз было не кино, а показ ресленга — «свободной борьбы».

Бойкий молодой американец вышел в круг и произнёс по английски:

— Хелло, бойс![29]

Ему никто не ответил. Собравшиеся сидели как попало, прямо на земле, и молчали. Давно надоели всякие представления, но такого ещё не было в лагере. Потом трое белых американцев и негр, составлявшие две пары борющихся, вышли на арену.

Первая пара здоровых, молодых парней вышла в круг, напоминающий ринг для бокса. Круг был отделён от зрителей верёвками, натянутыми на колья, вбитые в землю.

Перед началом борцы стояли друг против друга и усиленно жевали резину, точно голодные. На лице одного Андрей увидел широкий шрам от уха к подбородку. У другого большой рубец шёл

от левого плеча наискось почти через всю спину.

— Меченые, — сказал с иронией Андрей, обращая на них внимание товарища.

— Видать, забияки, — согласился тот.

Судья-лектор дал сигнал. Парни бросались друг на друга, как разъярённые быки. Однако борьба оказалась кратковременной: один из борцов ударом ноги в живот сбил противника и был объявлен победителем. Побеждённого на руках вынесли из круга.

Другая пара — высокий, хорошо сложенный негр и не менее сильный, но хуже по сложению блондин вышли на круг и долго ходили, нахохлившись, как петухи, видимо, выбирая выгодную позицию для нападения. Наконец негр одним прыжком оседлал блондина, схватив его сзади таким образом, что обе его руки оказались на шее противника, сжатые в замок. Андрею казалось, что вот-вот негр задушит блондина, но тот каким-то образом схватил негра зубами за палец, да так, что негр с визгом разжал руки, отскакивая от противника.

— Это какая-то собачья драка, а не борьба, — заметил Андрей.

— Без драки, пожалуй, не обойдётся сегодня, — согласился товарищ.

Было видно, как из пальца негра текла кровь на потную спину блондина, когда негр снова зажал его, словно в тиски. Но судья, к удивлению ребят, только улыбался. Когда блондин одолевал негра, американцы визжали, свистели, хрюкали, и, напротив, когда негр брал верх, злобно, молча смотрели на него.

Борьба до перерыва закончилась без результата. Оба противника, задыхаясь от усталости, покачиваясь и обливаясь потом, отдыхали, находясь друг против друга метрах в пяти. Прошло несколько минут, и судья-лектор дал сигнал к продолжению борьбы.

Негр опять первым напал на блондина, и на этот раз прижал было его к земле, но ловким движением тот отбросил противника, выскользнул и встал на ноги. Не успел негр прийти в себя, как противник головой ударил его в подбородок. Негр удержался на ногах и, обливаясь кровью, нанёс ответный удар головой в солнечное сплетение. Блондин рухнул на землю. Его лицо моментально посинело, он лежал без признаков жизни. В толпе ребят заохали и заахали, думая, что негр убил противника. Но это продолжалось несколько секунд. Скоро ребята увидели другую, более ужасную картину. Американцы из охраны так были оскорблены победой негра, что бросились в круг и начали избивать победителя.

В кругу для «свободной борьбы», где демонстрировался любимый спорт янки, началась свалка, настоящая драка.

— Пора! — решил Андрей. Он воспользовался этой потасовкой, в которую вмешались все американцы, без исключения, быстро выбрался из толпы и скользнул за ворота. В километре от лагеря находилась сосновая роща. Андрей бежал, сколько хватало сил, чтобы скорее скрыться в лесу. Но если из лагеря Андрею было легко убежать, то теперь он думал о том, что делать дальше, как добраться до Берлина...

«Не вышло, господа американцы!»

Однажды рано утром начальство лагеря засуетилось и подняло всех на ноги. Мели двор,

чистили уборные, выскребали мусорные ящики и помойные ямы, убрали остатки угля и золы. Работа кипела. Бараки тоже заставили мыть, наводить некоторую чистоту и порядок.

Вся эта суэта напомнила Вове и Люсе 1941 год, когда Штейнер готовил ребят на продажу. Опять лагерников партиями повели мыться, на этот раз не к болоту, а в настоящую баню.

За много месяцев это был первый выход за ворота с колючей проволокой, первая баня. После купанья выдали чистое бельё и новые костюмы: юношам — брюки клёш и пиджаки с множеством карманов, девушкам — платья. Правда, костюмы и платья были из какого-то грубого, похожего на «чёртову кожу» материала, но всё же это было лучше, чем лохмотья. Обувь тоже заменили: вместо немецких ботинок на деревянной подошве выдали американские, с медными шпильками, на каучуке. «Что ж это такое?» — думал Вова.

— Что, по-твоему, они задумали с нами сделать? — спрашивала у Вовы Люся.

— Наверное, нас снова хотят отправить куда-нибудь на работу, — ответил он. — Ведь отправили же Андрея!

— Но мы не поедём! Будем бороться, потребуем пропустить наших делегатов к советским оккупационным войскам. Правда, Вова?

— Только так! Расскажи об этом всем немедленно, пусть готовятся.

Сытый американец в офицерской форме, с огромным чёрным пистолетом на боку, прибыл в лагерь со свитой солдат, сержантов и переводчиков.

На площадку вынесли столы. Начался опрос ребят.

— Где родился? — через переводчика спросил офицер у Вовы.

— В Советском Союзе.

Вова отвечал гордо, отчётливо, чтобы подбодрить тех, кто шёл за ним.

— Родители есть?

— Есть.

— В лагере давно?

— С 1941 года. Довольно мы здесь намучились.

— Партийность?

— Что-о? — переспросил Вова.

— Господин офицер спрашивает тебя, принадлежишь ли ты к какой-нибудь молодёжной организации, партии.

— У себя, в Советском Союзе, я был пионером.

Переводчик добросовестно перевёл офицеру.

— Значит, был маленьким большевиком? — спросил переводчик.

— Я и сейчас большевик, — громко ответил Вова.

— Американское командование и правительство, — начал переводчик, — предоставляют тебе право выбора: ты можешь поехать в Соединённые Штаты Америки, Англию, Канаду, Аргентину. У вас в России плохо после войны, голод. Поэтому американское правительство хочет помочь тебе и твоим товарищам. И ещё господин офицер просил передать, что в Советском Союзе тех, кто возвращается из Германии, карают, заставляют работать на шахтах и даже сажают в тюрьму. Ты понял?

— Я-то понял, да вы ни черта не понимаете! Мы уже знаем лучшую страну мира — Америку. Нам показывали ваши кинокартины. Только мы Родину нашу ни на что не променяем. Мы хотим и требуем, чтобы нас отправили в Советский Союз! Только в Россию!

— Я-то понял, да вы ни черта не понимаете! Мы уже знаем лучшую страну мира — Америку. Нам показывали ваши кинокартины. Только мы Родину нашу ни на что не променяем. Мы хотим и требуем, чтобы нас отправили в Советский Союз! Только в Россию!

Вова говорил воодушевлённо, глаза его горели, он чувствовал, как в тишине взволнованно слушают его товарищи.

Переводчик торопливо бормотал офицеру Вовино заявление. Офицер махнул рукой. Вова подумал с гордостью: «Не вышло, господа американцы! Не нравлюсь, не подхожу!»

За соседним столом отвечал другой мальчик. Он, как и Вова, говорил резко, голос его дрожал от обиды.

— Если меня силой повезут в какую-нибудь «лучшую страну», а не в Советский Союз, — говорил он, — я буду драться, но не поеду. Да, буду драться до смерти, ясно?

— Зачем же драться? — сказал, учтиво улыбаясь, переводчик. — Дело добровольное, тебе предлагают выбор.

— Мы знаем ваш выбор. Всё это ложь. Нас тут держат без нашего согласия и выбора, а тоже называют это свободой!

Недалеко от Вовы стоял американский солдат — негр. Он слышал, как Вова отвечал офицеру. Негр то улыбался, обнажая белые зубы, то мрачнел. Вова тоже наблюдал за ним и без слов понимал, что негр сочувствует ему. Может быть, он немного понимал по-русски.

Вова вышел из толпы и направился в барак к девочкам, чтобы повидать Люсю. Его догнал солдат-негр. Вова подумал: «Опять на допрос», но услышал:

— Совет Юнион гуд. Русска камрад гуд. Сенк'ю, русска камрад![30] — шептал торопливо негр.

Вова посмотрел в большие тёмные глаза негра и, улыбаясь, ответил:

— Негр — американский солдат очень гуд, хороший, понял?

Не успел он закончить фразу, как раздался глухой удар.

Ни Вова, ни солдат-негр не заметили, как к ним подошёл американец. Негр вздрогнул и покачнулся. Через мгновение он опомнился и покосился на Вову, как бы говоря: «Сам видишь, какова наша Америка!»

Ударивший негра сержант равнодушно жевал резинку и брезгливо вытирал платком руку.

— Человека бьют, как животное. Тоже мне, представители лучшей страны мира! — громко сказал Вова.

Его охватила такая ярость, что он готов был броситься на сержанта и едва нашёл в себе силы сдержаться.

Вечером ребята торжествовали: среди русских не оказалось ни одного охотника в Америку.

Враг или друг?

Две ночи Андрей шёл на восток, выбирая безлюдный путь, шёл то лесами, то степью, минуя населённые пункты. Выбившись из последних сил от усталости и голода, он решил отдохнуть днём в каком-то овраге.

Перед ним встали почти неразрешимые трудности. Во-первых, Андрей плохо представлял маршрут, по которому можно было скорее добраться до Эльбы, так как у него не было карты, которая указала бы ему правильную дорогу. Во-вторых, он был очень голоден. Правда, у Андрея было немного немецких марок, но, чтобы на них что-нибудь купить, надо было идти в населённый пункт, а это значит снова попасть в лапы американцев. Попадись он только — и его жестоко накажут.

Несколько часов Андрей провёл в овраге под зелёным кустом орешника, скрываясь в высоких зарослях душистой травы. Палящее солнце перевалило к полдню, стих летний ветерок, и от этого в воздухе стоял такой зной, что Андрей совершенно не мог идти больше. Он решил немного соснуть. Прилёг, подложив мятую старенькую шляпу под голову, и закрыл глаза, но сон не шёл. Всё те же мысли беспокоили его. Андрей слышал, как где-то стрекотала сорока, бесконечно «стригли» кузнечики и тихо-тихо шелестели почти сухие листья орешника, палимые солнцем. И вдруг до его слуха донёсся слабый лай собаки.

— Может, меня ищут? — спросил он себя вслух и испугался собственного голоса, — настолько он был слабым и хриплым. Но скоро эта тревога отпала. Андрей уверил себя, что он ушёл достаточно далеко. Однако опять и опять стал прислушиваться к отдалённому лаю собаки.

«Пойду прямо туда, — решил Андрей, — может, как раз и выйду на доброго человека». Он встал и совершенно разбитый, до предела усталый, шагнул вперёд, еле передвигая распухшие ноги. Они слушались плохо, казались тяжёлыми, точно в свинцовых колодках. Густая и высокая трава связывала движения. Наконец Андрей добрался до небольшого соснового леса, а когда вышел на опушку, увидел впереди себя заводские трубы. Они выбрасывали рыжий дым, плывущий прямыми столбами в небо.

«Может, я пришёл к лагерю?» — подумал он. С пригорка, на который Андрей забрался с большим трудом, он увидел город в огромной котловине между холмами.

В городе жизнь шла своим чередом. На улицах было многолюдно, и Андрей нарочно влился в общий поток людей. «В толпе легче укрыться», — решил беглец и пошёл к центру города. Люди шли не спеша, смеялись, разговаривали, другие шагали торопливо и молча. Были всякие: и хорошо одетые, и плохо, и молодые, и пожилые. Словом, обычные люди из обычного города. Когда навстречу попадались американцы-военные (Андрей хорошо знал их форму одежды), ему становилось страшновато, казалось, что вот-вот кто-нибудь из них узнает беглеца.

Добравшись по узким и многолюдным улицам города к центру, Андрей вышел к высокому зданию, в котором помещалась гостиница. Только подойдя почти вплотную к центральному входу, он заметил, что здесь почти одни военные. У дверей, на широкой лестничной площадке, на тротуаре стояли американские офицеры и солдаты. Входили в гостиницу и выходили из неё только они.

Андрей понял, что пришёл в город, где стоят американские войска, и торопливо юркнул в первый попавшийся узкий переулок, опять влившись в общий людской поток.

Хотя Андрей умел сравнительно неплохо говорить по-немецки, однако, знал, что любой немец сразу узнает по его выговору, что он русский. Это пугало Андрея не меньше, чем встреча с любым американцем; Кружа по улицам и переулкам, он думал о том, как и где купить кусок хлеба или вообще чего-нибудь съестного. Ему попадались большие и маленькие магазины, но он всё не решался войти. И костюм из лохмотьев, и незнание порядка и жизни немецкого города, и, наконец, неумение чисто и хорошо говорить по-немецки, — всё могло его сразу же выдать. Но голод заставлял что-то предпринять.

Наконец он вышел снова в шумный квартал города и, выбившись окончательно из сил, остановился у здания с большой вывеской. Это был ресторан.

«А что, если я зайду и, как нищий, попрошу хлеба, каких-нибудь остатков еды», — подумал Андрей, всё ещё разглядывая вывеску. Но тут же его взгляд упал на другую, висевшую ниже первой, прямо над дверью. На ней крупными буквами было написано:

«РЕСТОРАН ТОЛЬКО ДЛЯ АМЕРИКАНЦЕВ».

«Вот это здорово! — подумал Андрей. — А я чуть не ввалился туда...»

Будто только сейчас на него пахнуло чадом кухни, в которой жарят и варят вкусные блюда. Из открытых окон ресторана слышалась джазовая музыка, напоминающая рёв диких животных, оглушительный свист, раздирающий визг и ещё какие-то гнусавые звуки. С тротуара, где стоял Андрей, было видно, как тесным кольцом, раскачиваясь, плыли танцующие пары. Никогда ещё Андрей не слышал такой оглушительной музыки и не видел таких странных танцев.

Он стоял до тех пор, пока не заметил, как из ворот выехала крытая машина с разноцветной рекламой. Он понял, что во дворе могут быть места для свалки отходов с кухни. Ворота были открыты. Андрей подошёл и заглянул во двор. Людей там не было. Он прошёл в глубь двора, заметил там большие железные ящики и подумал, что можно присесть на них, дожидаться темноты, а потом поискать чего-нибудь съестного.

Как раз в тот момент, когда до ящика оставалось метров десять, из боковой двери вышла стройная немка в белом халате с корзинкой в руке. Поравнявшись с Андреем, она остановилась и громко спросила по-немецки:

— Чего тебе здесь нужно?

«Прикинусь немым», — моментально сообразил Андрей. Он сделал рукой такой знак, будто хотел что-то положить в рот и неестественно замычал, шевеля губами.

Немка смерила его пристальным взглядом, приподняла белую салфетку на корзинке и, к удивлению Андрея, протянула ему небольшую белую булочку.

Андрей совершенно неожиданно для себя нервно схватил булочку так, что немка вздрогнула и

поспешно ушла.

Долго Андрей бродил по улицам незнакомого города, собирая куски хлеба, как нищий, чтобы запастись на дорогу. Но не только продукты были нужны юноше, поставившему себе цель — добраться до Берлина. Ему не хватало друга, который бы помог ему добраться до Эльбы, переправиться на другую сторону встретиться с советскими людьми и рассказать о друзьях и товарищах, ждущих освобождения.

Тяжело бродить по чужому городу голодному, чувствуя каждую минуту страх за свою судьбу. Куда же все-таки ему идти, каким путём?

В ночь, когда Андрей принял решение покинуть город, он до утра просидел в каком-то сквере, размышляя: или идти одному, или всё-таки попытаться найти человека, открыться ему и попросить помощи. Под утро, чтобы не уснуть, он ходил по скверу до тех пор, пока на востоке не появились первые проблески зари.

Начиналась обычная утренняя жизнь города. Андрей пошёл сам не зная куда, радуясь только одному, что за всю длинную и мучительную ночь никто не тронул его, хотя в таком большом городе всегда есть прохожие. И ещё он думал о том, можно ли рискнуть и рассказать кому-нибудь о себе, попросить помощи. Но как отличить друга от врага?

Андрей остановился, привлечённый необычным шумом. Было около шести часов утра, когда он неожиданно для себя вышел к вокзалу. Из-за огромного здания до слуха Андрея донеслись громкие голоса, прерываемые свистками и шипеньем паровозов. Сначала он подумал: «Посадка пассажиров», потом — «Случилось какое-то несчастье». Андрей остановился у сквера и прислушался. Почти сейчас же он увидел, как человек пять или шесть в рабочих куртках выскочили навстречу ему. Они пробежали мимо, не обращая на него никакого внимания. Прошло ещё несколько секунд, и появилась уже толпа, но не бегущая, а как-то необычно отступающая в сторону от вокзала.

Андрею следовало бы уйти, но его заинтересовало — что здесь такое происходит? Тем временем в толпе началась свалка.

Андрей увидел полицейских и американских солдат, вооружённых резиновыми дубинками. Они сплошной стеной наступали на людей в рабочих костюмах. В гуще толпы он заметил над головами людей плакаты, на которых было написано по-немецки: «Мы хотим работы!», «Мы хотим хлеба!», «Мы требуем повысить заработную плату!», «Мы протестуем против отправки немецких ценностей в Америку!». Это была первая забастовка немецких железнодорожников.

Мимо пробежал рабочий, а за ним американский солдат с резиновой дубинкой. Андрей машинально повернул голову в их сторону. В тот же миг он увидел, как американец, догнав рабочего, взмахнул дубинкой, и тот, как скошенный, упал на мостовую.

Андрей, наконец, решил, что происходит какая-то облава, и тоже побежал неизвестно куда, помня лишь одно, что надо держаться жилого квартала, идущего от вокзального скверика к городу. Мысли его теперь работали с необыкновенной быстротой.

Убегая, он думал: «Куда бы скрыться, в какой двор», но тяжёлый удар резиновой дубинки опустился и на его голову. В какую-то долю секунды он почувствовал сильную боль, горячие струйки крови обожгли ему лицо. Под ногами всё закружилось, он упал, теряя сознание.

* * *

Пожилой, хромоногий человек нагнулся над юношей, у которого из раны на голове сочилась кровь. Юноша тихо стонал и время от времени слабым голосом просил пить. Рядом с ним лежал бумажный разорванный кулёк, выпачканный кровью, из которого вывалилось несколько сухарей, две луковицы и плохо обглоданная кость курицы. Это всё, что было с трудом собрано Андреем в далёкий и опасный путь к Эльбе.

Прохожий не спеша вынул из кармана серый носовой платок и начал бинтовать голову Андрею. На улице было уже пустынно. Забастовщиков разогнали американцы и немецкие полицейские, вооружённые дубинками.

Носового платка оказалось недостаточно, чтобы забинтовать рану. Человек высвободил из-под брюк нижнюю рубашку и оторвал лоскуток белого полотна. Он делал всё безмолвно и только изредка посматривал на сквер, куда собирался перенести юношу.

Не сразу к Андрею вернулось сознание. Он открыл глаза и увидел пожилого человека, сидящего неподалёку на садовой скамейке. Первая мысль, мелькнувшая в больной голове Андрея, была: «Кто он, друг или враг?» Обводя взглядом вокруг, он ничего не мог понять: где лежит, как попал сюда, сколько времени находится здесь, кто этот человек, сидящий на скамейке?

— Вы кто? — по-немецки спросил Андрей и вздрогнул. Получилось так, что немец сразу понял: спрашивает русский.

— Я человек, немец, — ответил тот.

— За что вы меня ударили?

— За что же я тебя могу ударить?

Но Андрею уже не нужно было отвечать на вопрос. Он моментально припомнил то, что с ним произошло.

— Американец тебя ударил, — проговорил немец совершенно спокойно. — Ты работаешь на железной дороге?

— Нет.

— Ты русский?

— Да...

— Как ты сюда попал?

— Я... я...

Андрей хотел сказать, что он сбежал из лагеря, но не решался. Его мучил вопрос, кто этот человек, можно ли ему сказать правду. Только одно подкупало в этом человеке: русская, почти совсем чистая русская речь.

— Говори, говори, мне можно, — сказал немец так ласково, что Андрей заплакал и сквозь слёзы ответил:

— Я... я убежал...

— Откуда?

Вместо ответа Андрей опустил голову.

— Тебя как звать?

— Андрей.

— А меня зовут Макс...

Такого человеческого отношения к себе Андрей давно уже не испытывал. И он решился рассказать Максиму о своём побеге, о своей мечте перебраться в Восточную Германию.

Через день Макс и Андрей шли к так называемой границе между Западной и Восточной Германией на Эльбе. Денег у них не было, и поэтому им потребовалась целая неделя, чтобы пешком дойти до Эльбы. Только по дороге Андрей узнал, кто такой Макс, и успокоился. Макс сообщил ему, что он идёт легально и поможет Андрею.

— Мне помогли получить пропуск, — рассказал Макс, — друзья казнённого немецкого революционера Карла Кернера, с которым я вместе сидел в тюрьме...

И вот, наконец, Андрей оказался у своих. Какая радость! Комендант одного городка, полковник Советской Армии, долго слушал его рассказ о судьбе советских ребят, заточённых в американский лагерь для перемещённых лиц.

— Успокойся, выручим твоих друзей, — сказал он Андрею на прощанье. — Родина своих детей не забудет.

Здравствуй, Родина!

Наступил 1946 год. Приближалась годовщина победы над фашистской Германией. Жора ехал на родину вместе с демобилизованными бойцами Советской Армии, прошедшими славный боевой путь от Москвы до Берлина. Его направили учиться в танковое училище.

Майор Павлов, провожая Жору, сказал:

— Смотри, с честью оправдай наше доверие! Не посрами звание танкиста.

— Есть! — по-военному ответил Жора.

— А Вову и Люсю я непременно разыщу. О них не забыли...

Павлов и Жора расцеловались.

Жора стоял у открытого окна вагона, радостный и взволнованный. Невысокого роста, коренастый и крепкий, в новеньком военном костюме, он выглядел настоящим воином-победителем.

Поезд тронулся к границе милой, дорогой Отчизны. Мелькали станционные здания, проносились мимо пригородные поля и перелески, а Жора всё стоял у открытого окна и мечтал. Скоро он вернётся на родину, встретится с друзьями и снова сядет за учебную парту. Он будет танкистом.

* * *

По баракам лагеря разнеслась долгожданная весть: приехал советский офицер! Его прибытие оказалось неожиданным для администрации лагеря, давно получившей инструкцию тщательно скрывать местопребывание советских детей.

Штейнер и американцы забегали, засуетились.

Всех русских юношей и девушек выстроили на лагерной площадке и объявили, что с ними будет говорить офицер из Советской зоны оккупации Германии.

Наступила напряжённая тишина. Все взгляды были устремлены туда, откуда должно было, наконец, прийти спасение. Минуты казались вечностью.

«Чего же это его нет так долго?» — думал Вова, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Он перебирал в памяти самые заветные слова, которые он сейчас скажет, пусть незнакомому, но уже близкому человеку — советскому офицеру. Вова ещё не знал, как он выразит всё, что накипело на сердце за годы фашистской неволи и за эти последние тревожные месяцы, когда за ними снова вдруг захлопнулась дверь ловушки, на этот раз американской.

К площадке приближалась группа военных. Впереди уверенным, размашистым шагом шёл подтянутый советский офицер. Казалось, что он спешил раньше других пройти оставшиеся сто-двести шагов и внимательно искал кого-то в толпе подростков.

Вова вздрогнул. Что-то очень уж знакомое было в этой коренастой фигуре. «Неужели Павлов?» — подумал он, но отогнал эту мысль. Ему сразу представился Павлов, худой, бледный, заросший бородой, с котомкой за плечами. Так уходил от них Павлов, опираясь на палку, прихрамывая. Как давно это было!..

— Здравствуйте, товарищи! — услышал Вова знакомый голос.

Да, это был Павлов. Тёплый, ласковый взгляд его остановился на Вова. Вова весь просиял. Он хотел броситься к Павлову, но тот остановил его мягким движением руки.

— Ну, кто хочет говорить? — спросил Павлов, медленно идя вдоль шеренги выстроенных ребят.

Тогда Вова, волнуясь, сделал шаг вперёд и громко с дрожью в голосе произнёс:

— Разрешите? Целый год мы томимся у наших «друзей». Всё осталось так, как при фашистах. Даже комендант лагеря старый. Нас агитировали не ехать в Советский Союз...

— А вы что ответили? — спросил Павлов.

— А мы ответили вот ему, — Вова указал на американского офицера, — мы ответили ему: «Вы лжёте, клевете на Советский Союз! Мы хотим на родину, только на родину!..»

— А вы что ответили? — спросил Павлов.

— А мы ответили вот ему, — Вова указал на американского офицера, — мы ответили ему: «Вы лжёте, клевете на Советский Союз! Мы хотим на родину, только на родину!..»

Американец недовольно поморщился. Он понимал русский язык, и речь Вовы была для него неприятна.

— Давно вас одели так? — поинтересовался Павлов.

— Нет, недавно. Перед тем как предложили ехать в «лучшую страну мира», нам и выдали эти костюмы, — ответил Вова.

— Что же это за «лучшая страна»? — как бы не понимая, спросил Павлов, поглядывая на собравшихся американцев.

— Америка. Они так называют свою страну, — Вова кивнул в сторону американцев.

Стихийно возник митинг. Ребята говорили горячо, возбуждённо, радостно. Все знали, что теперь уже наверное их мучениям пришёл конец.

Вова снова выступил:

— Мы с радостью покидаем Германию, где так много наших товарищей погибло от голода, побоев, болезней и пыток. И мы никогда не забудем этого! — Вова посмотрел на Павлова, одобрительно кивнувшего ему, и продолжал: — Мы не обрадовались американским костюмам, их соевой похлёбке и кофе с сахаром. Мы не поверили их сказкам о «лучшей стране мира» и клевете на нашу Родину. Мы много дней и ночей мечтали и рвались домой, в нашу страну...

Вова замолчал. Его слова взволновали всех до слёз. Вова закрыл глаза рукой и виновато закончил:

— Не могу больше говорить...

— Ничего, ничего... успокойся... А я-то думал, ты самый крепкий, — шутил Павлов, подбадривая Вову, а у самого дрожал голос от волнения.

— Он и есть у нас самый сильный, — проговорила Люся и покраснела.

Она тоже узнала Павлова, но он до сих пор не замечал её. Люся подошла к Вове, растерянная и счастливая. Наконец-то пришёл за ними такой хороший, настоящий советский человек, каких они так давно уже не видели.

Вова вытянулся по-военному и сказал:

— Друг мой Андрей и ещё несколько наших активистов недавно вывезены из этого лагеря. Как бы, товарищ Павлов, найти их?

— Найдём, обязательно найдём и поможем вернуться на Родину, — успокоил его Павлов.

Сборы были недолгими. У ребят не было ни чемоданов, ни узлов. Все они, одинаково одетые, исхудавшие и радостные, ждали лишь команды. Каждому хотелось скорее покинуть лагерь.

Павлов с американским офицером оформляли документы. На лагерном дворе было шумно. Это волновались и кричали подростки из Чехословакии, Польши, Болгарии и других стран, с завистью провожая своих советских товарищей.

— Ну, дайте-ка я ещё на вас погляжу. И узнать нельзя, как выросли! — говорил Павлов, усаживая Вову и Люсю в свою машину.

Старший сержант, сидевший за рулём, обернулся:

— Наверно, те самые, товарищ майор?

— Вот видите, он вас знает, а вы его нет. Знакомьтесь. Он вашего дружка Жору нашёл. Это товарищ Зорин, мой боевой друг. Вместе до Берлина дошли и вместе здесь пока остались. — Павлов вздохнул.

Вова и Люся радостно пожали крепкую руку Зорина.

Машина плавно понеслась по шоссе. «Жорка жив, жив!» — думал Вова. Он не мог ещё прийти в себя от всех этих чудесных перемен.

— Ну, как вы здесь очутились? Будто действительно за нами приехали? — говорила Люся. — Так в жизни не бывает, так только в сказках рассказывается.

— Почему же? Обещал — и приехал. Вот пусть Зорин скажет, я всегда слово держу, — пошутил Павлов. А потом рассказал, каких трудов стоило обнаружить их лагерь.

Вова и Люся, как замороженные, глядели на дорогу. Они словно впервые видели зелёные луга, маленькие домики с черепичными крышами, просторное голубое небо. Павлов искоса поглядывал на них повлажневшими глазами. Он вспомнил, как в день Победы во время праздничного ужина полковник подошёл к нему и спросил:

— Что дальше делать собираетесь?

Павлов тогда изъявил желание работать в комиссии по репатриации. Полковник кивнул:

— Понятно! Всё ребяташек тех забыть не можете? Добре!

И вот они рядом, выжили! Теперь у них впереди большая, счастливая жизнь.

— Поезд шёл быстро. Смех, говор и песни сливались с шумом колёс.

В вагон к Вове пришла Люся. Высунувшись в окно, они глядели на мелькавшие телеграфные столбы, быстро бегущие непрерывной лентой зелёные поля, на тёмные, немного мрачноватые сосны.

— Весна! Пятая весна, — почти шёпотом проговорил Вова, — с тех пор, как мы не были на родине.

— Но мне почему-то кажется, — подхватила Люся, — что это первая и самая красивая весна в моей жизни.

— Знаешь, Люся, что я думаю? Вот приедем домой и в честь нашего возвращения посадим где-нибудь на хорошем месте молодые деревья. Будем за ними ухаживать, беречь. И вырастут они высокими, стройными...

— Домой! Подумать только — домой! — повторила Люся.

Глухо постукивали колёса, вздрагивал уютный пассажирский вагон, шумно дышал на подъёмах паровоз.

Кто-то затянул песню «Дороги». Ребята впервые услышали её во время посадки и выпросили у советских воинов листовку с текстом задушевной песни. Других новых песен они ещё пока не знали и потому второй день пели эту.

Хор звонких юношеских голосов подхватил:

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.

Вова вслушивался в слова песни о дружке, который лежит неживой в бурьяне, о том, как у «крыльца родного мать сыночка ждёт», о том, что «нам дороги эти позабыть нельзя».

— Да, нам дороги эти позабыть нельзя, — сказал он.

— Будто про нас эта песня сложена, — отозвалась Люся.

— Да, про нас. Мы тоже оставили дружков в бурьяне, в чужой, холодной земле, и многих из нас ждут матери и отцы, только не все дождутся.

На глазах Люси задрожали слёзы, и она отвернулась.

Вова прижался к её плечу.

— Нам теперь о другом надо думать. Вот приедем домой и начнём учиться, работать. Широкие перед нами дороги...

Давно уже все спали крепким сном, только Вове не спалось. Ему всё ещё не верилось, что через несколько часов он выйдет из вагона и ступит на родную землю, встретится с мамой, с родными и близкими.

Он подошёл к окну и осторожно, чтобы не разбудить товарищей, опустил раму. Свежая струя ночного воздуха хлынула ему в лицо. Вова высунул голову в окно и посмотрел вперёд. Паровоз, разрывая мрак ночи, мчался на восток. А там, впереди, на темно-голубом небе, ширилась розовая полоска зари, предвещая восход солнца.

Вову охватили невыразимая радость и гордость за великую Родину, не оставившую своих детей в беде, вернувшую им юность, свободу и счастье.

Эпилог

Прошло три года.

За время учёбы Жора не раз думал о том, что надо разыскать Вову, Андрея, Люсю, но всё как-то складывалось неудачно. Он был очень занят учёбой, которая ему давалась нелегко, и не имел времени заняться по-настоящему розысками друзей. Но ни на минуту не терял он надежды на встречу с ними.

Наступил долгожданный отпуск. Май был хмурым: вдалеке дымились горы, временами шёл весенний дождь, а дни, как нарочно, были длинные и скучные, и хотя давно буйно зазеленели леса и поля, по утрам весело щебетали птицы, звавшие в лес, в поле, но Жора отсиживался целыми днями в читальном зале училища за книгами, газетами или сражался с товарищами в шахматы. Не очень весело проходил отпуск, но поехать ему было некуда.

Как-то утром, после завтрака, он пошёл в читальный зал посмотреть свежие газеты. В «Красной звезде», в корреспонденции из Лондона, сообщалось, что в столице Великобритании состоялась конференция Общества англо-советской дружбы. Кроме других решений, участники конференции приняли резолюцию, выражающую беспокойство по поводу отказа английских властей вернуть родителям сотни советских детей, похищенных нацистами и содержащихся в лагерях для «перемещённых лиц».

Это короткое сообщение как-то по-особенному встревожило Жору. А что, если Вова, Андрей, Люся и сотни других его товарищей не возвратились на родину? Нет, он так не думал, он был уверен, что они давно, как и он, учатся, растут, работают, строят коммунизм. И если он упрекал себя, то только за то, что не проявил настойчивости и упорства в их розысках.

Уткнувшись в газету, Жора уже не читал её, а держал в руках и думал-думал, перебирая в памяти имена и фамилии мальчиков и девочек, близких друзей и товарищей по лагерю. И вдруг он вспомнил, что в одной из газет, совсем недавно, он встречал знакомую фамилию.

Давно кончился обед, но Жора забыл о нём. Он с трепетным волнением искал газету, в которой, как ему казалось теперь, была упомянута эта фамилия. Жора перебрал десятка три различных газет, читая заголовки, пока, наконец, не нашёл нужный номер.

В небольшой корреспонденции сообщалось.

Недалеко от Сталинграда, на небольшом расстоянии друг от друга строятся пять шлюзов Волго-Донского судоходного канала. Грунтовая вода внезапно хлынула в котлован одного шлюза, и строителям пришлось проявить немало упорства, умения и труда для откачки её. Экскаваторщик-комсомолец Горлов одним из первых вынул из верхней части шлюза последние кубометры грунта и обеспечил широкий фронт работы для укладчиков бетона. На собрании молодых строителей-комсомольцев ему была вручена Почётная грамота ЦК ВЛКСМ за одержанную победу в соревновании экскаваторщиков на стройке Волго-Донского судоходного канала.

Недалеко от Сталинграда, на небольшом расстоянии друг от друга строятся пять шлюзов Волго-Донского судоходного канала. Грунтовая вода внезапно хлынула в котлован одного шлюза, и строителям пришлось проявить немало упорства, умения и труда для откачки её. Экскаваторщик-комсомолец Горлов одним из первых вынул из верхней части шлюза последние кубометры грунта и обеспечил широкий фронт работы для укладчиков бетона. На собрании молодых строителей-комсомольцев ему была вручена Почётная грамота ЦК ВЛКСМ за одержанную победу в соревновании экскаваторщиков на стройке Волго-Донского судоходного канала.

Дважды Жора перечитал газетное сообщение. «Неужели это Вовка, тот самый Вовка, с которым мы были вместе там, в Германии?» — подумал он и решил немедленно послать телеграмму. Тут же он написал:

«Сталинград, строительство Волго-Донского канала, экскаваторщику комсомольцу Горлову. Сердечно поздравляю трудовым успехом великой стройке. Ты ли это или другой Горлов? Волнуюсь, телеграфируй.

Твой друг Жора»

До поздней ночи Жора не мог уснуть. Мысленно он спорил сам с собою, то убеждал себя, что это тот самый Вова, то, напротив, думал, что таких фамилий много и вообще смешно посылать

телеграмму без точного адреса, «на деревню дедушке», и снова приходил к мысли: «А вдруг это всё-таки он? Пусть там тысячи комсомольцев, десятки участков, но моя телеграмма попадёт какому-то Горлову. Только бы он ответил», — думал Жора.

Спал он плохо. Сосед по койке проснулся от крика. Это кричал сонный Жора. Ему снилось, будто он снова в лагере смерти стоит перед Штейнером, который вот-вот изобьёт его. Страх охватил Жору, и он решился на последнее: с криком бросился на коменданта, чтобы задушить его...

— Что с тобой? — громко спросил сосед.

— Кажется, ничего, — виновато ответил проснувшийся Жора.

До утра он пролежал, не сомкнув глаз, думая обо всём, что пережил за годы, проведённые в Германии.

Телеграмму Жора получил удивительную, для посторонних странную, но для него дорогую и беспредельно радостную. Горлов телеграфировал:

«Приезжай нам стройку, мой дорогой чертёнок Жора.

Вова».

На строительную площадку Волго-Донского канала Жора приехал утром, а в полдень уже разыскал друга.

Вова, как и Жора, вырос, изменился, возмужал; но друзья называли друг друга по-прежнему уменьшительно. Жора коренастый, широкий в плечах, среднего роста с военной выправкой, а Вова, напротив, сильно вытянулся, стал энергичнее, сильнее. Если бы Жора встретил его где-нибудь случайно, наверное, они бы не узнали друг друга. Так сильно изменились они, вернувшись на родину.

— Всё-таки ты стал танкистом! — глядя на друга, произнёс восхищённо Вова.

— Буду танкистом, ещё всё впереди, — ответил Жора, — А ты?..

— Я? — как бы не понял и переспросил Вова. — Работаю, учусь. Знаешь, Жора, я твёрдо решил дружить с машиной... Учусь в вечернем машиностроительном техникуме. Но если бы ты знал, каким я был, когда приехал сюда!.. Трудно было. Чернорабочему тут делать нечего, всё выполняет машина, а ею надо уметь управлять. Вот я и ходил: один вечер в вечернюю школу, другой — на курсы экскаваторщиков. И вот, наконец, стал экскаваторщиком, строю канал. Ох, и захватил он меня!

Они собирались поехать в Сталинград, но автобус где-то задержался. Беседа затянулась.

Поднимаясь из котлована, где полным ходом шли бетонные работы, друзья остановились. В широкой, безбрежной степи, где небо соединяется с землёй, «задымило». Это шла буря, несущая песчаную пыль.

— Пыль у нас особенная. Она состоит из мельчайших песчинок. Их ветром гонит откуда-то из среднеазиатских пустынь, — сказал Вова, обращая внимание друга на задымившуюся степь. — Вот эта пыль и врывается к нам, в Центрально-Чернозёмную область, на Украину. В старину здесь говорили, как вот увидят такую пыльную бурю: «Пришёл крестьянину конец, урожая не

будет».

Вова говорил с увлечением, вдохновенно. Жора молчал и внимательно слушал. Он многое знал из газет о плане преобразования природы, но то, что рассказывал Вова, было очень интересным. «Он по-настоящему вырос, — думал Жора о друге. — А руками он «дирижирует» всё так же, как и раньше».

— И вот большевики, — продолжал Вова, — по намеченному плану преобразуют природу. Наш канал Волго-Дон строится не только для соединения двух великих рек, чтобы по ним ходили большие корабли, но и для того, чтобы сделать прилегающие к каналу степи плодородными, цветущими. Вот о чём мечтали люди века, и чего мы добьёмся, шагая в коммунизм.

— Знаешь, Вова, — перебил его Жора. — Смотрю сейчас на тебя, и мне вспоминается, как ещё в Германии мы поклялись, что будем бороться за коммунизм. Я завидую тебе, что ты непосредственно строишь его, выполняешь нашу клятву.

— А ты, Жора, будешь оберегать мир, мой труд, труд моих товарищей. Верно я говорю?

— Правильно, Вова!

— А знаешь что, Жора, давай поклянёмся вот здесь, на этом канале, что мы одинаково будем бороться за мир, за победу коммунизма. Ты там — на границе нашей Родины, а я здесь — на великой стройке. Чтобы не повторилось то, что мы пережили, нам нужны и танкисты, и экскаваторщики.

Друзья крепким рукопожатием скрепили свою клятву.

По дороге в город в автобусе они вспоминали о прошлом, о товарищах.

— Костя агрономом стал. Я от него получил письмо, — рассказывал Вова.

— А где Андрей и Люся? — спросил Жора.

— Андрей заканчивает десятый класс.

— А Люся? — спросил Жора.

— Она молодец!.. Осенью в железнодорожный институт поступает. Упорная: дала слово — сдержит.

Сказав о Люсе, Вова немного смутился. Ему, действительно, было неловко. Вот уже месяц, как он не писал ей ни строчки.

— Давай напишем Люсе письмо, — сказал Жора, будто угадав мысли друга.

— Не только ей, — обрадовался Вова. — Напишем всем друзьям: товарищу Павлову, Зорину, Люсе, Андрею, Косте. Расскажем о нашей встрече, о планах, о клятве. Пусть и они дадут своё крепкое слово защищать мир и быть активными строителями коммунизма.

— Вот это идея! Обязательно напишем, — восторженно согласился Жора.

Друзья ехали по Сталинграду. Всюду виднелись корпуса новых прекрасных зданий — плоды созидательного труда советских людей. Вова и Жора смотрели на город, поднимающийся из руин, и чувствовали, что и они вносят свою долю в огромный радостный труд на благо своей

любимой Родины.

1

Эта русская девушка хорошая (нем.).

2

Шевелись, быстро, быстро! (нем.)

3

Руки вверх! (нем.)

4

«Совет Унион» — Советский Союз.

5

Это письмо было получено автором от гражданина Самошонкова при освобождении Советской Армией станции Шахово, Орловской области, в 1943 году. Им же, Самошонковым, сделаны пояснения к письму.

6

Поросёнок.

7

Белые дома — скотные дворы.

8

На заимке у роши — склад мороженых овощей для кормления скота.

9

Домик во дворе — крохотная домашняя баня.

10

Моя сестричка — умершая сестра Люси.

11

Этим Люся хотела сказать, как много русских детей заключено в лагерь.

12

Очень плохо *(нем.)*.

13

Гиглерюгенд — организация гитлеровской молодежи.

14

Генрих Гейне, понимаешь? *(нем.)*

15

Вон этого бандита! *(нем.)*

16

Назад! *(нем.)*

17

Что-о! *(нем.)*

18

Стой! Стой! *(нем.)*

19

Что это значит? *(нем.)*

20

Фаустпатрон — противотанковое оружие.

21

Да, да! *(нем.)*.

22

Работать *(нем.)*.

23

Я не хочу *(нем.)*.

24

Пожалуйста, пожалуйста! *(нем.)*

25

Чешское приветствие.

26

Да здравствует избавление! *(польск.)*

27

Да здравствует Красная Армия! *(чешск.)*

Да здравствует Красная Армия! *(чешск.)*

28

Спасибо. *(англ.)*

29

Здорово, ребята!

30

Советский Союз хороший. Русские товарищи хорошие. Благодарю вас, русский товарищ...

Topreading.ru